

Национальный исследовательский университет – Высшая школа
экономики

Факультет философии

На правах рукописи

Куманьков Арсений Дмитриевич

Теории справедливой войны в аналитической этике США

Специальность 09.00.03 – История философии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских
наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Кашников Б. Н.

Москва – 2013

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Нормативные концепции войны: историко-философский анализ.....	16
§ 1. Проблематика войны в политической философии.....	16
§ 2. Реализм.....	26
§ 3. Милитаризм	42
§ 4. Пацифизм.....	53
§ 5. Теория справедливой войны	60
Глава 2 Направления развития современных теорий справедливой войны	77
§ 1. Актуализация теории справедливой войны во второй половине XX в.	77
§ 2. М. Уолцер как основоположник современной теории справедливой войны	87
§ 3. Две теории справедливой войны Н. Фоушина.....	128
§ 4. Теория справедливой войны П. Кристофера	170
Глава 3 Актуальные проблемы и перспективы развития теории справедливой войны	192
§ 1. Трансформация справедливой войны и характер конфликтов современности	192
§ 2. Терроризм	199
§ 3. Частные военные компании.....	209
§ 4. Кибервойна	217
Заключение	232
Список литературы	239

Введение

Актуальность исследования

Вопросы войны и мира составляют одну из наиболее значительных проблем современной политической науки и философии. Философский дискурс войны создает теоретическую и нормативную основу, вокруг которой формируются военно-стратегические доктрины, фундаментальные положения международного права и нормы политической морали. Но, хотя проблема войны оставалась предметом исследования на протяжении многих веков, само содержание понятия войны по сей день вызывает споры.

Изучение войны требует междисциплинарного подхода, применения методологии философии, теории международных отношений, права, политологии, социологии, культурологии. Многообразие подходов и методов определяет различия в решениях и концепциях. Нормативная философия войны также разнообразна и представлена такими направлениями, как политический реализм, милитаризм, пацифизм и теория справедливой войны. Концепция *bellum justum* (справедливой войны), обновлённая и дополненная новым метанормативным содержанием, вышла в настоящее время за пределы философской науки, превратившись в один из элементов большой политики. И хотя наша собственная позиция лучше всего может быть выражена словами П. Сорокина: «современные культура, общество и человек воинственны по своей социокультурной природе, их декларируемый пацифизм – лишь иллюзия, а войны межличностные (преступность), гражданские и войны между

странами – их неотъемлемые черты»¹, мы всё-таки полагаем, что подобную агрессивную природу человека и политических институтов необходимо сдерживать, а значит, дискуссия о нравственных ограничениях войны сохраняет своё первостепенное значение.

Исторически Россия была активно включена в деятельность по разработке международно-правовой доктрины войны: стоит выделить мирные конференции, которые проводились в Российской Империи или были инициированы российским правительством. Кроме того, в дискуссию о войне были вовлечены и ведущие мыслители России конца XIX – начала XX в.в. По сей день наша страна остаётся одной из крупнейших мировых держав и с неизбежностью сталкивается с проблемами, которые стали общими для современных политических сообществ. Как государство демократическое, Россия не может обойти стороной вопросы этики войны. Общественный запрос и международно-политическая обстановка таковы, что даже силовое решение конфликта требует нравственного сдерживания и ограничения методов и средств. Однако в нашей стране нормативные принципы войны если и получили некоторое внешнее оформление, то содержание их остаётся крайне размытым. Одна из причин подобного положения дел состоит в пассивном отношении к философско-нормативному дискурсу войны, и в частности, в отсутствии знания о содержании современных концепций справедливой войны. Настоящая работа, цель которой состоит в историко-философском изучении теорий справедливой войны, появившихся во второй половине XX в. и созданных в рамках аналитической этики, призвана восполнить этот пробел.

¹ Сорокин П. А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. – 1999. – № 5. С. 3-4.

Современный корпус теории справедливой войны состоит из нескольких десятков, если не сотен, работ, в каждой из которых представлена оригинальная трактовка принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. В ходе нашего исследования мы остановились в первую очередь на трудах М. Уолцера, Н. Фоушина, П. Кристофера, концепции которых могут рассматриваться как знаковые для различных подходов к теории справедливой войны, определяющие основные направления развития современных доктрин *bellum justum*. При этом каждый из исследуемых авторов стоит на позициях аналитической этики. Так, концепция М. Уолцера строится на консеквенциализме, опирающемся на утилитаризм правила и действия, Н. Фоушин ориентируется в большей мере на прагматизм, а П. Кристофер опирается на традицию естественного права Г. Гроция, дополненную пониманием права и морали и заимствованную из философии права Г. Харта. Нам представляется, что именно эти три концепции наилучшим образом отражают существо современной доктрины справедливой войны со всеми ее преимуществами и недостатками.

Новизна исследования и степень разработанности темы

Дискуссия о справедливой войне в рамках континентальной и в особенности англо-американской традиции популярна и многообразна, представлена большим количеством концептуальных или историко-философских работ. Среди ведущих авторов теорий справедливой войны, ставших уже классиками, стоит выделить упомянутых М. Уолцера, Н. Фоушина, П. Кристофера, которые будут подробно рассмотрены нами, а кроме того - П. Робинсона, П. Рамси, Б. Оренда, Дж. МакМахана. Вопросам нормативной концепции войны посвящён специализированный «Журнал военной этики» издательства Taylor&Francis. Также публикации, выполненные в духе теории

справедливой войны, появляются во многих ведущих научных гуманитарных журналах². Теоретики международных организаций, таких как ООН и Международный Красный Крест, активно обращаются к инструментарию концепции *bellum justum*. Теория справедливой войны так или иначе инкорпорируется в международное право, в образовательные программы для профессиональных военных и превращается наравне с философией политического реализма в идейное поле, вокруг которого формируется современное представление западного мира о войне. Всё это делает её не застывшей формой знания, а живой и развивающейся традицией, которая не превратилась в единственную философско-политическую позицию по отношению к войне и обладает неоспоримым значением для современной науки и политической практики.

В России концепция *bellum justum* разработана крайне слабо. В целом, в нашей стране теории войны рассматриваются в настоящее время в первую очередь с позиций истории политических и правовых учений, социологии или политологии. Среди прочих работ можно указать на монографию «Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории» В. Н. Коньшева³, исследование А. В. Соловьёва «Проблемы войны и мира во взглядах французских мыслителей и общественных деятелей XX века»⁴, диссертации Е. В. Сауниной «Политико-правовые учения о войне в эпоху средневековья и Нового времени и роль Гуго Гроция в становлении правовой доктрины справедливой войны» и Г. В. Люткене «Современные

² Society and Politics, Journal of Religious Ethics и др.

³ Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. – СПб.: Наука, 2004.

⁴ Соловьёв А. В. Проблемы войны и мира во взглядах французских мыслителей и общественных деятелей XX века. – М.: ВИУ, 1999.

концепции войны: философско-политологический анализ», раздел «Война и политика» книги И.А. Гобозова «Введение в философию истории»⁵, статья С. Ю. Волкова «Развитие доктрины справедливой войны в эпоху раннего Нового времени»⁶ или И.В. Образцова «Исследование войны как специфического социального процесса»⁷. Материалов, представляющих собой комплексный анализ проблемы войны, выполненных историками философии или специалистами по этике, крайне мало, особенно учитывая колоссальный объём литературы по истории конкретных войн самых разных эпох.

Изоляцию российской философии из дискуссии справедливой войны усиливает и отсутствие переводов ведущих современных программных работ, таких как «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцера или, к примеру, «Убийство на войне»⁸ Дж. МакМахана. Что же касается М. Уолцера, то были переведены лишь две его крупные работы, не посвящённые, однако, напрямую проблеме войны⁹, а также статья «Смена режима и справедливая война»¹⁰. К сожалению, не вышла на русском языке и работа Б. Н. Кашникова «Терроризм. Новый мировой беспорядок»¹¹, выполненная совместно с Н. Фоушином и Дж. К. Лики.

⁵ Гобозов И.А. Введение в философию истории. – М.: ТЕИС, 1999. С. 243–250.

⁶ Волков С. Ю. Развитие доктрины справедливой войны в эпоху раннего Нового времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 3. С. 227-233.

⁷ Образцов И. В. Исследование войны как специфического социального процесса // Социологические исследования. – 1992. – № 3. С. 135–139

⁸ McMahan J. Killing In War. Oxford: Oxford University Press, 2009.

⁹ Уолцер М. О терпимости. – М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

¹⁰ Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 7. – С.26-32.

¹¹ Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. Terrorism. The New World Disorder. New York: Continuum, 2008.

Кроме того, существует языковая сложность с восприятием понятия справедливой войны. Концепт *bellum justum* может быть переведён на русский язык и как «справедливая» война, и как «правовая», «законная» война. В европейских языках этические и правовые коннотации оказываются сращенными в этом понятии, сама мораль наделяется юридическим содержанием. Такая правовая трактовка этики не характерна для русского языка и русской мысли. Этическая составляющая в понятии справедливой войны занимает для нас доминирующее положение по отношению к правовой. Такое положение дел затрудняет принятие *bellum justum*, поскольку в моральном плане любая война представляется неприемлемой и несправедливой по определению.

Однако делать вывод о том, что война не представляет или, во всяком случае, не представляла интереса для русской философии – ошибочно. Русские мыслители разрабатывали собственную специфическую, обособленную традицию философии войны, тесно связанную с христианством, однако отличную от классической теории справедливой войны. Работами по войне отметились почти все ведущие отечественные философы: В. С. Соловьёв¹², С. Л. Франк¹³, М. А. Энгельгарт¹⁴, В.В. Розанов¹⁵, А.Е. Снесарев¹⁶, И. А. Ильин¹⁷. Этот

¹² Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1988.

¹³ Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. – 1914. – № 12.

¹⁴ Энгельгарт М. А. Вечный мир и разоружение. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899.

¹⁵ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. – Пг.: Типография А.С.Суворина, 1915.

¹⁶ Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003.

¹⁷ Ильин И.А. Духовный смысл войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9-10. – М., 1999. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. – М., 1999. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. – М., 1999.

список должен быть дополнен авторами русской мысли в эмиграции: А.А. Керсновский¹⁸ и Н.Н. Головин¹⁹.

Нельзя сказать, что эти работы оказали значительное влияние на общий ход развития дискурса войны – как и русская философия в целом, философия войны находилась в то время на стадии своего зарождения и попросту не получила запаса времени, достаточного для собственного утверждения. Однако интерес к трудам русских мыслителей сохраняется и за рубежом²⁰.

Среди современных серьёзных исследований, выполненных с позиций истории философии и этики, можно выделить монографию А. А.Скворцова «Русская религиозная этика войны XX века»²¹, которая подкреплена также рядом статей²². А. А. Скворцов, однако, исследует в первую очередь отечественную традицию философии войны. Особое место здесь занимает совместный труд интернационального коллектива авторов «Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры»²³, который представляет собой уникальную для отечественной философии работу, излагающую общие положения теории справедливой войны и исследующую возможность практического применения её принципов для оценки тех

¹⁸ Керсновский А. А. О природе войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. – М., 1999.

¹⁹ Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – Париж: издательство газеты «Сигнал», 1938.

²⁰ Robinson P. On Resistance to Evil by Force: Ivan P'in and the Necessity of War // Journal of Military Ethics. Vol. 2. № 2. 2003.

²¹ Скворцов А. А. Русская религиозная этика войны XX века. – М.: МАКС Пресс, 2002.

²² Скворцов А. А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. – 2001. – № 2. – С. 216-230.; Скворцов А.А.

Нравственные проблемы войны // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2001. – № 1. – С. 74-83.; Скворцов А. А. Можно ли победить войну? // Сократ. Журнал современной философии. – 2010. – № 2.

²³ Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / Под ред. Коппитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. – М.: Гардарики, 2002. С. 130.

или иных конфликтов. Заслуживают внимания также исследования по этике войны Б. Н. Кашникова²⁴, Р. Г. Апресяна²⁵, А.А. Гусейнова²⁶. А среди зарубежных работ – опубликованная на русском языке «Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах»²⁷ Х. Сисе из Института исследования проблем мира (PRIO), где раскрываются основные принципы теории *bellum justum* и рассматривается морально-правовые составляющая конфликтов современности.

Цель исследования состоит в историко-философском анализе, выявлении структурных особенностей и категоризации основных форм теорий справедливой войны, аналитической этики второй половины XX в. на примере концепций М. Уолцера, Н. Фоушина и П. Кристофера, а также в определении возможности практического применения этих концепций.

Объектом исследования являются теории справедливой войны современной аналитической этики США.

Предметом исследования стали метатеоретические основания и нормативные выводы этих теорий, исследующие, в частности, возможность практического применения доктрины *bellum justum* к новым типам войн и иным вооруженным конфликтам современности.

²⁴ Кашников Б. Н. Частные военные компании и принципы *Jus in Bello* // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 12. – С. 27-31; Кашников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны. Кашников Б. Н. Частные военные компании как морально-политическая проблема современности. // Российский научный журнал. – 2012. – № 6 (19). – С. 62-73.

²⁵ Апресян Р. Г. *Jus Talionis* в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. – 2002. – Вып. 3. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // НП "Редакция журнала "ПОЛИС". – 2002. – Вып. 3. Апресян Р. Г. Справедливой войны принципы // Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001.

²⁶ Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 72-81.

²⁷ Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007.

Задачи исследования, решение которых определяет достижение цели исследования, состоят в следующем:

- исследование основных подходов к проблеме нравственного ограничения войны и анализ их теоретических оснований.

- теоретический анализ концепций М. Уолцера, Н. Фоушина, П. Кристофера и рассмотрение их соотношения как с общей традицией теории справедливой войны, так и с основными этическими доктринами;

- анализ возможности реализации положений теории *bellum justum* в условиях трансформации политического и появления новых форм войны.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение принципов теории справедливой войны невозможно без анализа иных нормативных концепций войны, то есть без исследования того нормативного контекста, в котором находится теория справедливой войны.
2. Историко-философский подход к изучению теории справедливой войны требует признания существования не одной, а нескольких теорий справедливой войны. Общей для них является концептуальная и нормативная база принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*, разница же проявляется в способах аргументации и теориях, на которые опираются современные авторы.
3. Существуют определенные причины актуализации теории справедливой войны в середине XX в., а именно: трансформация государства и политики, кризис политического реализма, кризис логического позитивизма и усиление значения морального дискурса справедливости.

4. Теория справедливой войны сформировалась и развивалась главным образом в рамках теологической традиции, впоследствии секуляризованной и дополненной философскими аргументами. В XX в. аналитическая этика США, ориентируясь на традицию дискурса справедливости, создала принципиально новую нормативную теорию вооружённого конфликта, которая опирается не только на философские, но и правовые, социальные и экономические основания.
5. Современные теории справедливой войны следует рассматривать как независимую и оригинальную традицию, связанную лишь в незначительной степени с тем учением *bellum justum*, которое развивали Августин Аврелий, Ф. Витория, Г. Гроций и др. Авторы концепций, появившихся во второй половине XX столетия, придали новое содержание принципам *jus ad bellum* и *jus in bello*, а также ввели принципы *jus ante bellum* и *jus post bellum*.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования

Основная тенденция историко-философского изучения теории справедливой войны состоит в исследовании античной, средневековой и нововременной традиции, путь развития концепции *bellum justum* выглядит как движение от Аристотеля или Августина Аврелия к Гуго Гроцию. И. Кант выступает как некое промежуточное звено между пацифизмом и концепцией справедливой войны, и значимость его для развития последней оценивается уже значительно ниже. Создаётся впечатление, что теория справедливой войны после Г. Гроция

перестала существовать. Мыслители, развивавшие теорию справедливой войны в XX в., рассматриваются крайне редко, лишь в специализированных исследованиях. Настоящее исследование опирается на историко-сравнительный метод, при помощи которого выявляется соотношение современных теорий справедливой войны с классической традицией *bellum justum* и этическими концепциями. А применение историко-реконструктивного метода и метода компаративного анализа позволяет эксплицировать условия появления современных теорий справедливой войны и определить их место среди этических теорий войны. Однако исходя из того, что в научной литературе России позиции ведущих теоретиков справедливой войны не представлены должным образом, одним из основных методов работы с источниками был выбран дескриптивизм.

Историко-философский подход к изучению теории справедливой войны характеризуется двумя тенденциями, положения которых могут быть оспорены. Во-первых, теорию справедливой войны нередко рассматривают как единую школу, сторонники которой постулируют общий набор принципов и транслирует сходные идеи. При этом в качестве теоретической основы выработки этих принципов указывается деонтология или концепция естественных прав человека.

Подобный подход представляется излишним упрощением, плохо работает для выявления содержания современных концепций справедливой войны, между которыми прослеживаются значительные различия в способах аргументации и трактовки основных положений, и требует ревизии. Безусловно, сторонников теории справедливой войны отличает общность в выборе позиции по отношению к войне, которая понимается как зло, в некоторых случаях необходимое и

оправданное. Общей остаётся и цель теоретиков: исследование факторов, легитимирующих войну. Однако саму суть теорий составляет аппарат аргументации, подкрепляющий обоснованность принципов *jus ad bellum*, которые оценивают справедливость войны, и *jus in bello*, которые определяют допустимые способы ведения войны. Объективный подход к изучению теории справедливой войны состоит, таким образом, в рассмотрении не одной, а нескольких концепций, объединённых общим именем, в исследовании различных теорий справедливых войн, их этической составляющей, методологии и аргументации.

Во-вторых, теорию справедливой войны принято выводить из христианских теорий Амвросия Медиоланского, Августина Аврелия и Фомы Аквинского. Опять-таки ограничивать содержание концепции *bellum justum* исключительно теологическими коннотациями неверно, поскольку размышления о допустимых и запрещённых условиях начала войны и методах проведения боевых операций можно встретить и в сочинениях античных и иудейских текстах. Выявление оснований современных концепций справедливой войны требует, таким образом, внимательного изучения всей традиции этического рассмотрения вооружённых конфликтов, а также сопоставление её положений с другими философскими теориями войны.

С учётом выбранной методики исследования современная традиция справедливой войны рассматривается нами не как независимая сфера знания, но как часть политической философии, в сопоставлении с другими нормативными подходами к этике войны: реализма, пацифизма, милитаризма. Особой значимостью при этом наделяется спор между сторонниками политического реализма и теоретиками справедливой войны. Кроме того, исследование

современных теорий справедливой войны невозможно без анализа международных нормативно-правовых актов, и соотнесение позиций рассматриваемых авторов с положениями межгосударственного права также проведено в настоящей работе.

Глава 1 Нормативные концепции войны: историко-философский анализ

§ 1. Проблематика войны в политической философии

Известный 80-й фрагмент Гераклита звучит следующим образом: «должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей... и что все возникает через вражду и взаимообразно»²⁸. Человечество ведёт войны с незапамятных времён, и хотя большинство людей, политиков, мыслителей, простых обывателей, понимают те ужасы, разрушения и преступления, которыми сопровождаются войны, количество вооруженных столкновений не сокращается. Каковы же причины такой заинтересованности в насилии человека, основной потребностью которого, казалось бы, должна быть защита собственной жизни и улучшение условий существования? Для поисков ответа на этот вопрос необходимы совместные усилия философов, психологов и социологов. Проблемы войны и мира стали предметом рассмотрения ещё самых ранних философов и составляют сейчас ядро всей политической философии. Нас же в первую очередь интересует философская традиция, связанная с осмыслением понятия войны и насильственного взаимодействия государств с другими государствами или вооруженными группами и наложением нравственных ограничений на эти отношения.

Понятие войны при этом представляется довольно расплывчатым. Из множества возможных трактовок концепта войны сложно выделить одно определение, раскрывающее все аспекты

²⁸ Гераклит 28 (80 DK). Фрагменты ранних греческих философов / Издание подготовил А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989.

феномена. Очевидна связь между войной и насилием. Насилие может пониматься довольно общо как всякое подавление и зло²⁹, и в таком смысле не каждую акцию насилия можно назвать войной. В свою очередь насилие в интересующей нас политической сфере связано с государством. Политическая организация народа государственной властью подразумевает под собой узурпацию части прав личности и передачи их властным органам; среди прочего отчуждается и право индивида на автономное применение насилия³⁰. Сохраняет своё значение веберовское понимание легитимного насилия только как такого, которое исполняется государственными органами. Решение вопросов войны и мира остаётся за лицом, обладающим законным политическим господством, то есть за политическим руководством государства. В то же время правительство, по крайней мере демократических государств, обязано дать публичное объяснение логике принятия решения о войне, поскольку это чрезвычайное состояние оказывает непосредственное и самое серьёзное влияние на судьбу граждан.

Традиционно войной называлось в первую очередь вооруженное столкновение между политическими сообществами. Подобная трактовка не была единственной, в разное время появлялись весьма оригинальные и разноплановые определения вооружённых конфликтов: борьба как космический закон или война всех против всех. Политическое понимание войны долгое время оставалось главенствующим, однако в современном мире всё активнее в войны оказываются втянутыми или даже начинают их негосударственные

²⁹ Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – № 4. С. 35-41.

³⁰ См. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис (Политические исследования). – 2005. – № 2. С. 6-25.

субъекты: партизаны, повстанцы, террористы, а также частные военные компании и разведывательные агентства. Эти акторы международной политики, подобно государствам, претендуют на право вести войну. В качестве самого общего определения войны мы можем использовать формулировку К. Клаузевица: «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»³¹.

Люди во всех уголках земного шара издревле задумывались о правилах ведения войны. Так, для культуры ацтеков было характерным ведение битв заранее установленным количеством воинов с обеих сторон, в определённое время на заранее условленном поле битвы. Правитель Ассирии Синнахериб в VII в. до н. э., захватив мятежный Экрон, жестоко истребил политическую элиту и военачальников, ответственных за начало восстания и за совершённые в ходе него преступления, однако помиловал и освободил обычных мятежников.

Рассуждения о правилах поведения на войне характерны также и для христианства, и для ислама, и для иудейской традиции, которые, с одной стороны, негативно высказываются о войне, однако не запрещают её полностью. Естественно, проблема регуляции вооружённых столкновений не обошла стороной и философские исследования. Война не составляла основной предмет внимания досократических философов, отдельно стоит здесь упомянутый ранее Гераклит, для которого распря, понимаемая диалектически, служила одним из созидующих космических законов. Однако в трудах Платона «Государство» и «Законы», а также «Политика» и «Никомахова этика» Аристотеля, посвящённых политической жизни людей,

³¹ Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2007. С. 6.

осмыслению войн отведено значительное место. Платон, которого в первую очередь интересовала проблема распри внутри одного народа, полагал, что яростное начало души соответствует защитной части в государстве, тем людям, которых он именует стражами. В межгосударственных столкновениях от способностей и подготовки стражей, от степени их знакомства с военным искусством зависит, как долго будут продолжаться войны — «главный источник частных и общественных бед»³². Однако авторы этого периода рассматривали войну как необходимое свойство политических сообществ, в ходе которой можно к тому же приумножить собственность и добыть рабов.

Мыслители Средневековья опирались в своих исследованиях рассматриваемого нами вопроса в первую очередь на христианскую мысль, а также античную традицию, выдвинув ряд правил и догм для ведения войн, как это сделали Августин Аврелий, Фома Аквинский, а позже Жан Боден или же Франсиско де Витория. Однако на практике религиозные войны Средних веков, равно как и захваты земель вне *Respublica Christiana*, были апофеозом жестокости и непримиримости, а потому и подверглись критике со стороны философов-гуманистов, таких, как Эразм Роттердамский, Т. Мор или Т. Кампанелла.

Н. Макиавелли и Т. Гоббс развили идею превалирования государственных интересов над личными стремлениями граждан. Особое место в их теориях уделялось насилию, правом на которое обладал только государь или суверен и которое было неотчуждаемым. В Новое время наиболее разработанные и полные учения о войне были представлены Гуго Гроцием в XVII веке и Карлом фон Клаузевицем в XIX веке. Сочинения Гроция о праве борьбы на море

³² Платон. Государство. – М.: Наука, 2005. 373е.

«Свободное море»³³ (1609 г.) и «Три книги о праве войны и мира»³⁴ (1625 г.) были посвящены проблемам правового определения и регулирования войн. Частично идеи Гуго Гроция использовались при выстраивании международных отношений в Европе после Вестфальского мира.

В своём главном сочинении «О войне»³⁵, опубликованном уже после смерти автора в 1832 г., К. Клаузевиц пытается проанализировать феномен войны с различных точек зрения, в том числе и с философских позиций. Цель К. Клаузевица в работе по созданию общей теории большой войны с четко определенными понятиями и выверенными методами, по сути, состояла в привнесении строгих законов в эту весьма сложную область. Отталкиваясь от тезиса о невозможности существования человеческого общества без войны, немецкий мыслитель занялся не изучением причин, по которым люди берутся за оружие, а исследованием того, по каким правилам следует вести войну и какими приёмами нужно пользоваться для обеспечения скорейшей победы. Такая позиция во многом соответствует просвещенческому проекту и общему состоянию культуры, которое проецируется на трактовку войны. Сам дух времени обусловил появление в этот исторический период концепции К. Клаузевица.

Война являет собой предел наличествующей между государствами политической поляризации и напряженности. Мир представляет собой диалектическое единство тождества и различия, однако окончательно это единство достигается только через преодоление отрицания, борьбы. Человеческая жизнь состоит из

³³ Grotius H. Mare Liberum. Create Space Independent Publishing Platform, 2012.

³⁴ Гроций Г. Три книги о праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

³⁵ Клаузевиц К. О войне.

моментов разнообразных, расходящихся сил. По большому счету эти силы всегда находятся в столкновении между собой, то есть уравновешенное состояние достигается лишь теоретически, но фактически исчезновение борьбы означало бы отсутствие действия, отсутствие жизни вообще. «Любая человеческая деятельность – это использование силы в противоборстве с природой, с вещами или в столкновении с другими людьми... Конфронтационные действия – это не определенный способ политических действий, а момент любой деятельности, и их невозможно мысленно отделить от нее»³⁶. В конфронтации, в противоборстве человек находит себя; и точно такие же отношения характерны и для политических субъектов. К подобному пониманию логики политического взаимодействия подводит нас К. Клаузевиц, ещё на первых страницах своего сочинения указывая на то, что «война есть не что иное, как расширенное единоборство»³⁷. Надо отметить, что К. Клаузевиц здесь использует слово «единоборство» исключительно в практическом смысле этого слова. Он разбирает войну как столкновение между людьми, насилие, как явление физическое, а не моральное. И предполагает, что правом на использование такого насилия обладает только государство.

Корректному восприятию теории К. Клаузевица помогает осознание того факта, что в эпоху, описываемую им, то есть XVII-XIX в.в., политическое существовало особым образом. Политикой в то время можно было назвать только внешнюю политику, которую вели суверенные государства – равные по своему статусу и своим правам единицы. Это была эпоха классического международного

³⁶ Хофмайстер Х. Воля к войне или бессилие политического. – СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006.

³⁷ Клаузевиц К. О войне. Стр. 19.

публичного права европейских народов (*jus publicum europaeum*). Вслед за И. Кантом такие взаимоотношения между государствами было бы верно именовать межгосударственным правом. «Право государств в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется международным правом — оно должно было бы, скорее, называться межгосударственным (*jus publicum civitatum*),— это то право, которое мы должны рассмотреть под названием международного права, когда одно государство, рассматриваемое как моральное лицо по отношению к другому государству, в состоянии естественной свободы, а, следовательно, и в состоянии постоянной войны делает своей задачей установить отчасти право на войну, отчасти право во время войны»³⁸. Основной характеристикой политического той классической эпохи было, с одной стороны, наличие ясных различий во внешней политике – однозначные позиции друга, врага или нейтралитета. Границы войны и мира, гражданского и военного были четко проведены. С другой же стороны, внутреннее состояние этих государств приближалось к формуле «покой, безопасность и порядок», вражда в политическом смысле внутри государств была практически искоренена, поскольку духовенство и аристократия утратили в абсолютистской монархии претензии на обладание высшей властью.

Столкновение между такими государствами подчинялись определенным правовым и нравственным нормам. Причем мораль войн того времени была уже далека от нравственных идеалов войн галантного века, корнями уходившего в средневековую рыцарскую этику. Те же народы, которые Клаузевиц в «О войне» именовал «дикими», находились в естественном, внеправовом состоянии.

³⁸ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1965.

Руководящим началом для таких народов служит чувственный мир, эмоции, а не рассудок и закон; возможно, именно это и определяет «необоснованность» и особую жестокость, с которой они вели войны. В цивилизованном же государстве силы разума и духа преобладают над чувственными впечатлениями. Поэтому и классическая война, описываемая Клаузевицем, происходит между совершенно определенными государствами, вернее типами государств, которые смотрят на политику, «как на разум олицетворенного государства»³⁹.

Государству, и только ему, принадлежат и *jus ad bellum*, и *jus in bello*, то есть вся целокупность *jus belli*, предполагающих возможность самостоятельно определять врага и бороться с ним, исходя из собственных понятий независимости и свободы. В этом исключительном праве государства на войну содержится огромная сила политического, которая ставит его над любой другой общностью. И Клаузевиц указывает на эту силу, на эту волю к решению – она в полномочии требовать от собственного народа готовности к смерти и решимости физически уничтожать всякого человека, который стоит на стороне врага.

Человек приходит к войне, движимый не всегда собственными интересами, а, скорее, практически всегда в силу необходимости, определяемой государством. Философия войны, которую проповедует К. Клаузевиц, не говорит и не может говорить об отдельной личности, её действующий субъект – это общество индивидов, объединенных в государство. Война относится не к области наук или искусств, но к области общественной жизни, и является актом человеческого общения. Видимо, как раз тем видом взаимоотношений, которое И. Кант именовал «необщительным общением», подчеркивая

³⁹ Клаузевиц К. О войне. С. 39.

антагонистический характер взаимодействия людей в обществе. И такой человек – человек европейской цивилизации, взявший на вооружение кантовский рационалистический способ мышления – существовал в рамках имманентного ему варианта субъективной и политической рациональности, особое место в которой отведено войне.

К. Клаузевиц принадлежал к золотой эпохе европейской государственности, а потому война понималась им как характеристика исключительно политической сферы. «Война есть продолжение политики, только иными средствами» – этот афоризм Клаузевица затмил славу автора. Военные цели, прежде всего, имеют своим объектом вооруженные силы, территорию и волю противника. Политические же цели, из которых рождается война, определяются правительством. Таким образом, уровни политических и военных целей оказываются разведёнными, и политические цели явно занимают главенствующее положение. На фоне действия политических задач и целей война становится всего-навсего орудием, инструментом, с помощью которого эти цели достигаются, и только в абстрактной, идеальной форме политическая и военная цель совпадают. Война, согласно Клаузевицу, представляет собой не просто один из вариантов развития отношений между государствами, она находится в подчинении политического. Политическая цель войны, а не военная (лишить противника возможности сопротивляться) выдвинута на первый план. И цель эта состоит в навязывании противнику собственной воли. Достижение же этой цели лежит в области насилия. Такой инструментальный подход к войне действительно отражал положение дел и был верным для классического периода пост-Вестфальского государства,

продолжавшегося до XX в. и двух мировых войн. В то время как в наши дни, с появлением новых политических сил и трансформацией политического пространства, война всё больше кодифицируется нормами международного права, а кроме того, приобретает новые характеристики, которые будут подробнее рассмотрены в третьей главе настоящего исследования.

Стоит заметить, что вооруженная борьба нередко рассматривалась как необходимый фактор развития как индивида, так и общества в целом. То есть, не смотря на все ужасы, характерные для её сущности, ряд мыслителей видит в ней своего рода двигатель прогресса. В качестве примеров можно привести рассуждения на эту тему И. Канта или А. Бергсона, которые высказывали в своих политических работах мысли о положительном эффекте войн на определённых этапах развития человечества. Так А. Бергсон в работе «Два источника морали и религии» следующим образом характеризует развитие человечества: «Природа, предопределившая возникновение малых обществ, оставила, однако, возможность для их увеличения, ибо она предопределила также войну или, по крайней мере, создала для человека жизненные условия, делавшие войну неизбежной. Ведь угроза войны может побудить несколько малых обществ объединиться для отражения общей опасности»⁴⁰. Высказанная здесь вполне гоббсовская мысль подчёркивает, что без действительности войны, без борьбы за существование малые группы не имели бы стимулов объединяться, у них не было бы причин к образованию государства.

В XIX и XX в.в. различные философские взгляды на проблему войны оформились в ряд основных концепций, авторы которых

⁴⁰ Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. С. 299.

занимают различные позиции по отношению к возможности приложения этики к войне. Речь идёт о таких четырёх течениях, как реализм, милитаризм, пацифизм и теория справедливой войны. Историко-философское рассмотрение этих четырёх концепций и станет нашей основной задачей в первой главе, поскольку анализ основных концепций войны позволит лучше понять тот контекст, в котором находятся авторы современных теорий справедливой войны, и определить основания появления в середине XX в. аналитической традиции *bellum justum*. Выбор именно этих теорий обусловлен тем, что ядром для них является проблема нормативности, имеющая первоочередное значение для нашего исследования. Каждое из этих направлений включает в себя многочисленные более мелкие течения, в рамках которых вырабатывается особый подход к проблеме войны. Сопоставление же каждого из этих подходов – от обожествления борьбы до идеи полного её запрета – позволяет получить наиболее полное представление о философском дискурсе войны.

§ 2. Реализм

Одну из наиболее мощных традиций в рамках философского осмысления войны представляет собой политический реализм или теория реальной политики (*Realpolitik*), авторы которого предполагают, что вооруженные конфликты, к которым не применяются нормы этики, вызваны борьбой за власть. Подобное определение, безусловно, весьма широко, однако позволяет получить представление о направлении развития мысли реалистов.

Первым теоретиком политического реализма традиционно называют Фукидида, создавшего в V в. до н.э. объёмную «Историю

Пелопоннесской войны». Фукидид на примере войны между Спартой и Афинами исследует вопрос о том, могут ли в международных отношениях применяться нормы морали. Широко известный отрывок из этой работы – «Мелосский диалог» – стал первым рассуждением о свободе действия государства в отношениях со своими соседями. Эту свободу в фактически анархическом пространстве межгосударственных отношений ограничивает только военная мощь других государств. На предложения жителей Мелоса о заключении союза афиняне отвечают решительным отказом и настаивают на безоговорочном подчинении: «для нас вредна не столько вражда ваша, сколько такая дружба, которая является примером слабости нашей в глазах наших подданных» или «наши подданные того мнения, что... одни из них сохраняют свою независимость благодаря своей силе и что мы не нападаем на них из страха»⁴¹. Фукидид устами афинских послов в общих чертах формулирует максимум политического реализма, состоящую в первичности права силы: «право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает»⁴². Равенство в силе означает равенство в законе, но когда подобное состояние нарушается, исчезает и взаимодействие, вместо которого появляется подчинение и исполнение воли сильнейшего. В этом и состоит особая инструменталистская «этика» международных отношений, которую реализм противопоставляет этике долга и уважения прав и свобод личности.

Среди важнейших сочинений античных авторов по политическому реализму помимо «Истории» Фукидида следует назвать «Стратегемы» («Strategemata») Секста Юлия Фронтиня и «О

⁴¹ Фукидид. История Пелопоннесской войны. – М.: София, Пролог, 1994. С. 259.

⁴² Там же. С. 257.

военном деле» («De Re Militari») Публия Флавия Вегеция. Вместе эти работы оказали значительно влияние на средневековую и ренессансную политическую философию. И в первую очередь, конечно же, на Николо Макиавелли, который в работах «Государь», «О военному искусстве» и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» представил политику, очищенную от схоластики, теологии и этики. Макиавелли исходит из того, что по природе своей человек зол, довериться и полагаться на него нельзя, а потому успешный правитель должен держать в страхе как своих подданных, так и граждан соседних государств. Политик макиавеллианского типа, как замечает Оана Матей, «не просто тот, кто издаёт законы; конечная цель политики – обучать граждан, сформировать их гражданское поведение»⁴³. Ради достижения этой цели «благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил»⁴⁴. Моралью можно пренебречь ради успеха дела, однако это не означает, что государь лишён добродетелей. Добродетели Макиавелли трактует не в христианском или гуманистическом смысле, а в духе платоновского понятия об арете (αρετή) как о хорошем качестве или благоразумии, то есть том арете, которое Аристотель называет дианоэтическим. Нравственная высота и духовная свобода – это не то, чем должен быть обеспокоен правитель. Значение Макиавелли для формирования философской традиции политического реализма, таким образом, заключается в первую очередь в изобретении концепции двойной этики (частной и публичной) через разграничение сфер целесообразности и нравственности.

⁴³ Matei O. The Machiavellian Concept of Civic Virtues // Society and Politics. Vol. 5. № 1 (9). 2011. P. 109.

⁴⁴ Макиавелли. Государь. – М.: Планета, 1990.

Томас Гоббс в сочинениях «О человеке», «О гражданине» и, конечно же, в своем *magnus opus*, «Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», продолжил традицию, начатую Макиавелли, по секуляризации политической мысли, одновременно ведя наступление против авторитета главного первоисточника схоластической мысли – трудов Аристотеля. Т. Гоббс отвергает тезис Аристотеля о том, что человек есть по природе своей существо общественное⁴⁵. Также не соглашается он и с характерными для всей идеалистической традиции представлениями о природной нравственности человека и природном же подчинении страстей законам разума. Людей в естественном состоянии, которое определяется отсутствием государства, в первую очередь характеризует общее «беспрестанное желание всё большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»⁴⁶. Человек действует эгоистично, индивидуалистки, он существует в мире анархии. От природы люди равны не только в статусе, но и в возможностях, из-за чего возникает взаимное недоверие, а из него – война, поскольку нет власти, которая могла бы сдержать людей. По природе человек не только расчетлив и эгоистичен, но и разумен и договороспособен. Ограничивая свою свободу, люди устанавливают государство. Но если человек выходит из мира анархии, подчиняясь власти суверена, то государства между собой так и продолжают пребывать в состоянии постоянного конфликта, поскольку не имеют над собой Левиафана – той власти, которая примирила бы их, заставив подчиняться одной верховной воле.

⁴⁵ Аристотель. Политика. // Его же. Сочинения в 4 тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. 1253а.

⁴⁶ Гоббс Т. Левиафан // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. С. 74.

Политическая философия Т. Гоббса оказала самое непосредственное влияние на всю последующую традицию реализма. Своими идеями об эгоистичной природе людей и политике, проистекающей из борьбы за власть, Гоббс внёс неоценимый вклад в развитие традиции реализма, в особенности повлияв на теоретиков неореализма. Для классического реализма крайне важным было представление Т. Гоббса о внешней политике как акте постоянной борьбы, действительной или скрытой. Был заимствован и его пессимистичный взгляд на реализацию идеи установления вечного мира между государствами: доводы разума указывают государствам, как и отдельным индивидам, на возможность сожительства в мире, однако не существует воли, которая установила бы подобное состояние на века. Такое положение дел не означает, что в международных отношениях государственная воля совершенно ничем не сдерживается. В поисках мира государства устанавливают договорные отношения. Но каждое государство будет трактовать эти соглашения в угоду своим интересам, а потому состояние мира всегда будет шатким. Эта идея независимости государств от какого бы то ни было суверенитета, стоящего над ними, которого, в конце концов, попросту не существует, стала важнейшим положением теории неореалиста К. Уолтса.

Т. Гоббс стал важнейшим автором теории политического реализма, однако, безусловно, он не был единственным его источником. Развитие реализма не было бы возможным без легалистской теории С. Пуфендорфа, просвещенческого проекта Ж. Ж. Руссо, экономических работ А. Смита, Д. Ф. Листа и Д. Рикардо, трудов А. Мэхэна. Весь это теоретический контекст, а также непосредственные политические события – Вторая мировая война и

последовавшая Холодная война – привели к разработке новой доктрины национального интереса.

Политический реализм XX в. во многом появился в качестве альтернативы пацифизму и идеализму, которые начали активно проявлять себя после окончания Первой мировой войны. О пацифистах будет сказано подробнее в соответствующем разделе. Что же касается идеалистов, то они основывались на традиции политической философии, идущей от Платона, Аристотеля и Канта, определяя свою главную цель в обнаружении теоретических установок, которые способствовали бы установлению мира и снятию угрозы новой мировой войны. В это время ведётся активная работа по дискриминации войны, трансформации понятия врага в понятие агрессора, а войны соответственно в акты агрессии, что получает правовое закрепление в текстах Версальского мирного договора 1919 г., Женевского протокола 1924 г. и пакта Бриана-Келлога 1928 года. По инициативе президента США В. Вильсона была создана и первая надгосударственная организация – Лига Наций, первоочередной задачей которой была разработка проектов договоров по обеспечению коллективной безопасности в Европе. По инициативе Эдварда Бенеша предполагалось юридически закрепить предложение о введении санкций против агрессора, что предусматривало бы развитие механизмов мирного разрешения международных коллизий. Выдвигалась идея создания Постоянной палаты международного правосудия (Permanent Court of International Justice), которая занималась бы рассмотрением споров между государствами; и всякое государство, уклоняющееся от рассмотрения своих дел в таком своеобразном третейском суде, объявлялось бы агрессором. Женевская лига наций предполагала финансовое, экономическое и

военное воздействие на те государства, которые развязывают несанкционированную войну. На такого международного преступника должно было лечь бремя возмещения расходов, понесенных государством-противником и его гражданами. Однако попытки создания нового глобального порядка, подкрепленного правовыми постановлениями, провалились.

Надежды на установление долгосрочного мира в 20-30-е годы прошлого столетия оказались иллюзорными. Пацифизм и принципы ненасилия были столь же несвоевременными и ошибочными, как и заявление Н. Чемберлена «я привёз вам мир» после подписания Мюнхенского соглашения. Этот пессимизм не замедлил обрести философское выражение. В 1932 г. выходит работа «Моральный человек и аморальное общество: этическое и политическое исследование»⁴⁷, в которой американский теолог и специалист по этике Р. Нибур выступил с критикой подобных пацифистских взглядов, необоснованных в мире, где всякое общество агрессивно по своей природе. Основной тезис Р. Нибура состоит в том, что личность может действовать в соответствии с предписаниями морали, но не стоит ждать подобного поведения от сообществ людей, тем более от таких крупных, как государство.

По мнению Дж.Д. Карлсона, профессора факультета религиозных исследований Университета штата Аризона, позицию Р. Нибура можно определить как «этический»⁴⁸ или «нормативный» реализм. Подобное определение справедливо указывает на идею значимости

⁴⁷ Niebuhr R. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. Kessinger Publishing, 2006.

⁴⁸ Carlson J. D. The morality, politics, and irony of war. Recovering Reinhold Niebuhr's Ethical Realism // *Journal of Religious Ethics*. Vol. 36. № 4. 2008. P. 620.

положений нравственности для человеческой деятельности, отстаиваемую Р. Нибуром.

Реализм, по Р. Нибуру, состоит не в стремлении оправдать любую политику во благо собственных интересов, но в умении соотносить цели и средства, что стало особенно актуальным в эпоху атомного оружия. Христианская традиция, в контексте которой находился сам Р. Нибур, понимает «человеческую природу, состоящей как из эгоизма, так и из социальных мотивов, и первое сильнее последнего»⁴⁹. Основой христианской морали Р. Нибур вслед за Августином признаёт любовь, а эгоизм в таком случае следует считать извращением закона любви⁵⁰. Человек неспособен действовать нравственно всегда, но подобное положение дел не означает главенство имморализма в межличностных и политических отношениях. Этика, возможно, и не признаётся в качестве абсолютного, идеального комплекса правил, но применима как набор руководящих принципов.

Иное общепринятое обозначение взглядов Р. Нибура состоит в понятии «религиозного реализма»⁵¹. Сакральное значение войны Р. Нибур видел в Божьем суде над людьми как грешниками. Таким образом, одна из сторон всегда оказывается виновной в эскалации конфликта. Кроме того, война может быть в некоторые моменты наиболее удачной альтернативой из прочих доступных вариантов решения политических вопросов.

⁴⁹ Niebuhr R. Man's Nature and His Communities. Essays on the dynamics and enigmas of man's personal and social existence. New York: Scribner, 1965. P. 39.

⁵⁰ Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems. New York: Charles Scribner's Sons, 1953.

⁵¹ Patterson E. Christianity and Power Politics Today: Christian Realism and Contemporary Political Dilemmas. Palgrave Macmillan, 2008. P. 54.

Будучи протестантским мыслителем, Р. Нибур не мог пройти мимо католической традиции справедливой войны, которую, впрочем, и не отрицал абсолютно, и аргумента к справедливости в международных отношениях. Принципы морали и законы политической стратегии оказываются, по мнению Р. Нибура, тесно спаянными. Проблема политики состоит в необходимости одновременного удовлетворения и нравственных принципов, и требований национальных интересов⁵².

Начавшаяся Вторая мировая война укрепила позиции реализма, который продолжал доминировать и на протяжении нескольких десятилетий после войны, пока в 80-е г.г. не уступил место неореализму. В 1939 г. была опубликована работа британского дипломата и историка Э. Х. Карра «Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений»⁵³. Карр обрушивается на утопистов с их исключительной верой в прогресс, силу разума и высокую нравственность людей. По мнению Э. Х. Карра, идеалисты разработали «доктрину гармонии интересов», которая необходима правящему классу для «оправдания и сохранения своего господствующего положения»⁵⁴. Однако такое положение дел на самом деле означает отсутствие самой возможности проявления гармонии интересов, поскольку между различными группами не существует никакой общности и нет универсальной морали – каждая группа устанавливает свои принципы, которые объявляются нравственными. В этом реализм становится близок прагматизму и его представлениям о когерентной этике. Э. Х. Карр формулирует

⁵² Niebuhr R. Love and Justice: Selections from the Shorter Writings of Reinhold Niebuhr. Edited. by D.B. Robertson. Louisville, Ky.: Westminster, John Knox Press, 1992. P. 273.

⁵³ Carr E.H. The Twenty Years Crisis. Palgrave Macmillan, 2001.

⁵⁴ Carr E.H. The Twenty Years Crisis. P. 80.

основной принцип реализма, утверждающий господство политики над этикой: «правитель правит, потому что он сильнее, а подчинённые подчиняются, потому что они слабые»⁵⁵. Подчинённым выгоднее принять волю властителя, поскольку в противном случае их принудят к этому силой. Подобно Т. Гоббсу Э. Х. Карр определяет этику как систему, установленную властью, которая основана на принуждении. В мире международных отношений невозможно, поэтому, установить гармонию интересов, он всегда пребывает в состоянии конфликта интересов, а международная безопасность зависит от доминирующей в данный момент силы, как это было, к примеру, во времена расцвета Римской или Британской империй.

Несмотря на все достижения Р. Нибура и Э. Х. Карра, заслуга превращения реализма в развёрнутую мощную и действенную теорию принадлежит лидеру течения классического или традиционалистского реализма Гансу Моргентау. Г. Моргентау в своём центральном сочинении «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир», впервые опубликованном в 1948 г. и затем переиздававшемся около десяти раз, заявляет, что, будучи реалистом, верит в возможность выведения базовых законов общества из знаний, полученных при изучении природы человека. Именно в природе человека следует искать корни всех социальных и политических процессов. В центре своей системы Моргентау ставит гоббсовского человека: индивидуалиста, эгоиста, но разумного и ведущего постоянную борьбу. Пороки человеческой природы не позволяют людям строить отношения исключительно на принципах морали. Желание доминировать оказывается основой всех конфликтов.

⁵⁵ Carr E.H. The Twenty Years Crisis. P. 42.

И это уже не гоббсовский, а ницшеанский принцип. Влияние Ф. Ницше на Г. Моргентау, которого представляют как в первую очередь американского мыслителя, нередко упускается из виду, однако это, как хорошо показал Улрик Энемарк Петерсон⁵⁶, явная герменевтическая ошибка. У Ф. Ницше, очевидно, Г. Моргентау позаимствовал и критическое отношение к метафизическим конструкциям, что сказалось на форме его собственных работ. Нигилистические корни мысли Моргентау требуют отдельного рассмотрения, нам же важно отметить ницшеанскую метафору баланса сил, которая, хотя и имеет непосредственное отношение к просвещенческому рационалистическому проекту, трактуется явно ницшеански как стремление к господству. Волю к власти Г. Моргентау называет ключевым принципом человеческих отношений⁵⁷ и всякой политики, в том числе и международной.

В «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» Г. Моргентау сформулировал шесть принципов политического реализма. Второй из них состоит в том, что правитель, как и обычный человек, думает и действует сообразно национальному интересу, *raison d'état*, который определяется в терминах силы⁵⁸. Таким образом, политика – это осмысленная, рациональная область деятельности, в ходе которой принимаются политически выгодные решения и оцениваются их последствия. Этика не может быть исключена из политической жизни, однако она всегда должна соотноситься с предусмотрительностью и благоразумием, которые составляют высшую добродетель политики. Х. Моргентау усиливает аргумент Э.

⁵⁶ Peterson U. E. Breathing Nietzsche's Air: New Reflections on Morgenthau's Concepts of Power and Human Nature // Global, Local, Political. Vol. 24. № 1. 1999.

⁵⁷ Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1978. P.p. 4, 29.

⁵⁸ Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. P. 4-6.

Карра, замечая, что нам следует различать моральные догмы, которые могут отстаивать отдельные народы, и общечеловеческие нравственные законы. Хотя реалисты и полагают политику независимой сферой деятельности, они отказываются от крайне радикальной идеи Макиавелли о полном исключении этики из политики. Сам Х. Моргантау называет такой подход «легалистски-моралистским», подразумевая, что поскольку для классического реализма политика понимается как конфликт интересов и борьба за власть, теоретикам, представляющим это течение, в первую очередь необходимо заниматься проблемой обеспечения взаимного признания сторон политического процесса, но не исправлением нравов.

Подобный взгляд критиковался Р. Нибуром, который хотя и был личным другом Х. Моргантау и имел значительное влияние на него, всё же полагал, что «реализм становится морально циничным или нигилистическим»⁵⁹, когда отказывается от должного обращения к морали. Х. Моргантау и его последователи, такие как Г. Кеннан, пытались попросту отказаться от рассмотрения возможности применимости этики к международным отношениям, полагая, что обращение «к принципам морали для поддержки национальных интересов... всегда и с необходимостью оказывается обманом»⁶⁰.

Однако подобный подход не означает полного исключения этики из политической жизни. Государства вынуждены обращаться к морали как некому сдерживающему фактору, принимать её во внимание. Осознание важности этических принципов заставляет отказаться от истребительной войны всех против всех в гоббсовском её понимании.

⁵⁹ Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems. P. 78.

⁶⁰ Morgenthau H. National Interest and Moral Principles in Foreign Policy: The Primacy of the National Interest // American Scholar. № 18. 1949. P. 207.

Г. Моргентау в середине прошлого столетия стал, действительно, ключевой фигурой не только для теории реализма, но и для всей дисциплины международных отношений и практической философии, хотя его работы и критиковались за ненаучность. Однако политическая обстановка значительно изменилась в последней трети XX в. в связи с ростом влияния международных, неправительственных организаций и усилением мощи транснациональных компаний. Концепция реализма была обновлена неореалистами, среди которых особенно выделяется К. Уолтс и его работы «Теория международной политики» (1979) и «Человек, государство и война» (1959). К. Уолтс отстаивал структуралистский подход к международной политике, основанный на рационализме в духе И. Канта. Как замечает российский исследователь теории неореализма В. Н. Конышев в своей монографии «Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории», согласно К. Уолтсу, «политическое поведение человека направлено не просто на максимальное обеспечение своего эгоистического интереса. Индивидуум вынужден соизмерять свои нужды с долгосрочными последствиями для общества, чтобы выжить. Концепция рациональности проявляется не только на уровне индивидуального принятия решений, но и пронизывает всю систему общественных отношений»⁶¹. Принципы существования индивида применяются К. Уолтс и для описания политической жизни.

Государства, связанные сетью международных отношений, подобны участникам экономических отношений, и объединяет их в конечном итоге общий интерес – стремление выжить. Именно поэтому, несмотря на многообразие форм правления и политических

⁶¹ Конышев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. С. 61-62.

доктрин, несмотря на анархию, царящую в мире большой политики, государства в целом существуют по одним и тем же правилам. Количество великих держав и распределение силы – вот главные переменные, определяющие состояние системы международных отношений. Если для классического реализма власть была и целью, и средством, то есть большую силу получало государство, накопившее власть, то неореализм говорит скорее не о силе, а о национальной безопасности, которая зависит от распределения силы в общей системе межгосударственных отношений.

Целью К. Уолтса было построение позитивистской теории реализма, свободной от оценочных суждений. По его мнению, международные отношения характеризуются анархическим состоянием, что делает невозможной любую моральную политическую философию. Одно государство не может довериться другому, неуверенность подталкивает их к применению крайних средств, а значит, войны будут повторяться снова и снова. Как замечает сам К. Уолтс, «поскольку некоторые государства могут пожелать применить силу для достижения собственных целей, и поскольку нет власти, которая могла бы помешать им, даже склонные к миролюбию страны должны вооружаться. Война происходит из-за того, что некому предотвратить её: не существует автоматического согласования государственных интересов, и наличествует постоянная возможность, что конфликт разрешится силой»⁶².

К. Уолтс указывает на баланс сил, наличествующий в международных отношениях в силу того, что государства хотя и не подчиняются некой власти, стоящей выше авторитета отдельных наций, но всё же образуют общую политическую международную

⁶² Waltz K. Man, the State and War. New York: Columbia University Press, 1954. P. 188.

структуру. По мнению К. Уолтса, этот баланс поддерживается благодаря тому, что сверхдержавы, которыми на момент написания основных работ К. Уолтса были СССР и США, обладают оружием массового поражения, в частности, ядерным оружием. В этом контексте существование двух сверхдержав кажется К. Уолтсу более предпочтительным, нежели однополярный или мультиполярный мир, поскольку две сверхдержавы лучшим образом служат делу поддержания стабильности, самосохранению международной структуры и предотвращению ядерной войны. Однако подобное суждение указывает на внутреннее противоречие теории К. Уолтса. В ключевой характеристике политического состояния мира он не может обойтись без нормативных суждений и создать чистую, позитивистскую, научную теорию международных отношений.

Среди наиболее значительных теоретиков реализма стоит назвать также Дж. Херца, Г. Кеннана, Р. Арона. Несмотря на привлекательность теории реализма и возможность её непосредственного применения в практике международных отношений, концепция подвергается критике со стороны более либеральных мыслителей, идеалистов и теоретиков справедливой войны. Главный аргумент реалистов в пользу слабости идеи универсальных ценностей, которые не могут существовать, поскольку такого рода всеобщие законы всегда оказываются выражением чьей-либо политики и могут быть использованы господствующими силами ради своей выгоды, не является столь уж сильным. Тот факт, что узурпация нравственности институтом власти на самом деле имеет место, не означает, что общечеловеческие законы морали не существуют в действительности. Стремление к миру, порядку, спокойствию и справедливости присуще в равной мере большинству

людей на Земле. Однако и заявление противников реализма о том, что эта теория рисует излишне мрачную картину существования, когда главной задачей человека, в конечном счете, оказывается борьба за власть, также нельзя назвать состоятельным. Слабым место реализма можно назвать также и то, что реалисты, хотя и допускают существование нерегулярных, негосударственных сил в международных отношениях, зачастую пренебрегают их значением, объявляя их сравнительно маловажными, указывая на особое место государства в международной политике. Кроме того, много нареканий вызывает ненаучность традиционного реализма. Концепция Х. Моргентау тяготела к интуитивизму и описательности⁶³, к стремлению исследовать множество частных фактов, которые трудно было объединить в единую теорию. Это положение было исправлено К. Уолтсом, который уделял значительное внимание вопросу верификации собственной теории, построенной с использованием научного методологического аппарата. Однако теория Уолтса сталкивается с рядом характерных для реализма трудностей. Так, идея баланса сил, который предлагается в качестве гаранта международной стабильности и безопасности, представляет собой лишь уловку или иллюзию, поскольку наращивание сил сверхдержавами приводит к эскалации конфликтов, а не их исчезновению. Кроме того, такая теория, построенная на основе анализа конкретных событий международной политики, вряд ли может претендовать на универсальность. Основным же внутренним противоречием реализма следует назвать невозможность удержаться вне морали и отказаться от оценочных суждений при анализе политических структур, что

⁶³ См. Кобышев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. С. 35-36.

делает проект построения позитивистской теории международных отношений несостоятельным.

§ 3. Милитаризм

Милитаризм как одну из форм теорий войны нередко ошибочно считают близким к реализму, поскольку обе теории принимают войну и не стремятся наложить на неё какие бы то ни было ограничения. В одном из последних на сегодняшний день исследований по данной тематике доктор Анна Ставрианакис из университета Суссекса определяет милитаризм как государственную политику «по подготовке и ведению организованного политического насилия»⁶⁴. И реализм, и милитаризм зачастую предполагают проведение националистической политики. Несмотря на то, что реализм и милитаризм видят войну приемлемым способом ведения политики, между ними существует ряд различий, требующих прояснения. Теоретики реализма, как, к примеру, Сунь-Цзы или Калужевец, занимаются исследованиями того, как быстрее обеспечить победу своего государства в войне, к которой следует прибегать в качестве последнего средства, когда иные способы выстраивания взаимоотношений оказались неуспешными. Ужасы войны для реалистов очевидны, ими нельзя пренебречь, но можно согласиться на них в исключительных случаях. Если реалисты обращаются к войне только в крайнем случае, сперва просчитав все возможные издержки от будущего вооруженного столкновения, то милитаристов ужасы и потери, связанные с войной не останавливают от экспансионистской политики, поскольку в ней они видят благо для собственного народа.

⁶⁴ Stavrianakis A., Selby J. *Militarism and International Relations. Political Economy, Security, Theory*. New York: Routledge, 2013. P. 3.

Война, по мнению последних, даст гораздо больше, чем мир, и покроет все издержки.

Как отмечают авторы работы «Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры», написанной интернациональной группой философов, излагающих систематизированную современную теорию справедливой войны, милитаризм кардинальным образом отличается от реализма, поскольку считает войну приемлемой с этической точки зрения. Война не только полезна в качестве политического инструмента, но и даёт человеку переживание совершенно иного порядка, чем обыденная жизнь, а потому сама суть высоконравственна и ценна.

Милитаристы в войне видят благую силу, польза которой проявляется в двух аспектах. Во-первых, война при всех её ужасах служит делу воспитания граждан. Война требует воспитания большого количества граждан-солдат, обладающих не только военными навыками, но и этосом воина. Мужество, честь, братство, верность общему делу – вот основные добродетели, которые прививаются людям на войне. Со временем жизнь граждан-солдат унифицируется и всё больше напоминает пребывание в военном лагере. Распорядок дня строго определён, и поскольку жизнь унифицирована, то и граждане со временем облачаются в ту или иную униформу, так в нацистской Германии существовало до 65 видов различной формы, как для военных, так и для обычных служащих. В то же время война конституирует и единство нации, граждане понимают, что они объединены в борьбе, в верности своему делу и лидеру. Таким образом, выгоду от войны получают не только отдельные личности, но и государство в целом.

Естественно, милитаристское государство вынуждено искать врагов, поскольку без определения источника угрозы такой режим функционировать и существовать не способен. Помимо обязательных внешних врагов, непременно определяются и внутренние противники. Внутренние враги, пожалуй, представляются более опасными, поскольку угрожают свержением режима или же наоборот их отличает излишняя пассивность, равнодушие к общему делу, также разлагающая государство, единое в общей цели.

В качестве примеров милитаристских государств можно привести европейские империи конца XIX - начала XX в.в., скатившиеся в итоге к гонке вооружений и отказу от диалога, что привело к Первой мировой войне. Кроме того, милитаристскими были и Япония в первой части периода Сёва (до капитуляции во Второй мировой войне), фашистская Италия, нацистская Германия, а в настоящее время таковой остаётся самое тоталитарное государство современности – КНДР. Не смотря на общность характерных признаков милитаристских режимов, цели и идеологии таких государств могут быть совершенно различными. Милитаристский режим может вести борьбу за жизненное пространство, превосходство собственной нации над прочими, религиозную или какую-либо этическую идею.

В политической философии милитаризм стал активно обсуждаться в XIX в. Профессор колледжа Вассара В. Рили в статье «Философия милитаризма: его сторонники и критики»⁶⁵, временами довольно пристрастной, что, впрочем, объясняется временем её появления, анализирует философский контекст зарождения милитаризма. В. Рили вслед за французским историком философии

⁶⁵ Riley W. The Philosophy of Militarism: Its Exponents and Critics. The Bookman, March 1917. P. 37-43.

Эмилем Бутру называет первым представителем милитаризма Г. В. Ф. Гегеля, «Философия права» которого содержала идею единения гражданина и государства, превращения их в единую сущность. Далее В. Рили указывает на гегелевское понятие истории, в ходе которой народы сражаются между собой, но побеждает тот, который избран Богом. Военная мощь – это сила, почётная и божественная по своей природе, в то время как жалость и сострадание – признаки слабости, от которой надо избавиться.

Милитаризм развивался и усилиями Генриха фон Трейчке, который отстаивая идеи империализма и национализма, использовал и гегелевскую идею о государстве. «Государство – это люди, объединённые законом как независимая сущность»⁶⁶ – таким определением открывает Трейчке свою работу «Политика». Государство далее – это сила, противопоставленная силе других таких же сущностей. И главная задача государства состоит в обеспечении собственной мощи, ключевая функция государства – это война, защита своих граждан вооружёнными силами. Эта задача составляет основу этики государства, которая по своему смыслу выше этики, принятой в обществе. Война объявляется нравственно необходимой и, по сути, является божественным законом мира. Нередко Трейчке относят к одному из представителей реализма, однако его понимание автономии государственной этики вместе с идеями превосходства германской нации, заставляют нас считать его апологетом милитаризма. Другой немецкий идеолог милитаризма Отто фон Бисмарк был весьма агрессивен в своей политической философии, полагая, однако, что эффективная политика заключается в распространении экспансии любыми методами, отличными от

⁶⁶ Treitschke H. Politics. New York: The Macmillan Company, 1916. P. 3.

войны. И как замечает американский политический философ Артур Т. Лаутербах в статье «Милитаризм в западном мире», эту стратегию заимствовал и пытался претворить в жизнь и А. Гитлер⁶⁷.

Наиболее значительным автором, отстаивавшим идеи борьбы как высшей нравственной ценности, бесспорно, стал Ф. Ницше. Его биологическое представление о морали понятно хотя бы из следующей цитаты из «Воли к власти»: «Жизнь есть результат войны, само общество средство для войны»⁶⁸. Борьба за существование, поддерживается негибкой волей к войне, волей к власти. Человеческая воля на протяжении истории, начиная с доисторического человека, проходит через стадии очищения и освобождения. Демократия, либерализм и христианство – всё это порабощает человека. От всего этого Ницше предлагает скорее освободиться, поняв, что «благо войны освящает всякую цель».

Ницшеанство стало основой для развития милитаризма авторами консервативной революции: Эрнстом и Фридрихом Юнгерами, Х. Фрайером и другими. Молодые немецкие мыслители начала XX в. принимают ницшеанскую установку о катастрофичности текущего момента времени и необходимости борьбы со старым миром, характеризует который «паралич воли, связанный с моралью сострадания»⁶⁹. Для раннего Э. Юнгера, позиция которого сильно изменилась в последующие годы, характерно восприятие войны как основной экзистенциальной силы человека, что находит отражение, как в первой его крупной работе «В стальных грозах», так и в политических статьях 20-х годов. Так, в

⁶⁷ Lauterbach A. Militarism in the western world // Journal of the History of Ideas. University of Pennsylvania Press Vol. 5. № 4. 1944. P. 454.

⁶⁸ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005. С. 54.

⁶⁹ Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001.

статье 1925 г. «Война как внутреннее переживание» Юнгер говорит о господствующем положении человека-воина: «военная техника – всего лишь материя, из которой душа на ощупь, вслепую создаёт свои образы... Господствующий над материей господствует и над собой – таков совершенный человек»⁷⁰. В этой же статье критике подвергается французский пацифист А. Барбюс и его знаменитый «Огонь». Барбюс и его сторонники, по мнению Юнгера, предлагая отменить войну, объявляя её безнравственной, бьют мимо цели. Описывая «мрачную изнанку» войны, Барбюс упускает то великое психологическое переживание, которое она даёт. А именно в этом переживании, закалённом в горниле войны, Юнгер видел особую силу, которая должна была перестроить всё германское послевоенное общество.

Во время Первой мировой войны выходит книга немецкого философского антрополога М. Шелера «Гений войны и немецкая война»⁷¹. Эпиграфом к своей работе Шелер выбрал цитату из Шиллера: «Но война также имеет свою честь, двигатель человеческой судьбы». Первая мировая война имеет судьбоносное значение для всей западной цивилизации, по словам Шелера, потому что в ней проявляется столкновение культур Европы и России. Немцы ведут борьбу со всеми пороками европейской цивилизации, с декаденством Франции и жадной господства Великобритании, а также сдерживают натиск дикой России. Если французские, американские, английские или русские критики обрушивались на Германию, обвиняя её в извращении и предательстве идеализма и романтизма, то немцы могут

⁷⁰ Юнгер Э. Война как внутреннее переживание.// Его же. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933. – М.: Скимень, 2008. С. 46-47.

⁷¹ Scheler M. Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher, 1917.

на это ответить обвинениями в бездуховности и капиталистической затхлости. Схожие позиции отстаивал и другой немецкий мыслитель В. Зомбарт, который так же, как и М. Шелер стал писать об «идеях 1914 года, противопоставленных идеям 1789 года»⁷². Фактически для Зомбарта и многих других немецких авторов того времени милитаризм стал проектом, альтернативным просвещенческому. Немцы, героическая, высококультурная и духовная нация, противопоставлялись англичанам, олицетворяющим образ торгаша. Такова основная идея работы В. Зомбарта «Торгаши и герои. Раздумья патриота»⁷³, опубликованной «в седьмой месяц войны» в 1915 г. Вся британская философия от Ф. Бэкона до Г. Спенсера представляет собой разговор «о торговле, деньгах, процентах, о торговом балансе, налогах, государственном кредите и тому подобных предметах»⁷⁴. И борьбу с такой философией и жизненной позицией должны вести немцы. Подобная война означает не просто битву за ресурсы или территории, но являет собой столкновение двух форм мировоззрения, мирное сожительство которых невозможно. Милитаризм для германского народа, по мнению В. Зомбарта «это естественная эманация духа»⁷⁵. Диалектика милитаризма проявляется в том, что он оказывается одновременно и порождением немецкого духа, и необходимым условием его существования.

Героический, германский народ, должен отстоять свою самобытность и духовность в борьбе с британским народом. Двум

⁷² Руткевич А. М. Вернер Зомбарт – историк капитализма // Зомбарт В. Сочинения. Т.1. – СПб., 2005. С. 103

⁷³ Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. // Его же. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005. См. также Зомбарт В. Война и капитализм // Его же. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3. – СПб.: Владимир Даль, 2008.

⁷⁴ Там же. С. 13.

⁷⁵ Там же. С. 67.

типам народов соответствует и два типа государства. Британская империя отрицает саму идею государства как культурной и цивилизаторской общности людей. Британия, ««мировая империя», порожденная чисто меркантильным духом»⁷⁶, представляется В. Зомбарту не государством, а своего рода огромной торгово-финансовой корпорацией, со своими штаб-квартирой и филиалами. Война понимается англичанами как результат торговых конфликтов и ведётся с применением «подлых средств»: таких как тайные переговоры, экономические санкции или давление со стороны СМИ. В противоположность британскому, германское государство основывается на особом типе духовности, воспитанной романтизмом, немецкой классической философией и нигилизмом. Такое государство понимается как «собранная в единство народная общность, сознательная организация надындивидуального, которому отдельные индивидуумы принадлежат как его части»⁷⁷ и не имеет ничего общего с договорным и продажным британским духом.

Как политическая форма милитаризм по В. Зомбарту обладает рядом характеристик. Во-первых, речь идёт о главенстве военных интересов над прочими сферами, и в первую очередь над экономикой. Во-вторых, постулирование воинских добродетелей, таких как храбрость и повиновение, в качестве основных нравственных ценностей. Приверженность подобным нормам отражается в упорядоченности внутреннего жизненного пространства каждого человека и всей государственной системы. Третьей ключевой характеристикой милитаризма В. Зомбарт называет готовность к самопожертвованию ради общего блага. Обеспечение полноты раскрытия всех этих категорий возможно только на войне, поэтому

⁷⁶ Там же. С. 32.

⁷⁷ Там же. С. 61.

война для милитаризма священна. Критики войны, согласно В. Зомбарту, проповедают торгашескую этику, лишённую понятия о первичности ценности общественного, государственного в сравнении со значимостью отдельной личности. В этой позиции прослеживаются ницшеанские и шопенгауэровские идеи о выходе храброй, героической личности за свои пределы посредством самопожертвования.

Милитаризм понимает войну, формирующую героическое мировоззрение, и как очищающую силу, способную спасти человека от духовного разложения, к которому тяготеет культура торгаша. Этот очищающий огонь войны рождает, как полагает В. Зомбарт, и выдающихся гениев культуры: Ф. Шиллера, И. Гёте, Л. Бетховена, всю классику немецкой философии. Вся эта культурная и научная традиция также благосклонно воспринимала войну. Исключение составляет лишь сочинение И. Канта «О вечном мире», появление которого В. Зомбарт склонен объяснить скорее старостью философа, нежели его стремлением ограничить войну.

Теория милитаризма, однако, не была изобретением исключительно германских авторов, хотя прочие европейские философы в первую очередь выступали с критикой этого направления мысли. Так, во второй половине XIX в. под воздействием идей дарвинизма в Великобритании появляется работа социолога Г. Спенсера «Основания социологии», в котором описаны два основных типа обществ: промышленный и военный (*militant*). Военный тип общества характеризует государства, в которых фактически вся нация мобилизована, а общество пронизано структурами, характерными для армии. В таком государстве всё строго иерархично, государственная власть контролирует все сферы

жизни, и господствует представление о том, что человек существует ради блага отечества. Борьба в военном обществе ведётся, как и с внутренними врагами, несогласными с текущим положением дел, так и с внешними. Спенсер, сам убеждённый противник милитаризма, полагал, что такие общества существуют в действительности и всякое промышленное общества с лёгкостью может изменить свой тип на военный. Среди прочих важных исследовательских работ по милитаризму того периода следует выделить Т. Карлайля и его труд «Герои, почтение героев и героическое в истории»⁷⁸ и работу У. Бэджет «Физика и политика или размышления о применении принципов «естественного отбора» и «наследственности» к политическому сообществу»⁷⁹.

Милитаризм подвергся критике и со стороны французских авторов философии жизни: Э. Бутру и А. Бергсона. Бергсон публикует в конце 1914 года эссе «Значение войны» и в 1932 г. крупную работу «Два источника морали и религии», в которых размышляет о значении войны для человеческого общества. Бергсон высказывается в пользу того, что милитаристское государство фактически приводит своё общество к естественному состоянию, которое характеризуют «внутренняя замкнутость, сплоченность, иерархия, абсолютная власть вождя — все это означает дисциплину, военный дух»⁸⁰. Такое государство играет на воинственном инстинкте людей, «который так силен, что он проявляется первым, когда мы соскребаем слой цивилизации, чтобы обнаружить слой

⁷⁸ Carlyle T. On Heroes and Hero Worship and the Heroic in History. London, Chapman and Hall, 1840.

⁷⁹ Bagehot W. Physics and Politics Or thoughts On The Application Of The Principles of "Natural Selection" and "Inheritance" To Political Society. Cosimo Classics, 2007.

⁸⁰ Бергсон А. Два источника морали и религии. С. 307.

природы»⁸¹. Вражда – заложенное природой качество человека, которое является определяющим для его существования и полностью раскрывается в политической жизни. Совершенно в духе шмиттианского понятия друга и врага французский философ замечает, что «оба противоположных изречения: *Nemo homini deus* и *Nemo homini lupus*, — легко примиряются друг с другом. Когда формулируют первое, имеют в виду какого-нибудь соотечественника. Другое же касается чужестранца»⁸². Идеи Бергсона, в частности его концепция открытой и закрытой морали, были развиты К. Поппером в работе «Открытое общество и его враги», где критике подверглись Платон, Гегель и К. Маркс в качестве авторов, способствовавших идейному формированию тоталитаризма.

В настоящее время милитаризм не применяется активно в качестве основы национальных идеологий, чему способствовала в частности трансформация капитализма, который очистился от империалистических тенденций в классическом их понимании, а также развитие концепции либеральных ценностей. Милитаризм малоприменим и потому, что замыкается на идее войны, подчиняя ей весь общественный и экономический уклад жизни страны, не предлагая своим гражданам каких бы то ни было альтернатив, что делает его крайне недолговечным. Милитаристский режим вынужден либо начать войну, которую редко может выиграть, либо может трансформироваться, смягчиться и таким образом измениться, либо рано или поздно ждать, когда изменения произойдут снизу, поскольку закрытый характер милитаристского государства, плановая экономика и репрессии в конечном итоге

⁸¹ Там же. С. 308.

⁸² Там же. С. 311.

делают такой режим малопривлекательным и истощают граждан. Проект создания тоталитарного государства полностью не оправдал себя, хотя попытки его реализации продолжаются и в наше время.

§ 4. Пацифизм

Сторонники пацифизм или идеализма полностью отвергают возможность этического оправдания войны, даже той, что является последним средством и могла бы быть оправдана с точки зрения теории справедливой войны. Само слово пацифизм происходит от латинских слов *pacis*, т.е. мир, и *facio* – создание, делание.

Одним из первых авторов, развивавших идеи пацифизма, обычно называют древнекитайского философа Мо-цзы, который в V в. до н.э. создал учение о всеобщей любви. Его учение о всеобщей любви и активная критика войны как таковой заставляет причислить его к сторонникам ненасильственных мер в решении конфликтов. Аргумент Мо-цзы в общих чертах сводится к следующему. В обычных внутригосударственных отношениях убийство человека считается несправедливым и будет караться смертным приговором, а убийство десяти или сотни человек, следуя обозначенной логике, должно было бы караться десятью или сотне смертных приговоров. Убийство ставится вне закона, оно запрещено. Однако когда речь идёт о «великой несправедливости – нападении на соседние государства, никто не заявляет о том, что надо осудить это нападение, напротив, все одобряют его, называя справедливым»⁸³. Мо-цзы утверждает, что подобная двойственность свидетельствует о

⁸³ Mozi. Book 5. Condemnation of Offensive War I. Later Mohist Logic, Ethics, and Science. Chinese University Press, 1978. URL: <http://ctext.org/mozi/condemnation-of-offensive-war-i>

полном незнании разницы между справедливым и несправедливым. В качестве альтернативы войнам и насилию Мо-цзы предлагает универсальный закон всеобщей любви. Недостаток почтительности и благочестия, полагает китайский философ, – основание для явления в мир беспорядка. Так, «если сын любит только себя, но не своего отца, то он извлекает пользу только для себя, но не для своего отца»⁸⁴. Если же правитель любит только „,радают и министры, и далее всё государство в целом. Если же правитель любит только своё государство, но не все прочие, то это даёт ему основание нападать и захватывать соседей, чтобы извлекать выгоду для своего государства. Если же каждый с тем же почтением относится к личности другого, как к своей собственной, то не будет разбойников и воров. Если каждый правитель уважает соседние государства, как своё собственное, то не будет беспорядков и войн. Фактически Мо-цзы предлагает здесь собственную формулировку золотого правила нравственности.

В европейской мысли, основывающейся на библейской традиции, и в частности на «Нагорной проповеди» Христа и сентенции «блаженны миротворцы», в первые века новой эры появился ряд сочинений о неприемлемости насилия, однако в скором времени раннехристианский пацифизм был заменён христианской традицией справедливой войны. Сочинения Эразма Роттердамского оказались одними из ярчайших и влиятельнейших источников всего ренессансного католического гуманизма и пацифизма. В памфлете 1517 г. «Жалоба Мира» Эразм Роттердамский войну, как противную всему сущему, называет «первопричиной всех бед и зол». А в XXIII главе трактата «Похвала

⁸⁴ Mozi. Book 4. Universal Love I. Later Mohist Logic, Ethics, and Science. Chinese University Press, 1978. URL: <http://ctext.org/mozi/universal-love-i>

глупости» Эразм даёт ей следующее определение: «соствязание, во время которого каждая из сторон обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод». Таким образом, вооруженная борьба неприемлема и чужда философскому, просвещенному уму как бессмысленное и низкое занятие. И неудивительно, что Дезидерий указывает на то, что ведётся война «дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества». Однако война для Эразма не просто занятие бессмысленное и жестокое, она противна основной заповеди Христа о любви к ближнему своему, а значит, это дело несправедливое и нечестивое для всякого христианина. Очевидно, только лица, которые отвергли мораль и христианский закон, отрешившиеся от природы, а к таким могут относиться и церковные лидеры, занимаются ратным делом.

Среди прочих авторов ренессансного пацифизма необходимо отметить Этьена де ла Боэти (или Боэси) и его «Рассуждение о добровольном рабстве», опубликованное в 1553 г. Ла Боэти по праву может считаться одним из первых философов, выдвинувших идею неподчинения в качестве альтернативы насильственному способу борьбы с тираническими режимами и политическим господством. Влияние этого автора весьма значительно на многих более поздних авторов и, в частности, на русского писателя и религиозного мыслителя Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой в трактате 1908 г. «Закон насилия и закон любви», своём духовном завещании, как назвал это сочинение А. А. Гусейнов, использует обширную цитату из Ла Боэти

для подкрепления аргумента о ненасильственном анархизме⁸⁵. Также среди ключевых сочинений Л. Толстого по религиозному пацифизму следует назвать работу «Царство Божие внутри вас или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»⁸⁶, написанную в 1890-1893 г.г. как ответ на брошюру «Катехизис непротivления» А. Баллу. В центре этой работы Толстого стоит вопрос о несопротивлении злу силой. Толстой обличает тиранические правительства, которые по сути своей аморальны и занимаются решением проблем меньшей богатой части общества, в результате чего массы простого народа оказываются угнетёнными посредством таких инструментов, как воинская повинность, тюремное заключение, сбор налогов. Хотя Л. Н. Толстой и является наиболее известным идеологом пацифизма, русская философия богата и многими другими представителями этого течения. Исследованию этого вопроса посвящены работы доцента кафедры этики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Скворцова⁸⁷ и коллективный труд «Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России»⁸⁸. Одним из наиболее оригинальных мыслителей, отстаивавших пацифистские идеи, был русский финансист и

⁸⁵ Подробнее о заимствованиях из Ла Бозети у Толстого см. в предисловии Мюррея Ротбарда к американскому изданию «Рассуждения о добровольном рабстве» 1975 г.

⁸⁶ Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание. / Его же. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 28. – М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955.

⁸⁷ См. в частности. Скворцов А. А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в.

⁸⁸ Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно–философской и общественно–политической мысли России. / Ответственный редактор: Павлова Т. А. – М.: ИВИ РАН, 1997.

промышленник И. С. Блюха, который в 1898 г. выпустил объёмный труд в 7 томах «Будущая война и ее экономические последствия». И. С. Блюх выступает с идеей невозможности большой войны в традиционном её понимании, поскольку она была бы связана с непомерными финансовыми и производственными затратами, которые ни одно правительство не захочет нести. Кроме того, развитие военной промышленности привело к появлению оружия исключительной разрушительной силы, что делает оборонительную позицию выигрышной и поставит противников в патовую ситуацию. И. С. Блюх верно оценил характер будущих войн, затяжных, позиционных и тотальных, однако подобные свойства конфликтов не привели к исчезновению войн.

Среди активных сторонников пацифизма особое место занимает М. Ганди, который после прочтения письма к Таракнатху Дасу Л. Толстого (в котором опять-таки проявляется сильнейшее влияние Бозэти) сам решился написать русскому мыслителю и, таким образом, укрепился в своих взглядах и выборе в качестве главного средства массовые акции ненасильственного неповиновения. Свои убеждения М. Ганди претворил в практику сатьяграхи – борьбы за социальные изменения мирным путём. Ненасилие Ганди понимал как добродетель, нравственную практику, подобную той, что буддисты называют ахимса.

Ганди, вдохновленный Л. Н. Толстым, в свою очередь вдохновил немалое число европейских и американских пацифистов. Так Мартин Лютер Кинг в своих работах «Письмо из Бирмингемской тюрьмы», «Завет надежды» и прочих развивает идею Ганди о том, что основой ненасилия служит любовь. Для Кинга это братская любовь, понимаемая, конечно же, в духе Нового

завета. Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел, обеспокоенные невиданным доселе развитием разрушительной мощи оружия, сформулировали ряд положений по вопросам войны, известных как Манифест Рассела-Эйнштейна 1955 года. Убеждённые в неизбежной гибели человечества в случае развязывания ядерной войны, авторы манифеста требуют от правительств всех государств отказаться от войн и использования исключительно «мирных средств разрешения всех спорных вопросов».

Одним из самых значительных современных мыслителей, стоящих на пацифистских позициях является Роберт Холмс – профессор философии университета Рочестера. Р. Холмс в своих работах⁸⁹ отстаивает позиции либерально-демократического пацифизма. По мнению Холмса в современном мире война немыслима и попросту противоречит ценностям, которые проповедует либеральная демократия. Текущую военную систему государств и практику призыва на воинскую службу Холмс считает незаконной, поскольку «никто не имеет права отдавать приказа убивать, и никто не может быть оправдан за убийство по приказу»⁹⁰. Вооружённый отпор действиям агрессора может быть дан, то есть пацифизм не пассивен по своему характеру, но сначала необходимо попробовать все ненасильственные методы разрешения конфликтов, в первую очередь посредством ведения переговоров.

Пацифистские доктрины, хотя и ставят целью искоренить войну из межгосударственных отношений, всё же представляются теорией излишне радикальной и несбалансированной. Пацифизм отвергает войну, полагая, что всякий конфликт необходимо пытаться решить

⁸⁹ См. Holmes R. *Nonviolence in Theory and Practice*. Waveland Press, 2004.

⁹⁰ Holmes R. *Pacifism for Nonpacifists* // *Journal of Social Philosophy*. Vol. 30. № 3. 1999.

инными, ненасильственными способами. Однако иногда перед государством и народом стоит альтернатива вступления в войну или отказ от борьбы и последующее порабощение, подчинение тирану, истребление населения и нищенские условия существования. Как замечает Я. Нарвесон, крайний «пацифист должен думать, что война хуже, чем нищета, и что почти любого тирана следует терпеть, вместо того чтобы начинать войну»⁹¹. Но принятие подобной позиции будет означать добровольный отказ от собственной свободы в угоду следованию принципу ненасилия. Выдвигается также аргумент против идеи «чистоты рук», присущей пацифистам. Пользуясь общественными благами, пацифисты отказываются защищать государство, которое даёт им эти блага. Попытка спроецировать положения частной морали, предполагающей недопустимость применения насилия, на публичную сферу приводит к уничтожению самой публичной сферы; личным интересам отводится более высокое положение, нежели общественным.

Менее радикальные формы пацифизма сопряжены с определением тех случаев, когда допустимым становится участие в вооружённом конфликте, то есть обращается к моральным оценкам условий борьбы, и в таком виде он оказывается близким к теории справедливой войны. Такой ограниченный пацифизм не представляет собой отдельную фундаментальную нормативную теорию войны, а является одним из вариантов развития теории *bellum justum*. Он указывает на необходимость отказа от насилия, если только насилие не поможет сдержать насилие другой стороны. Возможности человека по полному отказу от войн, вероятно, всё ещё

⁹¹ Narveson J. Is Pacifism Reasonable? // *Filozofski Godišnjak*. Beograd. № 25. 2012. P. 149.

крайне ничтожны, поэтому большую ценность представляют доктрины, стремящиеся наложить определённые ограничения на использование силы в международных конфликтах, такие как реализм и теория справедливой войны, которая и будет рассмотрена в следующем пункте.

§ 5. Теория справедливой войны

Стремление человека если не отказаться от войн то хотя бы ограничить их восходят к самой глубокой древности – подобные рассуждения можно обнаружить в сочинениях Аристофана и Аристотеля, т.е. в V-IV в.в. до н.э., задолго до применения самого понятия справедливости к войне. Рассуждение о справедливости в контексте войны, однако, ещё не делает его автора теоретиком концепции справедливой войны. Своеобразные концепции о справедливом во время войны принадлежат, как было указано выше, и Сунь-Цзы, и Т. Гоббсу. Последний в XIII главе «Левиафана», рассуждая о справедливости во время всеобщего конфликта, замечает, что «понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места». По логике Гоббса справедливость – это качество, которое обнаруживает себя только в общественном состоянии, она не является врожденным свойством человека. Примечательно также, что Гоббс связывает справедливость с собственностью; справедливость возникает вокруг владения, которое зачинает разграничение своего и чужого. Пребывая в естественном состоянии, люди не имеют ничего своего, поскольку каждый обладает равным правом на всё, а значит, ситуация, когда один человек претендует на вещь, находящуюся в данный момент у

другого, нет ничего несправедливого. Взгляды Гоббса на проблему собственности и справедливости оказали, очевидно, определённое влияние на развитие политической теории Дж. Локка, который полагал, что собственность наравне со свободой образует основу для естественных прав человека.

Большинство исследователей высказываются в пользу того, что основные положения теории справедливой войны сформулировали ранние христианские теологи и мыслители, обычно называются имена Святого Амвросия Медиоланского и, конечно же, его ученика Аврелия Августина, которые жили на рубеже IV и V столетия нашей эры. Однако идея наложения на принципы и методы ведения войны определенных ограничений не является исключительной заслугой христианской мысли. Нельзя даже говорить о том, что это изобретение западной культуры. Цивилизации Африки, Востока и Америки – везде в том или ином виде были созданы своды правил о приемлемых причинах начала войны и способах её ведения. В V в. китайский мыслитель Лао Цзы высказался в пользу умеренности в отношении войны. «Кто служит главе народа посредством Дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него... Истинный полководец побеждает, и на том останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападет. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что его к этому вынуждают. Он побеждает, но не воинствен»⁹².

Рассуждения об ограничениях войны мы можем найти практически во всех основных религиозных сочинениях: Библии, Бхагавад-гите, Коране. Предписания относительно поведения во

⁹² Цзы Лао. Дао Дэ Цзин. – М.: София, 2012.

время вооруженных конфликтов даны практически во всех священных текстах различных религий. В книге Ману, появившейся примерно в IV в. до н.э., можно встретить рассуждения о правилах ведения войны, созвучные современным положениям международного права. Добродетель воинов по мнению авторов состояла в следовании определённому кодексу. «Сражаясь в битве, не следует поражать врагов вероломным оружием – ни зубчатым, ни отравленным, ни раскаленным на огне. Не полагается убивать оказавшегося на земле... ни говорящего: «я твой», ни спящего, ни ненадевшего доспехи, ни нагого, ни безоружного, ни несражающегося, [а только] смотрящего, ни сошедшегося [в схватке] с другим, ни несражающегося, оказавшегося в затруднительном положении, ни пораженного, ни тяжелораненого, ни уstraшенного, ни отступающего, – всегда помня дхарму добродетельных [воинов]»⁹³. Согласно законам Ману, необходимость вести боевые действия выступает не только в качестве некоей политической или этической обязанности правителей, но и может рассматриваться как полезная религиозная практика. Так в одном фрагменте говорится следующее: «Храбрость в битвах, защита народа, почитание брахманов – лучшее средство для царей достичь блаженства». И далее «цари, взаимно желающие убить друг друга в битвах, сражающиеся с крайним напряжением сил, с неотвращенным лицом, идут на небо»⁹⁴. Руководствовались ли люди в приведённых примерах утилитарными соображениями, или восприятием войны в качестве сакрального акта, или же подобная практика имела под собой иное обоснование – не так важно, но следует отметить, что попытки регуляции борьбы предпринимались во все времена.

⁹³ Законы Ману. – М.: Наука, 1992.

⁹⁴ Там же.

Однако все эти правила поведения на поле боя не имеют цели поставить войну вне закона. Война, по сути, оставалась единственным и необходимым занятием правителей и воинов, действующих согласно следующей максиме: «То, что он не имеет, пусть старается [приобрести] силой, приобретенное – охраняет заботливо, сохраненное – приумножает приращением, приумноженное – вручает достойным получать [дары]. Следует всегда быть готовым к войне, всегда обнаруживать силу, скрывать тайны, выслеживать слабости врага. Весь мир страшится всегда готового к войне, поэтому все живые существа следует подчинить именно силой»⁹⁵.

Следует отметить также китайского стратега Сунь-цзы, который в VI в. до н.э. изложил правила ведения войны в трактате «Искусство войны». Основным стратегическим приёмом Сунь-цзы считает скорость: «на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискусности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения».⁹⁶ Будучи затянутой, военная кампания приводит к деморализации войска, падению духа, истощению средств, а заключенные союзы могут со временем распадаться. Полководцу надо руководствоваться этим правилом, производя удары по противнику в те моменты, когда он наименее готов к этому. Одним из важнейших качеств полководца Сунь-цзы называет гуманность. Речь идёт не об абстрактной гуманности, проистекающей из независимого принципа человеколюбия, а о гуманности практического характера. Сохраняя в живых пленённых солдат противника, полководец получает возможность присоединить их в будущем к своему войску и таким образом увеличить собственную силу.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Сунь-цзы. Искусство войны. – М.: Феникс, 2002. Гл. II.

В западном же мире идеи справедливой войны оказались важнейшей традицией практической философии, положения которой используются и в реальной политике. В истории становления доктрины *bellum justum* крайне важна фигура Августина, однако традиция определения границ в вопросах войны и мира значительно старше, так, один из ведущих современных теоретиков справедливой войны Б. Оренд называет Аристотеля первым автором, выдвинувшим в качестве альтернативы идее священной войны понятие о справедливой войне⁹⁷. В то же время П. Кристофер, бывший офицер Вооружённых сил США, в работе «Этика войны и мира: введение в вопросы права и морали»⁹⁸ указывает на первенство в данном вопросе Платона, ссылаясь на «Государство». В V книге «Государства» Сократ следующим образом характеризует воинов-стражей идеального полиса:

«— И посреди распрей они будут помнить о мире?»

— Конечно.

— Своих противников они будут благожелательно вразумлять, не порабощая их в наказание и не доводя до гибели — они разумные советчики, а не враги.

— Это так.

— Раз они эллины, они не станут опустошать Элладу или поджигать там дома; они не согласятся считать в том или ином государстве своими врагами всех — и мужчин, и женщин, и детей, а будут считать ими лишь немногих — виновников распри. Поэтому у них не появится желания разорять страну и разрушать дома, раз они ничего не имеют против большинства граждан, а распрю они будут

⁹⁷ Orend B. *The Morality of War*. Broadview Press, 2006. P. 10.

⁹⁸ Christopher P. *The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues*. Prentice Hall. 1999.

продолжать лишь до тех пор, пока те, кто невинно страдает, не заставят ее виновников наконец понести кару»⁹⁹.

В «Законах» и «Государстве» Платона война описана как необходимое зло, которое требуется людям, чтобы добывать мир. Для Платона войны были чем-то, что неизбежно сопутствует политической жизни людей, поэтому требовалось наложить на них определённые ограничения, делая их менее истребительными. В «Законах» мы находим следующий принцип: «Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-то войной без общегосударственного решения, то и ему наказанием будет смерть. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо войной, то виновных в этом стратеги привлекут к суду и в случае изобличения им грозит смертная казнь»¹⁰⁰. Платон здесь постулирует особые права некомбатантов, а также определяет, что решение о войне и мире принимает лишь лицо или орган, обладающий легитимной властью.

Вслед за Платоном Аристотель также считает войну неизбежной. Аристотель развил идею Платона положением о справедливости войны, которая ведётся ради защиты собственного государства от порабощения, а также превентивной войны – то есть нападения с целью упреждения агрессии противника. Кроме того, справедливы войны, которые ведутся ради создания империи, с тем ограничением, что, во-первых, установление империи будет благом в том числе и для завоёванных, и, во-вторых, империя не будет слишком большой и богатой, что может привести к её быстрому распаду. Хозяйственная составляющая конфликта имеет для Аристотеля первостепенное значение, поэтому преумножение собственности, в том числе и рабов

⁹⁹ Платон. Государство. 471a5-b5.

¹⁰⁰ Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999. 955b9-c6

из числа тех, кто по природе привык к повиновению, понимается как веская причина войны: «охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива»¹⁰¹.

Цицерон в I в. до н.э. поддержал аристотелевскую идею о справедливости оборонительных войн, однако не признавал допустимыми конфликты, имеющие целью приобретение рабов, что было нормой для греческих авторов. Кроме того, сыграл свою роль юридический профессионализм Цицерона, которым были введены принципы легитимной власти и публичного объявления войны.

Раннехристианские авторы склонялись скорее к апологетике пацифизма, о чём было сказано уже в предыдущем параграфе. Но, когда христианство стало усиливаться и получать статус признанной религии, отцы церкви столкнулись с необходимостью определения позиции по отношению к войне в рамках христианской доктрины. В сочинениях Амвросия Медиоланского, учителя Августина Аврелия, появляются суждения, которые были впоследствии вошли в канон теории справедливой войны. В трактате «Об обязанностях священнослужителей» мы встречаем рассуждение о требовании к солдатам отказаться от притеснений невинных и безоружных людей. Кроме того, Амвросий формулирует крайне важное положение о том, что вина лица, развязавшего войну, не распространяется на тех, кто сражается в этой войне. То есть недопустимо считать солдат противника стоящими вне этики, только потому, что они враги. Разведёнными оказываются области *ad bellum* и *in bello*.

¹⁰¹ Аристотель. Политика. 1256b.

Августин Аврелий, таким образом, не был единоличным создателем теории справедливой войны, однако он синтезировал мысли своих предшественников и добавил к концепции ряд важных положений, а также благодаря собственному авторитету способствовал укреплению и популяризации концепции. Война для Августина приемлема на определенных условиях. В первую очередь, правитель должен исходить из благой и справедливой цели, а не из стремления усилить собственную власть. Далее, война должна находиться только в ведении строго институализированной властной организации, то есть государства. Августин декларировал принцип добрых намерений применительно как к *jus ad bellum*, так и *jus in bello*. Кроме того, конечной целью войны должен быть мир, и эта цель не должна теряться ни на каком этапе войны, даже в моменты самых кровавых столкновений¹⁰². Война, хотя и не может быть упразднена в действительности, должна, однако, рассматриваться в качестве крайнего средства разрешения споров. Так в XV главе 4 книги «О граде божьем» Августин утверждает: «не подлежит сомнению, что иметь доброго и мирного соседа – большее счастье, нежели подчинять соседа плохого и воинственного»¹⁰³.

Соединение римских представлений об этике с христианской доктриной позволило Августину создать достаточно органичную систему. В этой системе, что важно, нашлось место и государству, пусть не до конца отвечающему христианским идеалам, однако обладающему исключительным правом на войну, которую нельзя избежать полностью и которая должна стать частью устройства христианского мира. Сторонники теории справедливой войны в

¹⁰² Eppstein J. The catholic tradition of the law of nations. The law book exchange Ltd. Clark, New Jersey. 2008.

¹⁰³ Августин. О граде Божьем. – М.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

первую очередь обращаются не к Платону или Аристотелю, но к Августину, хотя у последнего не было целостного учения о справедливой войне. И традиция эта идёт от Фомы Аквинского. Влияние Августина на последующих авторов очевидно и сейчас нетрудно заметить те сходства, которыми обладает его учение с современными положениями теории справедливой войны.

Теория справедливой войны была перенята у Августина Фомой Аквинским и через него вошла в схоластическую традицию. На протяжении долгого времени для западноевропейских народов в качестве обоснования справедливости войны выступали в первую очередь решения главы римско-католической церкви, которые не всегда учитывали постулаты Августина и его предшественников. То есть *justa causa belli* в духе Средневековья имела важнейшую теологическую составляющую. И в XVI в. испанский богослов и проповедник Франсиско де Витория делает шаг от теологической к рационалистической аргументации. Витория, пусть ещё и активно используя теологические аргументы, развивает понятие справедливой войны как деятельности, которая должна получить максимальное морально-религиозное обоснование. Но при этико-теологическом подходе к войне должны учитываться также и свобода коммерции, и свобода пропаганды. Однако понятие справедливой войны у Витория все ещё остается средневековым, а значит, предполагает возможность ведения справедливой наступательной, агрессивной войны. И было бы ошибочным полагать, будто бы Витория, отрицая, к примеру, в 10 пункте своего второго «Рассуждения об Индии и о праве на войну» различия веры в качестве причины справедливой войны, считает, что у христианских государей не было права на завоевание территорий американских индейцев.

Секуляризацию традиции справедливой войны следует назвать наиболее важной задачей теоретиков *justum bellum* Нового времени. Одним из важнейших авторов этого периода был нидерландский государственный деятель и философ Гуго Гроций. Главный труд Гроция о войне – «Три книги о праве войны и мира» – был написан отчасти в качестве ответа на пацифистские сочинения Эразма Роттердамского. Также особое значение имеет исторический контекст появления этой работы. Явно, что события Тридцатилетней войны 1618-1648 годов и Нидерландской революции (Восемнадцатилетней войны), во время которой Гроций родился, оказали непосредственное влияние на нидерландского мыслителя. Неограниченная, ничем несдержанная и не нуждающаяся в обоснованиях война между европейскими народами побудила Гроция к разработке в рамках теории естественного права идеи ограниченной войны и формулированию критериев справедливой войны. Собственно весь трактат «написан в защиту Справедливости», на что сам Гроций указывает в посвящении французскому королю Людовику XIII. «Справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение»¹⁰⁴. Таким образом, в качестве акта, санкционирующего войну, у Гроция выступает юридически определяемое понятие правонарушения. И, в общем-то, весь пафос труда Гроция состоит в уяснении соотношения права и войны, возникающей, по его мнению, когда «нет возможности прибегнуть к суду»¹⁰⁵.

Гроций руководствуется стремлением ограничить войну, однако понимает неизбежность её существования, которая являет собой предел наличествующей между государствами политической

¹⁰⁴ Гроций. Три книги о праве войны и мира. С.187

¹⁰⁵ Гроций. Три книги о праве войны и мира. С.188

поляризации и напряженности. Гроций, указывая на основополагающее свойство войны, состоящее в разделении мира надвое, определяет ее как «состояние борьбы силою как таковое»¹⁰⁶. Латинское слово война – bellum – происходит от duellum, а duellum в свою очередь от duo, то есть «два». Таким образом, война для Гроция – это особый вид деления мира, политическое различие, реализующееся силовыми методами. Война есть соприкосновение двух субъектов (публичных или частных), но это совершенно особый вид построения отношений между этими субъектами, который в качестве основного и, пожалуй, единственного способа взаимодействия использует насилие. Основная же составляющая теории справедливой войны со времен Гуго Гроция суть не что иное, как выражение усилий, положенных на то, чтобы заставить войну быть борьбой, а не убийством¹⁰⁷.

Джон Локк положил начало традиции, в рамках которой стремление к защите собственности, обеспечение сохранности своих благ полагается в качестве основной силы, направляющей человека. Размышления такого рода привели человека к вопросу о справедливом состоянии и справедливости как таковой. Основным мыслительным изысканием стал поиск благой, лучшей жизни внутри или вне государства. Фактически именно отношения вокруг блага и ставятся многими в качестве основного центра политического. Так примечательна идея, высказанная Отфридом Хёффе в интервью, которое он дал в июне 2009 года «Русскому журналу». Определяя политическое, Хёффе указывает на то, что размежевание различных интересов должно происходить «с учетом представления об общественном благе, в рамках правового и справедливого порядка, в

¹⁰⁶ Гроций Г. Три книги о праве войны и мира. С. 68.

¹⁰⁷ Хофмайстер Х. Воля к войне или бессилие политического. С. 95.

общем признании прав человека и в абсолютном убеждении, что всякая власть исходит от народа»¹⁰⁸. В данном определении можно увидеть отсылку и к теориям Ролза¹⁰⁹, и к более раннему источнику: к «Двум трактатам о правлении» Джона Локка. У Локка, напомним, каждый отдельный человек передает обществу власть, которую он не может вернуть себе «до тех пор, пока общество продолжает существовать»¹¹⁰. Таким образом, власть исходит от народа, однако передается органам власти, которые и действуют во благо народа. Для Локка характерным было отношение к частной собственности как высшему благу. И в таком контексте одним из важнейших политических вопросов становится определение порядка справедливого распределения этого блага. По мнению Локка «человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим. Ничто не было создано богом для того, чтобы человек это портил или уничтожал»¹¹¹. Хотя Локк и не развил оригинальным образом теорию справедливой войны, его политические сочинения и идея высшей ценности гражданских прав и свобод значительное влияние оказали на современных авторов теории справедливой войны.

Век революций заставил обратить внимание на проблему войны и Иммануила Канта. В 1795 г. появляется его сочинение «К вечному

¹⁰⁸ Хёффе О. Шмитт – маргинален. Кант – актуален // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/SHmitt-marginalen.-Kant-aktualen>. См. также Хёффе О. Справедливость: Философское введение. – М.: Практикс, 2007.

¹⁰⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. Ролз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. – 2006. – № 9.

¹¹⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении // Его же. Сочинения в 3 тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С 404.

¹¹¹ Локк. Д. Два трактата о правлении. С 279.

миру»¹¹². Кант, стремившийся перенести философию в область устойчивости и гармонии, вряд ли предполагал действительное преодоление вражды и установление на века мирных отношений между государствами, хотя существует определенная традиция причисления Канта к мыслителям-пацифистам. Так Юрген Хабермас в своей работе «Расколотый запад» указывает на существование «кантовского проекта преодоления «естественного состояния» [вражды] между государствами»¹¹³.

Кант заканчивает написание текста своего трактата «К вечному миру» в 1795 г., когда во Франции уже несколько лет шла кровавая революция, а Европа была окутана огнем войн, вызванных этой революцией. Война по Канту явление крайне негативное, хотя в ней и заключены силы общественного прогресса. Опровергая воззрения аббата Шарля Сен-Пьера, Кант утверждает, что только войной, а не судебным процессом, государства приходят к снятию разногласий, возникающих между ними: «способ, каким государства добиваются своих прав, — это не судебный процесс, а только война»¹¹⁴.

Однако Кант надеется, что с развитием человеческого общества войны могут исчезнуть совершенно. Идея о вечном мире присуща, по мнению Канта, каждому разумному человеку, однако человек в силу своей эгоистичности и стремления к достижению частных интересов, в виду того, что он вообще редко следует своей автономной воле, теряет из виду эту идею. Таким же образом и взаимодействуют между собой государства. «Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном

¹¹² Кант И. К вечному миру // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.

¹¹³ Хабермас Ю. Расколотый запад. – М.: Весь Мир, 2008. С.7.

¹¹⁴ Кант И. К вечному миру. С. 273.

состоянии (т.е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга»¹¹⁵. Как и в случае выхода людей из естественного состояния, государство ради собственной безопасности должно требовать от другого государства вступить с ним в такое устройство (которое И. Кант сравнивает с гражданским), где каждому может быть гарантировано его право.

Необходимо понять, что в соответствии с разумом, есть только один способ выйти из состояния постоянной войны, в котором не действуют никакие законы. И этот способ – отречение от дикой свободы, элиминирующей законы, и подчинение публичным принудительным законам. Государства заключают между собой договор и тем самым отказываются от своего «естественного состояния», в котором они находились, воюя и постоянно угрожая друг другу. Различные страны объединяются в единое надгосударство, в федерацию. И. Кант предполагает, что внутри этой объединенной формы мирного сосуществования государства должны относиться друг к другу согласно нормам, установленным категорическим императивом. И сам идеал вечного мира между государствами не что иное как моральная норма.

Исходя из идеи телеологичности природы, И. Кант полагает, что развитие человечности составляет тайный план природы, цель которого состоит в придании государственному порядку наилучшей формы, когда каждый человек в полной мере мог бы развить свои способности; вся история стремится к такому объективному состоянию. Однако природный замысел не всегда соответствует моральному императиву человека, поэтому нет никакой вероятности, что государства придут к установлению мира между собой. Пока мир

¹¹⁵ Там же. С. 271

остаётся многополярным, а не превращается в монолитное государственное образование, должен действовать баланс сил. И тогда с неизбежностью сохраняется возможность развязывания войны.

После Канта, как верно замечает Б. Орнд, наступает эпоха, когда концепция справедливой войны не имела авторов, схожих по значению с Г. Гроцием или Дж. Локком. Однако XIX век характеризовался качественным развитием практической составляющей *jus in bello*: появляется огромное количество межгосударственных соглашений, договоров, пактов, имеющих целью урегулирование норм поведения во время вооружённых конфликтов. На международных конференциях подписываются соглашения о запрещении разного рода оружия. Так в 1868 г. была подписана Санкт-Петербургская декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль». А в 1899 г. в Гааге прошла первая мирная конференция. Однако Первая мировая война заставила многих усомниться в возможности применения справедливости к войне. Можно сказать, что этот период был временем заката теории справедливой войны, сила которой была восстановлена только в 60-70-х годах прошлого века с появлением работ М. Уолцера, Т. Нагеля и других. Эта мощная традиция имеет исключительно значение не только для развития современной истории философии, этики и права, но и непосредственно влияет на международную политику.

Стоит также заметить, что помимо западноевропейской, христианской традиции справедливой войны, существуют иудейские и арабские традиции нормативного ограничения, которые практически полностью независимы от христианской аргументации, сохраняющейся в доктрине *bellum justum*. М. Уолцер даёт оценку еврейским концепциям войны, в частности известной идеи «чистоты

оружия» в статье «Война и мир в еврейской традиции»¹¹⁶. Работа профессора права университета Тель-Авива «Дух и власть: раввин Шломо Горен и военная этика Израильских сил обороны»¹¹⁷ также посвящена вопросу формирования современного корпуса еврейского права и этики войны. Исламский подход к вопросу о справедливости в контексте войны изложен в работе Ю. Абул-Энейна и Ш. Зухура «Установки ислама о войне»¹¹⁸. Анализ указанных традиций выходит, однако, за рамки настоящего исследования.

Западная теория справедливой войны выгодно отличается от прочих концепций тем, что она, по сути, представляет собой наиболее всеобъемлющий анализ этики войны и мира. Особым достоинством теории справедливой войны можно признать то, что на протяжении многих веков она разрабатывала не просто свод правил, которыми следует руководствоваться на поле боя, а создала целую этическую доктрину войны и мира¹¹⁹. Универсальная сила теории справедливой войны подчёркивается тем значением, которым она обладает для международного права. Международное право много говорит об агрессии, запрещая агрессивные войны. Но оно не даёт при этом никаких определений самому понятию агрессии. Некоторые философы, в частности Брайан Оренд, полагают, что задача теории справедливой войны состоит как раз в том, чтобы восполнить этот пробел, дополнив международное право дефинициями агрессии и агрессивной войны.

¹¹⁶ Walzer M. War and Peace in the Jewish Tradition / The Ethics of War and Peace, ed. Terry Nardin. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 95-114.

¹¹⁷ Edrei A. Spirit and Power: Rabbi Shlomo Goren and the Military Ethic of the Israel Defence Force // Theoretical Inquiries in Law. Vol. 7. 2005–2006. P. 255–297.

¹¹⁸ Aboul-Enein Y., Zuhur S. Islamic Rulings on Warfare. DIANE Publishing. 2004.

¹¹⁹ Orend B. The Morality of War. P. 9.

В философии теория справедливой войны в общем смысле представляет собой срединный путь. С одной стороны стоит узко сфокусированный на стратегии чистого государственного интереса реализм, с другой стороны находится зачастую недостижимый идеал абсолютного мира, столь желанный для теоретиков пацифизма. Теория справедливой войны фактически борется ради пацифистской идеалистической цели: сохранения мира и справедливости. Однако ради достижения этой цели теоретики справедливой войны предполагают возможным использовать силу и должны подобно реалистам заниматься поисками средств достижения победы и уклонением от поражения. Теоретики справедливой войны должны, таким образом, найти возможности интеграции положений концепции силовой политики с идеями справедливости, гуманности и защиты прав личности.

Основной задачей всей нашей работы будет исследование современных теорий справедливой войны, которые значительно разнятся, поскольку концепция *bellum justum* пребывает в стадии активного становления и развития. Общие ценности, которые она постулирует, разделяются многими авторами, однако между теоретиками справедливой войны немало разногласий относительно интерпретаций её положений, что выражается, в конечном счете, в существовании в настоящее время не одной, а нескольких теорий справедливой войны. Анализу этих теорий и будет посвящена следующая глава данной работы.

Глава 2 Направления развития современных теорий справедливой войны

§ 1. Актуализация теории справедливой войны во второй половине XX в.

Во второй половине XX в. политическая философия оказалась в затруднительном положении: существовавшие на тот момент нормативные концепции войны – пацифизм, милитаризм, реализм – оказались недействующими, неспособными предоставить решения политическим запросам современности. К тому моменту на протяжении долгого времени реализм выступал в качестве главенствующей концепции в философии войны. На протяжении нескольких столетий *raison d'État*, процветание и укрепление государства ставилось выше нравственных ограничений войны.

По мнению ведущего американского теоретика политического реализма Х. Моргентау, политика исходит из того, что общество управляется по законам объективного права, которые имеют свое основание в человеческой природе. Реализм, как следует из четвертого ключевого принципа Х. Моргентау, приведённого в работе «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир»¹²⁰, различает персональную этику и этику политической активности, которая оценивает действия, исходя из их политических последствий.

Реалисты обычно разделяют убеждение, что сама природа людей заставляет их действовать эгоистично, указывая на путь максимизации выгод, и государства на международной арене ведут

¹²⁰ Morgenthau H. J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. P. 14.

себя аналогично, поскольку не существует международного правительства, которое смогло бы сдерживать их, нет авторитета, стоящего выше авторитета независимого суверенного государства.

В середине XX века по ряду причин теория реализма перестала справляться со своей функцией и предъявляемыми к ней требованиями. Связано это было и с кризисом государства, и с кризисом международных отношений, и с непопулярными войнами, которые нередко заканчивались поражениями ведущих мировых держав (такой стала, к примеру, война во Вьетнаме), а, кроме того, с изменениями философской среды. Все эти изменения создали условия для появления дискурса справедливости, который до сих пор остается ключевым в политической философии.

Шестидесятые годы прошлого столетия ознаменовались повышением уровня социальной активности. По всему западному миру прокатилась волна демонстраций и массовых выступлений, участники которых отстаивали порой противоположные политические позиции и обращались к различным идеологиям, сохраняя общность в критическом отношении к капиталистической системе. Сильны были и пацифистские настроения. Массовые движения помогли обозначить основные проблемы того времени и продемонстрировали, что существуют силы, готовые бороться с этими проблемами. Традиционные понятия науки о государстве и учения о политическом не были способны соответствующим образом поддерживать систему международных отношений и сохранять национальные суверенитеты неприкосновенными. В том числе основополагающие для политического существования вопросы войны и мира лишились своего классического решения, однако не получили нового.

Возникла новая задача политической философии. Она состояла в разработке теории военной этики, которая адаптировала бы старые положения концепции *bellum justum* к политическим реалиям второй половины XX в. Политические обстоятельства сыграли в процессе возрождения теории справедливой войны немаловажную роль. Таким образом, на рубеже 60-70 г.г. прошлого столетия появилась необходимость выработки критической нормативной теории войны, которая анализировала бы одновременно как условия начала войны, так и принципы ведения боевых действий. В качестве альтернативы теоретикам реализма, таким как Г. Моргентау, Р. Нибур и К. Уолтц, приходят сторонники теории справедливой войны.

В этот же период в США к своему закату подходит философия логического позитивизма. Такие мыслители как Х. Патнем, Н. Решер и Р. Рорти, обновляя аналитическую философию, возвращаются к традиционному американскому прагматизму, к его основам, заложенным доктриной Ч. Пирса, обращая прагматизм не только на решение эпистемологических, но и этических задач. Подобные изменения создают благоприятную среду для значительного развития этики, которая не воспринимается более в духе позитивизма как «псевдопроблема», возникшая вследствие неверного использования языка. Этика и справедливость скорее оказывается теперь одной из языковых игр, результатом конвенции. А аналитический подход к этике указывает на необходимость уточнения формулировок и содержания принципов нормативной теории войны.

На фоне этого значительного изменения в научной среде появляются работы Дж. Ролза¹²¹ и Р. Нозика¹²², посвященные теме справедливости в государстве, что также предопределило развитие

¹²¹ Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 1971.

¹²² Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974.

современной концепции справедливой войны. Теория справедливости Дж. Ролза оказалась привлекательной и убедительной, поскольку утилитаристская идея удовлетворения потребностей подкрепляется у него этической установкой на должное. Утилитаризм, таким образом, соединяется здесь с кантовской деонтологией и локковской концепцией естественных прав человека.

В контексте такой теории справедливости и зародилась современная концепция справедливой войны, которая постулирует, согласно одному из центральных авторов этой теории М. Уолцеру, «четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют нашу оценку ведению войны»¹²³. Сходное определение даёт и Б. Оренд: «набор взаимосвязанных принципов и ценностей, санкционирующий нравственные оценки во время войны»¹²⁴. Таким образом, современных авторов теорий справедливой войны объединяет понимание этой концепции как сферы пересечения ценностных учений, развивающихся в праве, философии, религии.

Рассматривая процесс возвращения к жизни концепции *bellum justum*, хотелось бы в первую очередь отметить статью Йозефа К. МакКенна «Этика и война с точки зрения католицизма»¹²⁵, опубликованную в 1960 г. в журнале «*American Political Science Review*». Но по-настоящему знаковым событием стал выход в свет в 1977 г. работы М. Уолцера «Справедливые и несправедливые

¹²³ Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 2000. P.44.

¹²⁴ Orend B. *The Morality of War*. P. 9-10.

¹²⁵ McKenna J. C. *Ethics and War: A Catholic View* // *American Political Science Review*. Vol. 54. № 3. 1960.

войны», которая стала одним из первых масштабных академических исследований по проблеме нравственного ограничения войны. В наше время теория справедливой войны превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. Множество авторов помимо самого М. Уолцера занимаются современной доктриной справедливой войны по обе стороны Атлантики: Т. Нагель, П. Кристофер, Н. Фоушин, Б. Оренд, О. О’Донован, Дж. МакМахан. В начале 2000-х начал издаваться интернациональный специализированный «Журнал военной этики» (Journal of Military Ethics) – международный журнал, выходящий четыре раза в год, разрабатывающий нормативные аспекты военного дела. В своём настоящем виде эта теория несколько отличается от ранних интерпретаций, представленных в работах Августина Аврелия, Фомы Аквинского, Франциско Суареса и Гуго Гроция. Теоретики справедливой войны ищут принципы, благодаря которым применение силы может быть ограничено, ведение войны станет более гуманным, а итогом ее будет надежный мир, таким образом, развивается идея вооруженной борьбы за мир, часто отвергаемая сторонниками доктрины пацифизма.

Несмотря на явную связь теории справедливой войны с теорией международного права, необходимо различать эти дисциплины. Международное право оперирует соглашениями и договорами, добровольно заключёнными между собой независимыми государствами. Что же касается теории справедливой войны, то она лишь разрабатывает принципы, которые могут ограничить распространение насилия. Однако следует понимать, что со временем этические положения теории справедливой войны инкорпорируются в акты международного гуманитарного права.

Западная философия обратилась к теории справедливой войны в тот момент, когда столкнулась с рядом проблем, связанных как с политическим кризисом, так и с кризисом внутри самой философской науки. Резюмируя вышесказанное, причины актуализации теории справедливой войны, концепции, которая получила второе рождение в довольно смутную эпоху, заключаются в следующем. Во-первых, кризис государства, связанный с внутренними изменениями внутри государства, трансформацией капитализма и, самое главное, значительным усилением негосударственных субъектов международных отношений, выявил необходимость формулировки новых нравственных принципов ограничения войны. Во-вторых, стоит отметить кризис реализма. Теория перестала отвечать общественным и политическим запросам, поскольку замкнулась на необходимости самозащиты от нападков оппонентов в период, когда нужно было дать оценку конфликтам не только с точки зрения национальных интересов, но в том числе и с позиций этики. В-третьих, кризис логического позитивизма, приведший к переоценке значения этики в современной философии и развитию аналитической этики. И наконец, дискурс справедливости с появлением работ Дж. Ролза и Р. Нозика превратился в ключевой дискурс политической философии XX века. В результате теория справедливой войны оказалась в благоприятном идейном климате, благодаря чему и получила возможность активного развития.

Современная международная политическая ситуация, обусловленная крушением биполярного мира, усилением роли ассиметричных сил, тенденциями к созданию «нового мирового порядка» и различных видов глобализации (экономической, политической, социальной), только прибавила задач политической

философии, которая вновь вынуждена искать новые направления развития. В то же время за прошедшие годы теория справедливой войны стала не только той нормативной теорией, в которой нуждалась политическая философия, но и оказалось заметным философским направлением, результаты которого применяются в международной политике. Она превратилась в одну из ведущих доктрин, составляющих основу современной политической философии стран Запада. И, очевидно, пока Северо-Атлантический Альянс сохраняет своё ведущее положение на международно-политической арене, теория справедливой войны будет оставаться значимой и действенной.

Теория справедливой войны – живая и развивающаяся традиция, переживающая бурный рост. Авторы, представляющие её, постоянно дорабатывают и обновляют теорию, которая должна претерпевать изменения и модификации, чтобы оставаться релевантной. А потому нельзя сказать, что теория справедливой войны – монолитная и завершённая субстанция; и одна из сильных её сторон как раз в том, что она всегда содержит место для новых идей, взглядов и трактовок.

Теория справедливой войны возникла в работах античных авторов как юридически обоснованная концепция, затем получила развитие в качестве христианской политической доктрины, после чего секуляризовалась и в XX в. была воссоздана в рамках аналитической традиции философии и этики. На протяжении долгого времени теория справедливой войны формировалась под сильнейшим влиянием христианского догмата. Постепенная секуляризация началась лишь в XVII в., однако не следует понимать этот процесс как общий для всякой теории справедливой войны, поскольку некоторые авторы по сей день сохраняют приверженность религиозной

аргументации, особая традиция сложилась во Франции, наиболее мощное же направление развивается сейчас в рамках аналитической этики. Кроме того, существуют оригинальные иудейские и исламские подходы к теории справедливой войны. Мы можем, таким образом, говорить не об одной монолитной теории справедливой войны, но о нескольких теориях, существующих параллельно. Но, несмотря на неоднородность и отчасти раздробленность, теории справедливой войны, обладая множественными концептуальными различиями, сохраняют единство в приверженности общему ядру доктрины. В сущности своей, каждая из концепций справедливой войны апеллирует к одним и тем же принципам и стремится удержать государства от войны друг с другом или ограничить произвол их действий в уже начавшемся конфликте. Для оценки политической ситуации предлагается использовать ряд принципов *jus ad bellum*, которые отвечают за оценку возможности вступления в войну на законных основаниях, и *jus in bello*, позволяющих судить о нормах поведения на войне, ведение которой признаётся справедливым.

Как мы уже отметили, в рамках общей традиции теории справедливой войны сосуществуют несколько направлений мысли об идее *bellum justum*. Достаточно сильные позиции до сих пор имеет католическая традиция теории справедливой войны. Напомним, что к католическому догмату апеллировал и Йозефа К. МакКенна. А в 1983 г. на Национальной конференции католических епископов было опубликовано Пастырское письмо о войне и мире «Проблема мира: Божье обетование и наш ответ»¹²⁶, концентрирующий основные положения современной христианской теории справедливой войны.

¹²⁶ A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops. The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. Office of Pub. Services, United States Catholic Conference, 1983.

Особое внимание христианские авторы уделяют гонке вооружений и развитию оружия массового поражения, в частности ядерного оружия. Приоритетным для католических мыслителей, безусловно, является мирное состояние, которое представляется продуктом реализации особого порядка, состоящего в признании «превосходства Бога и уникальной ценности каждого человека, понимаемой в терминах свободы, справедливости, истины и любви»¹²⁷. Не смотря на стремление ограничить войну, христианские теоретики справедливой войны считают её приемлемой при определённых условиях. Так, обоснованной представляется оборонительная война, в то время как на наступательную войну и умышленное убийство гражданского населения накладывается строжайший запрет.

Несколько иные теоретические решения предлагают представители близких между собой консеквенциалистского и прагматистского подхода к нормативной теории войны, которые развиваются уже в аналитической традиции. В рамках консеквенциалистского подхода находят своё применение два вида утилитаризма: утилитаризм правила и утилитаризм действия. Утилитаризм правила (rule utilitarianism) указывает на необходимость выработки набора моральных принципов, принятие которых обеспечивает максимизацию блага и счастья. Как замечает один из теоретиков этой утилитаристской этической доктрины Р. Брандт, действие будет тогда правильным, когда оно не противоречит моральному коду, существующему в обществе. М. Уолцер выступает в качестве сторонника такого вида утилитаризма, когда говорит о проблеме чрезвычайных обстоятельств, легитимирующих обращение к непомерным силам. Кроме того, находит своё применение и

¹²⁷ Ibid.

утилитаризм действия (act utilitarianism). Идеи Г. Сиджвика и иных представителей этого направления этической мысли о нравственно приемлемом выборе в пользу действий, приносящих больший объём блага в конкретных обстоятельствах, значительно повлияли на современных теоретиков справедливой войны. Тот же М. Уолцер активно обращается к этому аргументу, когда рассуждает о стремлении человека действовать нравственно.

Прагматистский подход к этике состоит в понятии конвенциональной морали, появляющейся на основе анализа накопленного опыта конкретной группы. Такая мораль может быть подвержена ревизиям и обновлениям, что, однако, не свидетельствует в пользу её слабости или ложности, поскольку значимой оказывается лишь возможность действовать успешно в определённом контексте. Подобное понятие этики несёт в себе, к примеру, теория справедливой войны Н. Фоушина, что делает её особенно гибкой и устойчивой.

Описанные этические концепции стали необходимой метанормативной базой для современных теорий справедливой войны, которые и станут предметом нашего подробного рассмотрения. Цель настоящего исследования заключается в подробном историко-философском анализе концепций современных западных авторов теории справедливой войны и выявлении непосредственной нормативной составляющей этих доктрин. Для изучения были выбраны работы таких знаковых авторов, как М. Уолцер, Н. Фоушин и П. Кристофер. Обращение к ним позволит определить наиболее важные и оригинальные подходы к трактовке концепции справедливой войны, проанализировать предложенные практические решения, а также рассмотреть тот путь, который прошла теория за последние сорок лет новой стадии её активного развития.

§ 2. М. Уолцер как основоположник современной теории справедливой войны

Ставшая настоящей классикой современной политической философии, работа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»¹²⁸ вышла в свет в 1977 году. Об успехе и значимости этой книги можно судить хотя бы по тому, что она была переиздана уже четыре раза. Исследование Уолцера было опубликовано вскоре после окончания войны во Вьетнаме, и его появление во многом оказалось обусловленным этим историческим контекстом. «Справедливые и несправедливые войны» стала знаковой работой, поскольку ее выход обозначил начало эпохи новой актуализации теории справедливой войны, которая, как казалось, давно уже отошла в ведение истории философии или теологов. М. Уолцер же, по-своему интерпретировав и обновив классическую концепцию *bellum justum*, показал ограниченность и неприменимость столь популярной в те времена доктрины реализма. Спор с политическими реалистами, с теориями Р. Нибура и Х. Моргентау, стал одним из центральных мест работы М. Уолцера.

Как уже было сказано в первой главе данной работы, реализм на время оказался политически удобной и приемлемой концепцией. Укрепление политического реализма означало временный закат идеи справедливости, взамен которой была возвращена к жизни древнеримская максима *inter arma silent leges*. Следствием такого положения дел стала абсолютизация вражды и ведение войн

¹²⁸ Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration.

фактически ничем не ограниченных и не сдержанных. Как замечает сам М. Уолцер, ситуация, когда *raison d'État* затмил идею справедливости, продолжалась до середины XX столетия. В это время государство превалировало над прочими группами и не нуждалось в этике как легитимирующей силе. Национальный интерес понимался как единственное мерило допустимого. Реалисты, как уже было упомянуто в соответствующем разделе, находят поддержку своим идеям в учениях античных и средневековых философов, в особенности в трудах Т. Гоббса. Сам М. Уолцер сравнивает правителей того времени с государями макиавеллианского типа, которые делают то, что им «приходится» делать и не отчитываются ни перед кем.

Однако в 60-е годы правительства мировых держав столкнулись с необходимостью удовлетворить общественный запрос в ограничении войн и нравственной оценке деятельности собственных армий. Ответом на этот запрос и стала теория справедливой войны.

М. Уолцер в сборнике статей «Споря о войне», появившемся уже в 2000-х годах, определяет теорию справедливой войны как в первую очередь «идею нравственного подхода к войне как виду человеческой деятельности»¹²⁹. Такой подход к войне предполагает особое отношение к миру. Отвергая пацифистскую доктрину, Уолцер полагает, что в нашем мире «война иногда необходима»¹³⁰, а, следовательно, во-первых, война в некоторых случаях может быть оправдана с точки зрения справедливости и, во-вторых, ведение войны всегда подлежит рассмотрению с точки зрения этики.

Согласно М. Уолцеру, человек по природе своей склонен действовать нравственно, именно поэтому даже на войне не

¹²⁹ Walzer M. *Arguing about war*. Yale University Press, 2006. P. ix.

¹³⁰ *Ibid.* P. 3.

исключается возможность поступать согласно предписаниям этики. Может показаться, что суждение М. Уолцера об этике, которой руководствуется человек во время военного столкновения, оказывается близким к кантовскому понятию нравственной автономии: «автономия воли есть единственный принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей»¹³¹. Суть морального закона у И. Канта заключается в том, что он существует вне зависимости от тех обстоятельств, в которых оказывается человек, и он остается неизменным под воздействием этих обстоятельств. Способность поступать морально исходит из самого человека и не определяется чем-то иным, помимо собственной воли человека. Сходным образом у М. Уолцера нравственное начало в человеке причастно всякому моменту его деятельности, а значит именно оно должно выступать в качестве базисного положения, применяемого для формулирования принципов, сдерживающих войну. Кроме того, такая этика определяет и поведение человека во время войны: несмотря на возможную неудачу и поражение, он всегда обязан будет поступить нравственно. Но необходимость нравственного действия коренится, согласно М. Уолцеру, не внутри самого человека, как это было у Канта, не в разуме, а в некоторых внешних установлениях среды обитания людей. Таким образом, это не деонтологическая мораль. Теория нравственного поведения людей в трактовке М. Уолцера опирается на иные основания. Этическая составляющая теории М. Уолцера ориентируется в первую очередь на контекстуализм Дж. Дьюи и Р. Рорти. Различая «плотную» этику, исходящую из традиций и институциональных установок каждого народа, и «тонкую» мораль, исходящую из рациональности и претендующую на фундаментальное

¹³¹ Кант И. Критика практического разума // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 5. – М.: Мысль, 1965. С. 350.

значение, М. Уолцер отдает предпочтение первой¹³². Сама культурная среда обуславливает стремление человека поступать нравственно. Стоит отметить, что подобные взгляды разделяют многие сторонники теории справедливой войны, в частности Н. Фоушин, о чём будет сказано в соответствующем разделе. Однако этому метанормативному контексту Уолцер уделяет крайне мало внимания при определении современного содержания принципов *bellum justum*. И если для уже упомянутого Йозефа К. МакКенна было крайне важным обосновать значимость этих принципов через обращение к католическому догмату, то для Уолцера правила *jus ad bellum* и *jus in bello* ценны сами по себе, в своём непосредственном практическом значении.

М. Уолцер не разделяет идею о необходимости обращения к какой-либо большой этической теории для выведения критериев, применяемых для оценки войны. Он не проводит их сопоставление с аргументами ведущих этических учений. Однако, безусловно, в историко-философском смысле подход Уолцера не остаётся «чистым» и совершенно независимым. Так, М. Уолцер совмещает в своей нормативной концепции войны утилитаризм действия и правила, хотя и нельзя сказать, что он ярко выраженный сторонник одной из этих доктрин. На фоне прочих концепций справедливой войны М. Уолцера можно назвать наиболее левоориентированным автором, хотя, как и другие сторонники теории, он основывается в своих рассуждениях также и на либеральной традиции политической мысли, постулирующей первоочередное значение личных свобод и права на самоопределение. Концепция, изложенная Уолцером в «Справедливые и несправедливые войны», во многом следует учению о гражданских правах Ж.-Ж. Руссо и Дж. Ст. Милля. Также для М.

¹³² Walzer M. *Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad*. University of Notre Dame Press, 1994.

Уолцера крайне важна идея государственного суверенитета. Государство выступает не только в качестве субъекта международных отношений, но и представляется защитником прав и личных свобод человека, хотя неизбежны случаи нарушения этих прав.

Центральная идея М. Уолцера, которая в качестве базисной используется в его версии теории справедливой войны, состоит в указании на единственную возможность судить о нравственности во время войны только в контексте рассуждения о правах, которыми обладают люди. М. Уолцер, таким образом, оказывается сторонником своего рода легалистской концепции этики. Стоит отметить, что тенденции к принятию легалистской парадигмы Уолцер проявляет с самых первых страниц своего *magnum opus*. Так, по мнению Уолцера, люди всегда говорили о войне в понятиях правильного и неправильного¹³³. Право, а не моральный кодекс, выбирает М. Уолцер в качестве источника справедливости: «те суждения, что мы делаем относительно войны, в первую очередь, должны пониматься как попытка выказать признание и уважение правам как отдельных индивидов, так и сообществ мужчин и женщин». Находится место здесь и полезности или выгоде, но не морали как таковой.

М. Уолцер, исследуя в работе «Справедливые и несправедливые войны» нравственные ограничения, которые могут быть наложены на вооружённое столкновение, исходит из закреплённого в практике международных отношений принципа, запрещающего развязывание войн и трактующего агрессивные войны как преступления. М. Уолцер ставит агрессию вне закона, понимая ее как акт не только политически, но и юридически нелегитимный. «Агрессия – вот имя, которым мы нарекаем военные преступления. Мы понимаем, что это

¹³³ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 3.

преступление, поскольку знаем то состояние мира, которое прервала война. Зло, которое порождает война, заставляет мужчин и женщин рисковать собственными жизнями ради защиты их прав»¹³⁴. Агрессивная война воспринимается им как преступное деяние (criminal act). Подобная криминализация войны представляется нам опасной. Уолцер исходит из убеждения, что как минимум один из участников конфликта – агрессор, а потому преступник, которого необходимо осудить. Но такой подход в пределе своём приводит к абсолютизации вражды, что влечет за собой отрицание возможности трактовки врага как онтологически равноправного субъекта и делает задачу послевоенного построения мира на условиях равенства и взаимного уважения труднореализуемой.

Но агрессия представляется преступлением не только с точки зрения права, но и морали. Причина такого запретного характера войны вполне очевидна – она кроется в насильственном характере войны: «людей убивают, и часто в больших количествах... без разбора возраста, или пола, или нравственных условий»¹³⁵. Насильственная природа войны позволяет всякого, кто развязывает наступательную войну, объявить преступником. Война характеризуется всевозможными ужасами, насилием, несвободой. Как социальная практика война не позволяет индивиду действовать независимо, полагаясь на собственное мнение. Подавляющее большинство вовлечённых в вооруженное столкновение предпочло бы избежать участия в нём. Преступная война прерывает состояние справедливого мира, а агрессор лишает невинных людей права на ведение привычного для них образа жизни, заставляя сражаться за это

¹³⁴ Ibid. P. 51.

¹³⁵ Ibid. P. 22.

право. Таким образом, для Уолцера война – это защита прав допустимыми силовыми методами.

Кроме того, для Уолцера несправедливая война, как абсолютно антиправовой акт, является проявлением тиранической воли агрессивного политического лидера или правительства: «мы можем определить её как проявление тирании власти, во-первых, против своего собственного народа, и, во-вторых, через посредство пунктов воинского призыва противника, против людей, которых они атаковали»¹³⁶. Таким образом, государственная власть совершает акт насилия не только над своим противником, но и над собственным народом. Стоит отметить близость этой мысли М. Уолцера уже упоминавшейся идее Л. Н. Толстого о подчинении личности посредством введения всеобщей воинской повинности и формирования призывных пунктов.¹³⁷ Русский философ, однако, стремился показать порочность всей военной системы, самого силового метода решения конфликтов, Уолцер же критикует только несправедливые войны.

Другое ключевое положение нормативной концепции М. Уолцера состоит в понятии о морально должном поведении. Как было уже отмечено ранее, одна из основополагающих идей всей теории М. Уолцера заключается в том, что всякий человек, участвующий в войне (впрочем, и всякий, живущий в мире), действует, соотносясь с определённым набором нравственных правил. И в более поздних работах М. Уолцер введёт положение о фактически естественном следовании морали каждым человеком. В «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцер особое значение уделяет тому

¹³⁶ Ibid. P. 31.

¹³⁷ См. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание.

факту, что военные по обе стороны линии фронта действуют по принуждению. Участники столкновения одинаковы в своей несвободе и в целом в тех условиях, в которых они оказались. Люди с каждой стороны становятся жертвами войны, что и делает их равными друг другу. В итоге мы приходим к пониманию того, что противник нравственно эквивалентен нам самим¹³⁸. Именно это обстоятельство заставляет людей следовать определённым правилам и ограничениям, несмотря даже на то ожесточение, которое вызывает война. Концепция морального равенства комбатантов является одной из ключевых тем, которую развивает М. Уолцера, и которая в то же время имеет непосредственное влияние на международное право.

Можно сказать, что М. Уолцер здесь обращается к ветхозаветному золотому правилу морали. И хотя это не высказывается открыто, вполне вероятно, что именно этот принцип и служит у М. Уолцера в качестве основного нравственного закона, который присущ всякому без исключения человеку¹³⁹. Исходя из главенства этого этического принципа, люди создают правила войны.

Вне зависимости от того, в каких условиях находятся люди, как в ситуации оборонительной войны, так и в случае участия в агрессии при действии исключительно по принуждению, М. Уолцер полагает должным и необходимым следовать определённому набору правил, которые, собственно, и составляют комплекс *jus ad bellum* и *jus in bello*. Последние стоит выделить особенно, ведь именно эти правила становятся нормой для каждого участника войны, даже рядового

¹³⁸ О проблемах восприятия противника как равного в моральном отношении субъекта и критике подобного подхода см. McMahan J. Killing In War и McMahan J. Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // *Journal of Military Ethics*. Vol. 6. № 1. 2007. P. 50-59.

¹³⁹ См. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // НП "Редакция журнала "ПОЛИС". – 2002. – Вып. 3.

солдата, в то время как первые обращены более к лицам, наделённым должной властью для принятия решения о войне.

В системе *jus ad bellum* особое место отводится принципу правого дела. Как мы уже отметили, М. Уолцер налагает запрет на агрессивные войны. Однако сторона, защищающая своё право на существование, всегда ведёт легитимную войну: «они [жертвы агрессии] всегда обладают справедливым основанием для борьбы»¹⁴⁰.

М. Уолцер полагает, что подобно тому, как один человек уважает права другого, даже своего противника, государства также должны уважать друг друга. Если государство-агрессор нарушает права другого государства, то последнее имеет законные основания сопротивляться. Ситуация такова, что только обороняющаяся сторона может претендовать на справедливость. Таким образом, для М. Уолцера, в отличие от Суареса или Ваттеля, оба участника войны не могут быть справедливыми в той или иной мере. Однако неверно полагать, будто бы всегда хотя бы один участник обладает законным правом на ведение войны. Вполне возможны ситуации, когда обе стороны лишены таких оснований. Однако М. Уолцер заявляет, что в любом столкновении одна из сторон с неизбежностью оказывается несправедливой, нарушающей права другой. Война же допустима в качестве меры защиты права. Нравственному пониманию войны отвечает в данном случае легалистская парадигма международных отношений.

В сжатой форме легалистскую доктрину можно описать следующим образом. Мир представляет собой сообщество независимых государств, каждое из которых обладает нерушимым правом на территориальную целостность и политический суверенитет.

¹⁴⁰ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 51.

В рамках этой системы использование силы по отношению к другому государству или даже угроза обращения к силовым методам взаимодействия признаётся агрессией и криминальным актом. Поскольку агрессия преступна, то ответ на неё считается справедливым, и на выручку к жертве нападения могут прийти третьи стороны, что также будет легитимным. То есть преступное нападение может и должно быть наказано. И ничто, кроме ответа на агрессию, по мнению М. Уолцера как сторонника легалистской парадигмы не оправдывает войну. Таким образом, только в двух случаях государство имеет право на применение силы. Речь идет о самообороне (war of self-defense), когда государство оказывается жертвой нападения и вынуждено отвечать на преступную агрессию, и правоохранительной войне (war of law enforcement).

Однако простое на первый взгляд положение о запрещении агрессии осложняется рядом проблемных моментов. Пятая глава работы «Справедливые и несправедливые войны» затрагивает тему определения агрессора, проблему угрозы и превентивных ударов. Не всегда можно сказать, что тот, кто первым открыл огонь, может считаться агрессором и преступником. И существуют ситуации, когда в целях самообороны необходимо нападать первым.

Именно поэтому М. Уолцер предлагает принципы, по которым можно будет определить, когда государство, не перешедшее границу и не начинавшее активных боевых действий, можно назвать агрессором и справедливо атаковать. Эта ситуация возможна в том случае, когда степень угрозы, исходящая от государства, делает возможность войны неизбежной. М. Уолцер апеллирует к явно консеквенциалистскому аргументу: риски, которые вызывает бездействие, надо стремиться минимизировать. Однако эта его идея

противостоит легалистской идее о допустимости только оборонительной войны. В рассуждениях М. Уолцера на эту тему мы видим сращивание консеквенциалистской этики и легалистской парадигмы. «Государства могут обращаться к военным средствам в случае угрозы войны всякий раз, когда бездействие привело бы к серьёзному риску нарушения территориальной целостности или политической независимости»¹⁴¹.

Из правила о недопустимости агрессивных войн, следовательно, может быть сделано лишь одно исключение. Действительная угроза, а не страх, делает войну обоснованной, поэтому возможны упреждающие удары (*preemptive strikes*), но никак не превентивные войны (*preventive war*). Все остальные войны: религиозные, революционные, коммерческие – не могут быть признаны международным сообществом.

Затрагивая в 6 главе «Справедливые и несправедливые войны» столь важный для политики XX в. вопрос о гуманитарной интервенции, М. Уолцер вновь сталкивается с необходимостью ревизии легалистской доктрины, запрещающей агрессивные наступательные войны. М. Уолцер замечает, что существуют три случая, когда военное вторжение оказывается допустимым и одно государство может атаковать другое, не совершая военного преступления.

Во-первых, речь идёт о случаях борьбы с жестоким режимом, власть которого не устраивает местное население. Многие авторы, такие как Т. Гоббс или Дж. Локк определяли право людей на восстание, а Дж. С. Милль постулировал принцип на свободу выступления против тиранической власти, но только для граждан

¹⁴¹ Ibid. P. 85.

страны, борющейся с деспотом. Таким образом, Милль исключал обоснованность возможности интервенции в государство с целью смены власти в нём. По мнению, М. Уолцера, если уже сформировано политическое сообщество, которое фактически обладает должной долей легитимности и борется за свободу против действующей власти, то «интервенция с целью поддержки повстанческого движения может быть оправдана»¹⁴². Продолжительное вооружённое выступление против диктатора делает политическую группу легитимной, позволяет ставить вопрос о её признании и оказании помощи этой группе, вплоть до военного вторжения в государство, где идёт повстанческая борьба. В то же время, может быть названа справедливой и интервенция, которая стала ответной реакцией на вмешательство третьего государства в освободительную войну народа, сражающегося против тиранического правления. Необходимо, однако, следить, чтобы такое государство, пришедшее к состоянию гражданской войны, не стало ареной для выяснения отношений между вторгающимися в него государствами. В то же время контринтервенция, имеющая целью балансировку соотношения сил в третьем государстве, обладает законными основаниями для реализации. И третий, наиболее важный принцип, который постоянно будет находиться в центре внимания, как самого Уолцера, так и прочих авторов на протяжении более чем сорока лет с момента первой публикации «Справедливые и несправедливые войны», это принцип гуманитарной интервенции. Гуманитарная интервенция может быть рассмотрена как один из вариантов упреждающего удара. Хотя, как правило, она начинается в ответ на действительное насилие, упреждается крайняя степень реализации этого насилия. Внешние

¹⁴² Ibid. P. 90.

вооружённые силы могут вмешаться в конфликт внутри отдельной страны с целью защиты населения. Если речь идёт о массовом насилии, терроре по отношению к простому населению, допустимо вторгаться в государство, с целью остановить произвол правительства. Как пишет М. Уолцер «прежде чем оказать поддержку, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они [мирные граждане] своего рода тест на самопомощь. Именно невозможность этой самопомощи и заставляет нас вступать в дело»¹⁴³. Массовым убийствам население далеко не всегда может противопоставить хоть что-то, поэтому недопустимо, чтобы соседние страны оказывались в стороне.

Тема смены режима в качестве легальной цели войны получила развитие во многих работах М. Уолцера. В «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцер делает относительно мягкий вывод по этому вопросу, замечая, что помимо смены режима конфликт должен решать и иные задачи, в моральном плане более допустимые. Сама по себе смена режима не может выступать в качестве приемлемой причины справедливой войны. Только при столкновении с режимами, подобными нацистскому, мы можем требовать безоговорочной капитуляции и смены правительства. Основная задача войны – оберегание права, которым, однако, обладают все государства, в том числе и агрессоры. Ущемление прав, безоговорочная капитуляция, политическое расчленение и лишение самого права на существование нации не может быть допустимым итогом конфликта, поскольку цели войны всегда должны быть ограниченными. Справедливость таких радикальных мер возможна в исключительных случаях, таких, например, как при столкновении с жестоким агрессивным режимом, подобным гитлеровскому. Но в

¹⁴³ Ibid. P. 106.

статье 2006 г. «Смена режима и справедливая война», опубликованной в издаваемом самим М. Уолцером журнале «Dissent», представлен уже иной подход к проблеме смены режима¹⁴⁴.

М. Уолцер рассматривает проблему смены режима на примере войны в Ираке 2003-2011 г.г. Политический режим Ирака на момент начала кампании в 2003 г. не характеризовался той степенью агрессивности, которая позволила бы говорить о необходимости нанесения упреждающего удара или начала гуманитарной интервенции. Администрация президента Дж. Буша привела немало веских причин для оправдания начавшейся войны, которые называет в частности Н. Фоушин¹⁴⁵, но конечная цель состояла именно в желании сместить режим Баас.

Но принять такое расширение *jus ad bellum* теория справедливой войны, по мнению М. Уолцера, не может. Преступный режим и режим, который может стать таковым, не одно и то же, и, следовательно, необходимы различные политические практики для их ограничения. Агрессивный режим может быть атакован, но в отношении государства, которое только может стать агрессором, М. Уолцер предлагает проводить политику сдерживания экономическими санкциями. Такая программа сложно реализуема, но наиболее эффективна. Таким образом, не само по себе свержение политического руководства государства противника может быть справедливой причиной войны, но «смена режима может быть оправдана только как результат справедливой войны»¹⁴⁶. М. Уолцер вынужден указать на то, что вопрос о политической реконструкции

¹⁴⁴ Walzer M. Regime Change and Just War. Dissent. 2006.

URL: <http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663>

¹⁴⁵ Fotion N. War and ethics: a new just war theory. New York: Continuum, 2007. P. 73-74.

¹⁴⁶ Walzer M. Regime Change and Just War.

режима крайне сложен, поскольку силы международного сообщества и местные политические силы должны будут не только сместить опасный режим, но и обеспечить послевоенную деятельность по созданию нового демократического правительства.

Описанные выше нравственные правила, составляют, по мнению М. Уолцера, комплекс *jus ad bellum*. Следования этим предписаниям минимизирует распространение агрессивных войн, поскольку мировое сообщество должно решительно осуждать и наказывать те государства или иных участников боевых действий, которые избегают обращения к этим принципам при определении собственной политики.

Вторая часть книги «Справедливые и несправедливые войны» посвящена разработке и анализу нравственных правил, которые могут быть применены к самой войне. Речь идёт о *jus in bello*, которые предполагают, что государства или иные участники боевых действий, должны быть осуждены, если они не следуют определённым принципам. Исследованию концепции *jus in bello* Уолцер посвятил ряд глав «Справедливых и несправедливых войн». *Jus in bello* предполагает выработку критериев возможности атаки на определённые группы людей и невозможности атаки на все прочие группы. Наравне с ограничениями в целях и причинах, легитимирующих войну, должны существовать и ограничения применяемых в сражении средств. Таким образом, каждый человек, приписанный к вооружённым силам, должен руководствоваться в ходе войны определённым сводом правил. Кроме того, ценность и смысл этого свода правил не зависит от нашего выбора принципов *jus ad bellum*.

Человек на войне может действовать справедливо или несправедливо. Оценка поведения человека не зависит от характера конфликта, от того, был он начат на допустимых основаниях или же нет. Вполне возможны ситуации, когда солдаты агрессора ведут себя достойным образом в войне, которую невозможно признать справедливой. *Jus ad bellum* и *jus in bello* не только логически различаются, но и имеют совершенно разную природу.

Две эти категории дуалистичны в рамках одной теории. *Jus ad bellum* оценивают справедливость войны в целом, нравственную составляющую её характера. *Jus in bello* говорит о допустимых способах ведения войны. Оба этих аспекта рассмотрения нравственной составляющей вооруженного столкновения связаны между собой, но могут быть проанализированы независимо друг от друга. Кроме того, как справедливо отмечает Н. Фоушин, в ходе конфликта, начало которого не вызывает споров, могут использоваться запрещённые методы, нарушающие право во время войны. Равным образом, верно и обратное: война, лишённая законных оснований, может продолжаться в полном соответствии с критериями *jus in bello*

Кроме того, если справедливой причиной войны может обладать только одна сторона и вторая не может притязать на само обладание *jus ad bellum*, то *jus in bello* в равной мере доступно каждому из противников. «Нравственный статус солдат каждой из сторон очень близок: они участвуют в войне в силу своей преданности собственному государству и из-за подчинения закону... они не преступники, они воспринимают противника как нравственно равного себе»¹⁴⁷. Ограничивая себя в соответствии с правилами *jus in bello*,

¹⁴⁷ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 127.

солдат всегда остаётся солдатом. Но если его действия выходят за рамки допустимого и необходимого, он превращается в убийцу и преступника: «мы называем их убийцами только тогда, когда они атакуют некомбатантов, невинных людей (гражданское население), раненных или безоружных»¹⁴⁸.

М. Уолцер выделяет два типа правил войны. Первый устанавливает, когда и как допускается убивать противника. И хотя значение этих принципов велико, по мнению Уолцера, они не являются основными в разговоре о нравственности в контексте войны. Так, если мы запретим разрывные пули или кассетные бомбы, это будет способствовать уменьшению страдания людей во время войны, однако не повлияет на наше понятие о природе войны, не будет способствовать изменению её сущности. Как замечает М. Уолцер: «следует отдать должное каждому правилу, которое ограничивает интенсивность и длительность битвы или страдание солдат, но ни одно из этих ограничений не кажется определяющим для нравственного понимания войны»¹⁴⁹.

Это первое правило *jus in bello* получило наименование принципа пропорциональности. Идея пропорциональности – не изобретение М. Уолцера, который, вероятнее всего, берёт её у одного из основополагающих авторов британского утилитаризма Г. Сиджвика. В работе «Элементы политики» Сиджвик вводит принцип пропорциональности следующим образом: «Участник конфликта может причинить своему противнику такую степень вреда, которая будет достаточной для того, чтобы оказать значительное влияние на последнего и заставить его подчиниться; но стоит также ожидать, что участник конфликта воздержится от вредоносных действий, которые

¹⁴⁸ Ibid. P. 128.

¹⁴⁹ Ibid. P. 42.

не способствуют достижению поставленных задач, особенно в сравнении с объёмом причинённого зла»¹⁵⁰. М. Уолцер вторит Сиджвику, рассуждая о недопустимости чрезмерной степени причинения вреда. Для определения чрезмерного насилия М. Уолцер предлагает использовать два критерия. Во-первых, следует понять степень военной необходимости всякого действия. Во-вторых, каждый человек ответственен за оценку тяжести вреда, который он наносит. В итоге, объём нарушений общечеловеческих законов должен оказаться ниже, нежели полученные успехи и в частности победа в войне.

Однако, хотя принцип пропорциональности Г. Сиджвика и необходим для определения границы между допустимым и чрезмерным злом и насилием, он один сам по себе не может содержать всех необходимых нравственных ограничений, которые мы накладываем на способы ведения войны. Одним из важнейших концептов для понимания уолцеровской программы *jus in bello* является понятие *The War Convention* – конвенции войны или соглашение по войне. Военнослужащим приходится не только заниматься утилитаристскими подсчётами выгод и затрат по достижению цели в ходе конкретной операции, но и принимать во внимание права, которыми обладают их противники. Помимо этого в расчёт принимаются традиции, воинские кодексы, философские позиции и религиозные взгляды тех сообществ, которые принимают участие в конфликте. Говоря словами Б. Оренда, конвенция войны «предоставляет материал, на основе которого мы формируем мнение о собственных обязательствах в военное время»¹⁵¹. Так на утилитарное

¹⁵⁰ Sidgwick H. *The Elements of Politics*. New York: Cosimo. 2005. P. 254.

¹⁵¹ Orend B. *Michael Walzer on Resorting to Force* // *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*. XXXIII:3. P. 524.

наслаивается социальное, способствуя сдерживанию людей от истребления друг друга. Огромный разрушительный потенциал современной техники и средств уничтожения заставляет нас отказаться от применения всех доступных способов достижения поставленной боевой задачи. Это недозволительно, в том числе, и по нравственным причинам. Помимо непосредственной выгоды существенным оказываются и другие факторы, которые позволяют сдержать столкновение и избежать абсолютизации вражды и войны.

М. Уолцер выступает здесь против исключительного утилитаристского подхода к войне. Утилитаризм, во всяком случае, утилитаризм действия, всегда может с лёгкостью подвести нас к мысли о допустимости отказа от нравственных правил, которыми мы руководствуемся, поскольку предлагает нам способ наиболее простого и наименее затратного достижения победы. «Он с большей долей вероятности укажет нам на то, что правила войны должны быть нарушены в том или ином случае, чем объяснит содержание этих правил»¹⁵².

Помимо принципа, сдерживающего насилие, наше понятие о войне должно содержать и принцип, запрещающий атаку на некоторые категории людей, находящихся на стороне противника. Речь идёт о некомбатантах, использовать которых для достижения военных выгод и обретения победы недопустимо.

Правила, разъясняющие понятие врага, определяющие, какими характеристиками обладает тот, кого можно убивать, обладают более принципиальным значением, нежели принцип пропорциональности. Участниками военного столкновения могут быть обученные и подготовленные к этому люди, но никак не мирное население. Война

¹⁵² Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 131.

должна быть столкновением комбатантов, из неё исключаются некомбатанты, атаку на которых нельзя считать легитимной в соответствии с любой военной конвенцией. Эта идея стала основной для понимания *jus in bello* в концепции М. Уолцера.

В то же самое время убийство солдат противника не будет считаться нравственно несправедливым. Как замечает М. Уолцер, всё наше представление о военной конвенции строится на том, что «солдаты могут быть подвержены атаке в любое время»¹⁵³. Это первое, основополагающее положение военной конвенции. Даже если солдат был призван на военную службу, то есть имеет место некоторая насильственность по отношению к нему, он обучается и получает необходимое снаряжение для того, чтобы вести бой, он становится источником насилия. А такое положение дел приводит к тому, что солдат теряет право на неприкосновенность и безопасность, в то время как мирные граждане, некомбатанты таким правом обладают и не лишаются его, поскольку не делают ничего агрессивного, не занимают «угрожающую позицию». Хотя и существует ряд пограничных категорий граждан, к примеру, специалисты, выполняющие работы для нужд армии, всё же принцип неприкосновенности некомбатантов довольно очевиден.

Однако М. Уолцер указывает на то, что хотя запрет на причинение вреда мирному населению понятен и прост, всё же эти лица нередко оказываются под ударом. М. Уолцер называет эту ситуацию «доктриной двойного эффекта», подразумевая, что некомбатанты подвергаются и, в принципе, могут быть подвержены непрямым атакам. По мнению американского философа, если акция прошла верификацию на справедливость, то вследствие действия

¹⁵³ Ibid. P. 138.

двойного эффекта убийство некомбатантов также может считаться оправданным. Верификация на справедливость состоит в данном случае в следующем. Во-первых, военная операция должна приводить нас к победе. Далее, непосредственные результаты атаки должны быть справедливыми, к примеру, таким может считаться разрушение завода по производству военного снаряжения. Акция должна проводиться в соответствии с принципом добрых, справедливых намерений (разрушение системы снабжения армии). И удар должен быть пропорциональным. Ущерб, нанесённый непрямым ударом по некомбатантам, не должен превышать выгод, которые получает атакующий¹⁵⁴. Однако М. Уолцер указывает на то, что в такой формулировке доктрина двойного эффекта зачастую подвергается критике, поскольку может быть поднят вопрос о том, в чём, вообще, заключается разница между прямым и непрямым убийством некомбатантов. М. Уолцер предлагает доработать положение о двойном эффекте, дабы сделать его более приемлемым для использования в современном либерально-демократическом обществе. Недостаточно просто стараться избегать нанесения вреда некомбатантам. Чтобы считаться справедливой и законной, акция, в ходе которой пострадает мирное население, должна не только отвечать перечисленным выше критериям, но и проводиться в соответствии с ещё одним, пятым принципом: стремлением минимизировать потери со стороны некомбатантов. Атакующий в равной мере должен обладать справедливыми причинами для атаки и стремлением всеми возможными способами сократить количество пострадавших со стороны некомбатантов. Это может привести к повышению степени риска для военных, однако, по мнению М.

¹⁵⁴ Ibid. P. 153.

Уолцера, такова цена, которую необходимо заплатить за атаку на цель, в ходе которой может пострадать мирное население.

Однако исполнение правила неприкосновенности гражданских лиц в условиях современного конфликта, лишённого чётких разграничений на комбатантов и некомбатантов, становится непростой задачей. Так, партизанская война ведётся лицами, которые используют статус некомбатантов в качестве прикрытия, поэтому противникам партизан приходится прилагать дополнительные усилия для поиска среди некомбатантов своих истинных врагов, атака на которых допустима. Естественно, что порой отличить в таких условиях комбатанта от некомбатанта весьма нелегко, а значит, многократно усложняется задача противостояния партизанской войне. М. Уолцер также говорит о сложности применения нравственных принципов к этому виду войны. Члены партизанских отрядов, как правило, не используют какие бы то ни было знаки, идентифицирующие их как партизан, то есть комбатантов. По мнению М. Уолцера, в этом заключается подрыв одного из основных принципов всей военной этики. Человек может быть либо солдатом, либо гражданским лицом, но не должен прятаться среди мирного населения, скрывая свою принадлежность к военизированной организации. С другой стороны, поддержка населением партизан, делает последних в некоторой степени легитимными участниками вооружённых конфликтов, позволяет говорить о наличии у них определённых прав комбатантов.

М. Уолцер занимает довольно жёсткую позицию по отношению к партизанским войнам. Вступление в герилью, по его мнению, не санкционирует отмену строгих правил, которые диктуются теорией справедливой войны. Столкновение с партизанской активностью

требует проведения чёткого разделения на комбатантов и некомбатантов, подобно тому, как это делается в ходе межгосударственного конфликта. В противном случае, если различие не может быть проведено, необходимо признать, что война проиграна и прекратить борьбу, поскольку она неизбежно приведёт к акциям неоправданной жестокости по отношению к мирному населению, что будет явным нарушением всей системы принципов *bellum justum*. Такую войну необходимо завершить, коль скоро «это уже не анти-партизанская война, но анти-социальная война, борьба против всего народа, в ходе которой невозможно установить никаких разграничений»¹⁵⁵. Очевидно, что Уолцер исходит из опыта войны во Вьетнаме, которую Соединённые Штаты не могли завершить, хотя и имели значительное преимущество в военной мощи и технике. Гражданское население, даже если оно поддерживает партизан, не теряет своё право на неприкосновенность. Этот принцип как раз и был нарушен во время Вьетнамской войны. Правила ведения боевых действий, применявшихся в этом конфликте, не могли способствовать решению задачи точного различения комбатантов и некомбатантов. По словам М. Уолцера, удары по гражданскому населению были неизбежными, и руководство армии знало об этой неизбежности, однако не могло предотвратить или даже желало этих атак.

Именно в партизанской войне *jus ad bellum* и *jus in bello* оказываются в непосредственной логической связи между собой. И если средства, которыми ведётся такая война, не могут быть справедливыми, то и сама война лишается этого статуса и теряет

¹⁵⁵ Ibid. P. 187.

всякий смысл. Если войска систематически не способны определить легитимные цели для нападения, то войну следует прекратить.

Однако партизанская война представляет собой не главную сложность для нормативной концепции войны. Глава 14 работы «Справедливые и несправедливые войны» посвящена крайне важному понятию для уолцеровской концепции *jus in bello*, которое М. Уолцер вслед за Уинстоном Черчиллем называет «*supreme emergency*» – чрезвычайные обстоятельства. М. Уолцер замечает, что случаются войны или, во всяком случае, периоды во время войны, когда простые утилитаристские вычисления имеют большую ценность и значение, нежели абсолютные нравственные законы и право. Так, в ситуации, когда война ведется с «правительством, подобным нацистскому», можно преступить через необходимость во всех случаях поступать нравственно, поскольку наибольшее зло будет состоять не в отступлении от морали, а в невозможности свергнуть такое правительство. Объявляя Третий рейх самым «злом, воплощенном в мире», Уолцер заявляет, что в отношении подобного режима нельзя было поступить иначе, кроме как начать бороться с ним всеми возможными средствами и в конце концов уничтожить.

Очевидным и неоспоримым фактом для М. Уолцера является заключение о том, что государство, стремящееся победить противника, с лёгкостью примет позицию утилитаризма действия, позволяющую пренебрегать справедливыми законами войны. Но права людей должны цениться больше, нежели утилитарные подсчёты выгод, получаемых от успешно завершённой войны. В том числе с определённой долей уважения необходимо относиться и к гражданам государства-противника, как к мирному населению, так и к военнослужащим. Однако значение войны в некоторых случаях может

быть крайне высоким: «мы знаем, как высоки ставки в некоторых войнах и как важна может быть победа... Само существование сообщества может быть поставлено на карту, и поэтому, как можно избежать рассмотрения возможных последствий при выборе пути развития конфликта? В этом, если никак иначе, случае необходимо наложить ограничение на применение утилитаристских исчислений»¹⁵⁶.

В этом содержится одно из заключений, которые наводят М. Уолцера на идею о чрезвычайных обстоятельствах: принципы справедливой войны и военная этика можно игнорировать, если победа в войне представляется единственно возможным способом сохранения политического сообщества. М. Уолцер предстаёт здесь в качестве сторонника утилитаризма действия, но его теория сталкивается с явной проблемой, поскольку одни и те же действия могут считаться как допустимыми, так и неприемлемыми, и М. Уолцер не избегает указания на эту сложность. К примеру, если мировая общественность и Союзники в частности признали немецкую бомбардировку Роттердама во время Второй мировой войны излишне жестокой и необоснованной, то как может быть оправдано разрушение Дрездена 13-15 февраля 1945 г. М. Уолцер указывает на принцип чрезвычайных обстоятельств и на исключительность зла, к которому обращаются некоторые политические режимы. Это те случаи, когда убийство ради сохранения жизни, как говорит М. Уолцер, является оправданным.

Как замечает Б. Орнд, в чрезвычайных обстоятельствах происходит абсолютный разрыв между *jus ad bellum* и *jus in bello*: государство не отказывается от веских и обоснованных причин для

¹⁵⁶ Ibid. P. 228.

вступления в войну, но попав в исключительную ситуацию, может отступить от справедливого ведения борьбы¹⁵⁷. По мнению М. Уолцера, здесь нет места оправданию двойных стандартов, но если поражение обернется катастрофой для невинных мирных людей, то можно допустить отступление от принципов, нравственно ограничивающих войну. Победа Германии во Второй мировой войне означала бы претворение в жизнь ужасных, несправедливых и преступных принципов общественного устройства. Чтобы не допустить этой победы, можно было и отказаться от справедливых правил войны в угоду утилитарным исчислениям о необходимом. М. Уолцер называет эту ситуацию утилитаризмом чрезвычайных мер (*utilitarianism of extremity*), максима которого заключается в следующем: «поступай справедливо, пока небеса не обрушатся (или близки к этому)»¹⁵⁸. В определённых, действительно, исключительных случаях, единственными значимыми критериями для оценки собственных действий на войне становятся полезность и пропорциональность.

В критическом исследовании уолцеровского понятия чрезвычайных обстоятельств Мартин Л. Кук замечает, что Уолцер «усиленно старается провести различие чрезвычайных обстоятельств и обычного военного поражения»¹⁵⁹, но самое это положение может «использоваться правителями для оправдания действий, которые теоретики справедливой войны не могли бы одобрить»¹⁶⁰. Положение о чрезвычайных обстоятельствах открывает путь для возможной узурпации понятия справедливости. Сверхнеобходимость, о которой говорит Уолцер, может быть легко сформулирована правительством,

¹⁵⁷ Orend B. *The Morality of War*. P. 140-141.

¹⁵⁸ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 231.

¹⁵⁹ Cook M. L. *Michael Walzer's Concept of 'Supreme Emergency' // Journal of Military Ethics*. Vol. 6. № 2. 2007. P. 139.

¹⁶⁰ *Ibid.* P. 141.

и в дальнейшем использована для оправдания права некоторой политической общности не только для ответа на агрессию, но и для развязывания новых войн.

Политические сообщества в чрезвычайных обстоятельствах могут отказаться от нормативных ограничений. Это означает, что они действуют исключительно исходя из собственных интересов, то есть подобная ситуация соотносится в большей степени с положениями политического реализма, нежели теории справедливой войны. Здесь явно прослеживается логика различения морального человека и аморального общества, государства, предложенная Р. Нибуром. Но подобная логика естественно вписана в конструкции политического реализма и разрушительна для этической стройности. Трудность вызывает и определение того, как и когда должны заканчиваться чрезвычайные обстоятельства, которые открывают возможность тотального истребления противника. Не получает решения и вопрос о степени ответственности лиц, принимающих решение о возможности применения исключительных мер в силу наступления чрезвычайных обстоятельств.

Фактически, вводя понятие «supreme emergency», М. Уолцер указывает на своего рода лазейку, позволяющую, не покидая дискурса справедливости, обойтись без критериев теории справедливой войны. Хотя, естественно, что для самого автора «Справедливых и несправедливых войн» указанное положение о чрезвычайных обстоятельствах не отменяет принципов *justum bellum*, но лишь уточняет их.

М. Уолцер проблематизирует и ситуацию нейтралитета в контексте чрезвычайных обстоятельств. Можно ли в чрезвычайных случаях нарушать законное право нейтральных государств на мир?

Государства, заявляющие о своём нейтралитете, отказываются от вмешательства в конфликт, что фактически делает их равными по статусу некомбатантам. Как пишет об этом сам М. Уолцер, «нейтралитет – это коллективная и добровольная форма отказа от участия в боевых действиях... Солдаты и гражданское население защищены в равной мере, поскольку их государство не вовлечено в войну»¹⁶¹. Государства, которые декларируют нейтралитет, признают, что они отказываются от какой бы то ни было поддержки любой из сторон, участвующих в конфликте. И если это условие действительно исполняется, то они обладают полным правом на безопасность и защищённость от ударов. Нарушение нейтралитета признаётся в политике серьёзным преступлением, ничем неприкрытой агрессией: «когда армии переходят границу государства, которое однозначно заявило и своём нейтралитете, для нас не составит труда распознать в таком движении преступное действие»¹⁶². Убийство граждан нейтрального государства, будь то мирное население или представители вооружённых сил, означает нарушение военной конвенции.

И всё же неприкосновенность, гарантированная нейтралитетом, по мнению Уолцера, может быть нарушена. Нарушение это допустимо, конечно же, исключительно в том случае, когда имеет под собой доброе намерение и справедливую причину: «ради спасения государства и отражения агрессии; или в большей степени, во имя цивилизации, в том виде, в каком мы её знаем, или ради мира и свободы во всём мире»¹⁶³. После принятия этого допущения, как нам представляется, стройная и рациональная теория М. Уолцера

¹⁶¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 234.

¹⁶² Ibid. P. 239.

¹⁶³ Ibid. P. 239.

рассыпается. М. Уолцер предоставляет лазейку всякому политическому режиму объявить себя сражающимся за благо всего мира. Так, и Германия дважды в XX в. оккупировала ряд государств, заявлявших о своём нейтралитете, в полной уверенности, что такие действия справедливы и необходимы ради блага человечества, пусть и не всего, но лучшей его части.

Однако существуют те самые исключительные случаи, чрезвычайные обстоятельства, когда нападение на нейтральное государство, сопровождающееся убийствами невинных людей, оказывается справедливым, согласно логике Уолцера, который для подкрепления своей позиции ссылается на Черчилля. Во время Второй мировой войны британский премьер-министр пренебрёг нейтралитетом Норвегии и отдал приказ по минированию её территориальных вод¹⁶⁴. Поражение государств, борющихся с режимами, подобными гитлеровскому, приведёт к гораздо более значительным последствиям, нежели нарушение нейтралитета одного из маленьких государств. «Требования закона не должны в чрезвычайных обстоятельствах ограничивать тех, кому предписывается защищать и поддерживать их [малые государства]»¹⁶⁵. Во имя очевидно большего добра право войны может быть на время забыто. Когда положение дел оказывается критическим, можно отставить в сторону положения военной конвенции и обратиться к утилитаристским исчислениям.

Развивая идею чрезвычайных обстоятельств, М. Уолцер оказывается близким таким сторонникам утилитаризма правила, как

¹⁶⁴ Подробнее об этом см. Lunde H. Hitler's pre-emptive war: The Battle for Norway, 1940. Newbury: Casemate Publishers. 2009.

¹⁶⁵ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 245.

Ричард Брандт¹⁶⁶ или Бред Хукер¹⁶⁷. Оба этих автора отстаивают возможность отказа от правила, принятого ради максимизации полезности, ради самой полезности. Таким образом, утилитаризм правила в их трактовке не требует слепого следования этому правилу, особенно в тех случаях, когда его использование приведёт к определённым потерям и упущенным выгодам. Для М. Уолцера близость поражения и исключительная степень угрозы со стороны противника составляют необходимые условия, когда в угоду чрезвычайных обстоятельств мы можем отказаться от привычной для нас парадигмы войны. Над государством должна нависнуть угроза не просто потери территории или важных промышленных объектов, но опасность политической гибели, порабощения народа или даже его истребления. Ярчайшим примером такой угрозы для самой экзистенции западной цивилизации была мировая война с немецким национал-социализмом: «нацизм был наивысшей угрозой всему ценному в нашей жизни, идеология и практика господства столь жестокая, столь унижительная для тех, кто мог бы уцелеть, что последствия его окончательной победы буквально не поддавались бы оценке, это было бы безмерное зло»¹⁶⁸. Впрочем, иных примеров чрезвычайным обстоятельствам М. Уолцер и не приводит.

Но стоит отметить, что случай чрезвычайных обстоятельств представляет собой единственно допустимое условие, легитимирующее нарушение принципов *jus in bello*. Сослаться на исключительность ситуации можно только ввиду близкого

¹⁶⁶ Brandt R. *Ethical Theory: The Problems of Normative and Critical Ethics*. Prentice-Hall. 1959.

Brandt R. *Toward a credible form of utilitarianism*. 1963 // *Contemporary Utilitarianism* / Ed. Bayles M. D. New-York: Doubleday. 1968.

¹⁶⁷ Hooker B. *Ideal Code, Real World*. Oxford University Press, 2002.

¹⁶⁸ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 253.

поражения, означающего неминуемый распад государства. В случае же, когда дело движется к уверенной победе и мы желаем просто сохранить жизни наших солдат, М. Уолцер считает неприемлемым заниматься утилитарными вычислениями возможных выгод и пытаться обойти принятую военную конвенцию.

Ядерная эра ознаменовала переход мира в состояние постоянной полной боевой готовности и перманентной чрезвычайной ситуации. Ядерное оружие и прочие виды оружия массового поражения делает возможным единовременное убийство огромного числа людей, позволяет держать под прицелом целые города, населённые преимущественно некомбатантами. «Новый вид войны был зарождён в Хиросиме, и то, что мы увидели, стало первым проблеском его заката... Атомная война была смертью как таковой, не делающей различий и всеобщей»¹⁶⁹. Бомбовые удары, разрушившие Дрезден, Хиросиму и Нагасаки, стали ужасными примерами, возможности государства отказаться от военной конвенции, разумных и справедливых правил ведения войны. Ядерное оружие обозначило достижение человеком такого уровня в развитии вооружения и техники в целом, когда под угрозой уничтожения оказался весь мир и всё живое на Земле. И хотя в настоящее время ведущие державы перешли к политике сдерживания и ограничения развития и распространения ядерного оружия, нельзя сказать, что данная проблема полностью решена. Скорее, ядерное оружие используется, как тонко подмечает М. Уолцер, в качестве средства устрашения. Оружие, которое не приемлет военная этика, может быть использовано в качестве ответа на такой же несправедливый удар. Такая политика сдерживания кажется работающей, поскольку со

¹⁶⁹ Ibid. P. 269.

времен Второй мировой войны не было случаев применения ядерного оружия. Однако остаётся открытым вопрос, можно ли назвать подобного рода постоянную угрозу нравственно приемлемой? М. Уолцеру ответ на этот вопрос не кажется простым и однозначным. Государства, обладающие ядерным оружием, оказываются в ситуации, когда они готовы уничтожить миллионы невинных людей, держа их под прицелом своих бомб. Естественно, угроза уничтожения миллионов не имеет ничего общего с действительными массовыми убийствами, однако и такая ситуация вызывает значительные осложнения в вопросах нравственности. М. Уолцер ссылается на П. Рамси, который считает такую постоянную угрозу недопустимым средством. И хотя Уолцер не разделяет всецело крайнюю позицию Рамси и критикует его знаменитую сентенцию о сдерживании, которое уподобляется размещению на бампере машин младенцев для предотвращения аварий¹⁷⁰, по отношению к силовому устрашению Уолцер также настроен решительно: «если сделать что-то будет несправедливо, то и угроза сделать это также будет несправедливой... Если применение оружия можно назвать зверским, то и политика сдерживания такими средствами устрашения будет убийственной»¹⁷¹.

Однако зачастую такая политика сдерживания через устрашение оказывается единственным доступным средством помимо войны. К такому неутешительному выводу приходит М. Уолцер, замечая, что невозможно противопоставить что-то врагу, который намеревается нанести по твоей территории бомбовый удар. В такой ситуации, по его мнению, не остаётся ничего, кроме как обратиться к устрашению, угрозе симметричного ответа в качестве меры сдерживания. Политику

¹⁷⁰ Ramsey P. *The Just War: Force and Political Responsibility*. Rowman & Littlefield. 2002 / Reprint New York, Scribner, 1968. P. 171.

¹⁷¹ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 272.

устрашения нельзя признать справедливой и нравственно приемлемой, однако коль скоро весь мир находится в состоянии перманентных чрезвычайных обстоятельств, то обращение к этому методу становится наиболее надёжным способом защититься от уничтожения в мире «независимых государств, относящихся друг к другу с недоверием»¹⁷². Принять моральную допустимость использования устрашения в качестве меры сдерживания, особенно когда речь идёт об устрашении ядерным оружием, пусть его применение и в какой-то мере ограничено, невозможно даже для сторонников утилитаризма. Подобное средство Г. Сиджвик вряд ли смог бы назвать пропорциональным, в системе М. Уолцера также не находится места таким средствам, однако М. Уолцер вынужден с пессимизмом признать, что на данном этапе развития международных отношений подобная ситуация неизбежна.

Особое место в теории справедливой войны М. Уолцера отведено проблеме моральной ответственности солдат за свои действия на войне. Как уже говорилось, солдаты каждой из сторон, участвующих в конфликте невинны с точки зрения *jus ad bellum*. Принцип должного авторитета исключает их из принятия решения относительно начала войны. Однако за действия *in bello* ответственность ложится на солдат в полной мере, то, как они ведут борьбу, подвергается оценке с точки зрения этики. Подобный анализ возможен, исходя из установок утилитаризма правила, позволяющего к вооружённому конфликту применить жёсткие нормы. Несмотря на то, что военнослужащий подвергается постоянному риску, стремление к самосохранению не может быть названо допустимой причиной нарушения правил войны.

¹⁷² Ibid. P. 274.

Доктрина чрезвычайных обстоятельств не применяется на личном уровне. Несмотря на то, что отдельные государства могут обращаться к этому правилу, нарушая военную конвенцию, в отношении солдат это недопустимо. Солдаты, поскольку именно от них исходит опасность по отношению к противнику и к мирным людям, находящимся на стороне врага, обладают абсолютной обязанностью заботиться о поисках способа минимизации вреда, который может быть причинён невинным.

Естественно, такие ситуации невозможно полностью исключить. Речь может идти, как о случаях, когда в горячке боя становится невозможным проводить точную идентификацию и различение комбатантов и некомбатантов, после чего битва превращается в бойню. Непосредственно во время боя, по мнению М. Уолцера, солдат освобождается от необходимости проводить указанное различение. Однако после прекращения перестрелки солдат, несмотря на собственное психологическое состояние, обязан остановить убийство, минимизируя возможные потери среди мирного населения.

Примечательно рассуждение М. Уолцера о моральной ответственности главнокомандующих. Даже в случае чрезвычайных обстоятельств, несмотря на то, что исключительные действия, к примеру, бомбардировка Дрездена, кажутся необходимыми в данный момент, военное руководство будет нести ответственность за отступление от следования военной конвенции. Развивая пример с Дрезденом, М. Уолцер указывает на командующего британской стратегической авиации Артура Харриса, апологета стратегических бомбардировок, который не получил причитающихся наград после окончания Второй мировой войны. Действия, дискриминирующие мораль, пусть и совершённые в чрезвычайных обстоятельствах,

остаются внеморальными. И те, кто отдает приказ об их исполнении, остаются виновными и несут полную ответственность за принятие подобного решения. Здесь в полной мере проявляется и разница между военным руководством и политическим лидером, ответственность которого за проведение военных операций, как правило, меньше, хотя именно он вынуждает главнокомандующих совершать операции, за которые впоследствии их могут осудить.

Ситуация чрезвычайных обстоятельств вынуждает нас совершать действия, которые одновременно правильны, поскольку необходимы, и неправильны в силу своей моральной неприемлемости и нарушения права. Как говорит сам М. Уолцер «в чрезвычайных обстоятельствах наши суждения раздвоены, что отражает дуалистичный характер теории войны и серьезные сложности, с которыми сталкивается наш нравственный реализм»¹⁷³. Военная конвенция в первую очередь нацелена на то, чтобы ограничить действия военного командования и солдат во время боевых действий. И в этом контексте право, а значит, и утилитаризм правила, имеют решающее значение, по мнению М. Уолцера.

Первичным правом некомбатантов является безопасность, право на то, чтобы не претерпевать страдания, связанные с войной. Нарушение этого права будет означать нарушение базовых правил теории справедливой войны. Однако М. Уолцер оговаривается, что существуют ситуации чрезвычайных обстоятельств, в которых необходимость обращения к утилитарным исчислениям, связанным с утилитаризмом действия, также становится крайне важным нравственным принципом. Это единственный случай, когда можно

¹⁷³ Ibid. P. 326.

законно нарушить военную конвенцию; в том числе, допустимой становится и атака на некомбатантов.

М. Уолцер, таким образом, признаёт, что определённые действия следует считать в равной мере правильными и ошибочными, приемлемыми и незапрещёнными. Однако, как представляется, этот аргумент М. Уолцера нельзя назвать в полной мере справедливым.

По мнению американского философа, нападение на мирных граждан, пусть и оправданное выполнением условия чрезвычайных обстоятельств, в любом случае должно происходить с неким ограничением, переживанием со стороны атакующих. Это соответствует идее о недопустимости самой мысли о подобной атаке на гражданское население. Даже если мы вынуждены участвовать в подобных атаках, они по своей сути всё равно останутся ужасными, нравственно неприемлемыми. Право людей, подвергшихся такому нападению, оказывается нарушенным, несмотря на то, что исключительные обстоятельства вынуждают провести военную операцию. М. Уолцер настаивает на том, что мы должны осуждать подобные случаи, а участники таких акций испытывать раскаяние. То есть уникальность этики чрезвычайных обстоятельств заключается как раз в том, что, с одной стороны, в силу крайней необходимости возможным становится нарушение военной конвенции, но, с другой стороны, нельзя говорить о полном освобождении от ответственности.

Аргумент М. Уолцера состоит из трёх частей. Во-первых, он говорит о правах, которые имеют принципиальное значение для формирования этических взглядов непосредственных участников вооружённого столкновения. Во-вторых, определённые исключительные случаи делают утилитаризм единственно возможной нравственной позицией. В-третьих, чрезвычайные обстоятельства не

означают, что своё значение теряет право. Права, таким образом, всегда остаются для М. Уолцера важнейшей составляющей этики, поэтому и в чрезвычайных обстоятельствах, когда утилитаризм оказывается столь существенным, значимость права остаётся неизменной.

При таком последовательном постулировании первичности права, М. Уолцеру всё же приходится указать на случаи, когда мы под влиянием обстоятельств, в которых оказались, соглашаемся на утилитаристские рассуждения о наиболее полезном. Утилитаризм такого рода, по мнению Уолцера, не может предоставить нам нравственно допустимых решений. И подобный ход явно представляется методологически спорным. Возникают ситуации, когда мы вынуждены поступать безнравственно, наши действия должны быть оценены как несправедливые, но неизбежно необходимые. Однако если мы говорим, что действие неприемлемо для нас, то мы постараемся не совершать его, в то время как М. Уолцер заявляет об одновременной правильности и неправильности совершения подобных действий. Это логическое противоречие, с одной стороны, позволяет М. Уолцеру объяснить случаи предельного обострения жестокости международных отношений, однако, с другой, может служить способом оправдания свои действий, в том числе и преступных. Проблемным остаётся вопрос о том, кто и как определяет наступление чрезвычайных обстоятельств, а самое главное, момент их окончания. Резкий переход от этики права к этике утилитаризма также осложняет принятие позиции М. Уолцера. Сам М. Уолцер пытается сгладить этот момент, заявляя, что и в исключительных ситуациях человек должен держать в уме незыблемость права. Однако вызывает большие сомнения, сможет ли человек, совершивший переход от

осознания значимости права к исчислениям полезности, совершить обратный переход, фактически отказавшись от ситуации вседозволенности.

После окончания Вьетнамской войны Уолцер буквально вернул к жизни теорию справедливой войны, основное положение которой заключалось в необходимости согласовывать с нравственным принципом справедливости процесс вступления в войну и способ действия во время войны. Эта концепция стала со временем доминирующей доктриной западной политической философии, однако не превратилась в неподвижную систему, развиваясь и трансформируясь на протяжении последующих десятилетий.

Триумф теории справедливой войны как критической концепции, по мнению Уолцера, способствовал развитию международных отношений на основе принципов, более соотносящихся с ценностями демократии и либерализма, нежели предложенная реалистами свободная от этики идея национального интереса. Однако популярность теории справедливой войны, всеобщий интерес к ней, активное и буквально обязательное обращение к её принципам как политиками, так и военным руководством, приводит к развитию ряда пороков, которые грозят поразить саму теорию.

К таким проблемным моментам следует отнести в первую очередь релятивизацию справедливости¹⁷⁴. Поскольку удовлетворение принципам концепция *bellum justum* многими воспринимается как действительно необходимое условие начала войны, оправдание своим насильственным методам решения конфликтов стремится найти каждая сторона, в том числе и повстанцы, и террористы. Каждый заявляет претензию на оправданность собственной жестокости и

¹⁷⁴ Walzer M. *Arguing about War*. P. 12-14.

указывает на факты, объясняющие справедливость развязанной войны.

Кроме того, неизбежно снижается и степень критичности оценки действий правительств тех или иных государств. Так, Уолцер предупреждает об опасности присвоения ярлыков вечной справедливости ведущим западным державам. Задача теоретиков справедливой войны независимо оценивать каждую конкретную войну и не поддаваться на искушение объявить США a priori справедливым участником международных отношений, поскольку в последнее время они вели обоснованные войны в Персидском заливе и Афганистане¹⁷⁵.

Для того, чтобы оставаться работающей и живой теорией, концепция справедливой войны должна меняться и периодически обновляться, реагируя на реалии каждой эпохи. Стоит отметить, что на необходимость внесения изменений в теорию справедливой войны для поддержания степени ее актуальности указал и сам Уолцер: «текущие разногласия, равно как и быстрые темпы политических изменений, время от времени требует ревизии теории».¹⁷⁶ В одном из последних сборников своих работ – «Споря о войне» – Уолцер замечает, что, несмотря на то, что со времен публикации «Справедливые и несправедливые войны», его суждения оставались в достаточной мере последовательными, имела место эволюция во взглядах и аргументации. Вероятно, именно эта идея подвижности взглядов и отказ от догматичности позволяет концепции справедливой войны на протяжении трех с лишним десятилетий оставаться востребованной не только философами, но и политиками.

¹⁷⁵ Ibid. P. 15.

¹⁷⁶ Ibid. P. xii

В-первую очередь, обратившись к анализу массовых убийств и этнических чисток на Балканах и в ряде стран Африки и Юго-Восточной Азии, Уолцер приходит к выводу о необходимости в рамках миротворческой деятельности международного сообщества как можно решительнее использовать военную интервенцию. Гуманитарная интервенция оправдывается тем, что война ведется ради изменения «режима, который ответственен за негуманность»¹⁷⁷. Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от ограничений, накладываемых на военную интервенцию как метод политического действия, но само обращение к ней в качестве возможного метода кажется теперь Уолцеру вполне допустимым методом.

Кризис традиционного государства и появление новых политических форм, сходных по смыслу с тем, что обозначают понятием «бастардного феодализма», когда борьбу за власть ведут вооруженные группировки, заставляют Уолцера высказываться также и в пользу долгосрочной военной оккупации. Естественно, это оккупация, соотнесенная с понятием справедливости, которое требует после войны установления режима протектората и попечительства, а также обеспечения условий для национального строительства.

Уолцер развивает и разработанное в «Справедливые и несправедливые войны» понятие «supreme emergency». В чрезвычайных обстоятельствах, по мнению Уолцера, возможным становится исключительное действие по отношению к врагу: «не только агрессивные войны, которые вел нацистский режим, но также проводимая им политика геноцида привела к легализации требований, во-первых, безоговорочной капитуляции и, во-вторых, политической

¹⁷⁷ Ibid. P. 19

реконструкции»¹⁷⁸. Борьба с «непомерно великим злом» должна закончиться не только военным поражением противника (капитуляцией), но и его политическим уничтожением: изменением его государственной структуры (политической реконструкцией). Возможно, это неморальный способ действия, однако на него приходится соглашаться, поскольку альтернативный вариант представляется еще большим злом. Как пишет Уолцер: «Мирный договор, подписанный в результате переговоров с Гитлером или его сторонниками, был нравственно невозможным итогом Второй мировой войны»¹⁷⁹. К традиционным критериям *jus ad bellum* с некоторыми оговорками и ограничениями добавляется и смена режима.

Кроме того, Уолцер особенно указывает на необходимость разработки помимо принципов *jus ad bellum*, которые определяют возможность начать войну, и *jus in bello*, регулирующих поведение во время войны, критериев *jus post bellum*, которые отвечают за послевоенное устройство и взаимоотношения государств. Работа «Справедливые и несправедливые войны» содержала ряд замечаний, касающихся права *jus post bellum*, однако замечания эти не были в достаточной мере проработанными. По словам самого Уолцера этот раздел политической философии требует особого внимания в настоящее время, поскольку жизненно необходимо утвердить критерии существования в новом послевоенном мире.

В упоминавшейся ранее статье «Смена режима и справедливая война» Уолцер выдвигает крайне важную и оригинальную идею переосмысления всей концепции *bellum justum*, предлагая не ограничивать трансформацию теории справедливой войны созданием принципов *jus post bellum* или развитием идеи смены режима. Уолцер

¹⁷⁸ Walzer M. Regime Change and Just War.

¹⁷⁹ Ibid.

предлагает совершенно новым образом подойти к проблеме войны и мира, полагая, что «аргумент о jus ad bellum должен быть расширен до jus ad vim»¹⁸⁰. Фактически Уолцер указывает на необходимость разработки теории справедливого и несправедливого использования силы, которая включала бы в себя и теорию справедливой войны, однако рассматривала иные возможные средства политического использования средств, отличных от войны. В качестве примера таких способов политического давления, отличных от войны, приводится ситуация сдерживания режима Саддама Хусейна в 1991-2003 г.г. Сдерживание как невоенная мера применения силы не сможет сделать несправедливый режим справедливым, но оно превратит его в относительно безопасный режим. Превентивным войнам нет места в теории справедливой войны, однако Уолцер выдвигает идею превентивных действий.

Обновленная таким образом теория войны, более гибкая и объективная с точки зрения принятия решений, нежели стандартная концепция справедливой войны, и должна обеспечить возможность мирного и гуманного решения конфликтов. Без корректировки такого рода теория Уолцера будет служить формальным способом легитимации войны. «Если мы обратимся к силовому сдерживанию жестоких режимов, к коллективной безопасности, мы обнаружим, что способны достичь справедливости без всех этих разрушительных ужасов войны»¹⁸¹, а в этом и заключается согласно Уолцеру цель теории справедливой войны.

§ 3. Две теории справедливой войны Н. Фоушина

¹⁸⁰ Право на применение силы.

¹⁸¹ Walzer M. Regime Change and Just War.

Н. Фоушин – профессор философии университета Эмори, США, специалист по военной и медицинской этике и философии языка. Автор ряда работ по проблемам философского осмысления феномена войны: «Нравственный долг и вооружённые силы»¹⁸², «Военная этика. Взгляд на будущее»¹⁸³, «Терроризм. Новый мировой беспорядок»¹⁸⁴ (в соавторстве). Одной из последних крупных его работ стала «Война и этика: новая теория справедливой войны»¹⁸⁵, опубликованных в 2007 г. Этот труд представляет для нас наибольший интерес, поскольку позволяет одновременно получить представление об общем подходе Н. Фоушина к теории справедливой войны и содержит оригинальную попытку трансформировать её, вписав в контекст современных международных отношений. Н. Фоушин обращается в этой работе к исследованию состояния теории справедливой войны и предлагает проект её обновления за счёт создания в рамках общего контекста концепции *bellum justum*, занятой, рассмотрением всех нетрадиционных, асимметричных войн. Н. Фоушин развивает идею двух теорий справедливой войны: одной, работающей для классической войны, и второй, описывающей неклассические конфликты и представляющей, вероятно, наиболее сложный случай.

Подход Н. Фоушина к теории справедливой войны отличается именно этим стремлением обосновать её релевантность через апелляцию к базовым принципам этики и нормативным предписаниям, а также исключениям из этих правил. Н. Фоушин отстаивает необходимость именно этического, философского подхода к теории войны, защищая такой подход от альтернативных ему

¹⁸² Fotion N. *Moral Obligation & the Military*. National Defense University Press, 1988.

¹⁸³ Fotion N. *Military Ethics: Looking Toward the Future*. Hoover Inst Pr, 1991.

¹⁸⁴ Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. *Terrorism. The New World Disorder*. New York: Continuum, 2008.

¹⁸⁵ Fotion N. *War and Ethics: A New Just War Theory*.

попыток создать утилитарную, экономически выверенную международно-правовую концепцию. Н. Фоушин указывает на то, что военная этика должна пониматься как часть исторически сложившейся традиции, позволяющей военным принимать то или иное решение. В основе подхода Н. Фоушина к теории справедливой войны лежит идея существования ряда этических принципов, которые обладают универсальным статусом. Смысл этих принципов не вызывает сомнения, несмотря на то, что способ их непосредственной реализации может не совпадать в разных культурах. В практическом же приложении этих этических установок к проблеме войны, вопрос об их происхождении и способе их доказательства обладает второстепенным значением.

Речь идёт о тех законах, которые известны всякому человеку с самого детства. Среди норм, обладающих универсальным статусом, выделяются такие принципы, как «не убий», «не причиняй вреда другому и себе» и «не бери чужого»¹⁸⁶. Наиболее значима, безусловно, первая максима. При этом Н. Фоушин настаивает на том, что указанные этические постулаты могут пониматься двумя различными способами. Первый предлагает судить о них как об абсолютных универсальных принципах, «считающихся истинными в любом обществе... и не предполагающих исключений»¹⁸⁷. Таков подход сторонников пацифистской позиции к принципу «никогда и ни при каких обстоятельствах не убивай других». Согласно их логике это абсолютное правило морали делает всякое убийство, а значит, и любую войну, преступной, нравственно неприемлемой и

¹⁸⁶ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 1. См. также Fotion N. Two Theories of Just War. Philosophia. Springer Science + Business Media B.V., 2006. P. 53.

¹⁸⁷ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 2.

несправедливой. Практический смысл этого принципа для пацифистов состоит в запрещении войны как таковой.

Естественно, подобный абсолютистский подход, как и всякий радикальный идеализм, сопряжён с множеством сложностей, связанных с исполнением нравственных предписаний. Вполне возможны ситуации, когда необходимость исполнить один моральный закон окажется затруднительной ввиду запрещающего действия другого закона. Так, Фоушин приводит пример доктора, исповедующего принцип ненасилия, который не может облегчить страданий медленно умирающего пациента с помощью эвтаназии. Наибольшее чего можно добиться в рамках абсолютистского подхода – это придание абсолютного статуса какому-то одному положению. Все прочие должны содержать возможность быть пересмотренными и отменёнными.

Второй, более гибкий подход к использованию этических принципов, состоит в признании того, что ни один из них не имеет абсолютного значения. И хотя в большинстве ситуаций должно пользоваться ими, эти нормы имеют лишь гипотетический (*presumptive*) характер. В рассуждениях о такой гипотетической этике Фоушин ссылается на работу шотландского историка философии и специалиста по этике Уильяма Дэвида Росса «Право и добро»¹⁸⁸, которая вышла в свет в 1930 г. Росс вводит понятие «обязанности *prima facie*» или «конвенциональной обязанности», зависящей от контекста, в который попал человек. Употребляя понятие обязанности в кантианском его смысле, Росс поясняется, что «обязанность *prima facie*», в общем-то, «является не обязанностью как таковой, но чем-то

¹⁸⁸ Ross W. D. *The Right and the Good*. – Oxford: Clarendon Press, 1930.

связанным с обязанностью особым образом»¹⁸⁹. Обязанность *prima facie* описывает состояние первоначального столкновения субъекта и ситуации, в которую он попал; обозначает то, как субъект воспринимает эту ситуацию. При этом восприятие субъектом обстоятельств может со временем оказаться ошибочным и поменяться. Для теории Н. Фоушина оказывается важным существование в этике принципов такого рода. В повседневной жизни следует ориентироваться на законы абсолютистской этики. Однако нередко возникают ситуации, когда просто необходимо забыть или временно отказаться от этих ключевых положений. Ни один из нравственных принципов при таком подходе не занимает доминирующего положения, и от каждого из них можно отказаться в нужный момент.

Ситуация исключений, нарушений правил не воспринимается Н. Фоушином в качестве свидетельства недостаточности, слабости теории. Наоборот, исключения допустимы и необходимы, но только, действительно, в единичных, крайних случаях, иначе же нельзя говорить о существовании свода нравственных законов. Без исключительной необходимости не следует подвергать руководящие правила сомнению и нарушать их. Однако в случае с войной отход от принципа ненасилия будут иметь влияние на сотни тысяч человек, если не на миллионы, поэтому цель, ради которой нарушается мирное состояние, должна быть, на самом деле, стоящей того. Однако одного такого благого намерения, легитимирующего нарушения норм этики, недостаточно. Фоушин предлагает рассмотреть ряд положений, исполнение требований которых, позволить считать обращение к исключению из правил справедливым и обоснованным. Необходимо

¹⁸⁹ Ibid. P. 19.

проверить возможность применения всех ненасильственных средств взаимодействия для решения конфликта. Далее следует убедиться в вероятности успешного окончания войны, поскольку обладая только благим намерением, но, не имея возможности достижения цели, нельзя обращаться к насилию и начинать войну: «если государство собирается вступить в безнадежную войну, в ходе которой оно столкнется со значительно превосходящими силами, ему следует просто поднять руки и сдаться»¹⁹⁰.

Н. Фоушин указывает, и мы согласимся с ним, что в настоящее время наблюдается отсутствие монолитности в том, что называют теорией справедливой войны. Теория справедливой войны может использоваться в качестве родового имени¹⁹¹ для ряда нормативных концепций войны, которых объединяют под таким именем в силу изначального принципиального согласия автора этих концепций с возможностью приложения этики к войне и убежденности в необходимости ограничения конфликтов принципами *jus ad bellum* и *jus in bello*.

Если рассматривать эти родовые признаки теории справедливой войны, то следует начать с основных общепринятых принципов. Критерии, оправдывающие нарушение базовых этических положений, о которых говорилось ранее, составляют ядро принципов *jus ad bellum*, которые отвечают за оценку возможности вступления в войну на законных основаниях. Эти критерии должны послужить своего рода барьером на пути государства к войне, и только после удовлетворения каждого из них, можно будет говорить о

¹⁹⁰ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 8.

¹⁹¹ Ibid. P. 10.

справедливости участия в вооружённом конфликте. Н. Фоушин выделяет шесть принципов *jus ad bellum*¹⁹².

Принцип правого дела (*just cause principle*) «должен больше, чем просто свидетельствовать в пользу того, что у нас есть веская причина – и на самом деле очень веская причина – для того, чтобы вступить в войну»¹⁹³. Вне всякого сомнения, государство, которое подверглось атаке, обладает такой веской причиной. То есть случай оборонительной войны позволяет получить о значении принципа правого дела. Фоушин определяет утилитаристскую составляющую этого принципа следующим образом. Государство, на которое напали, вероятно, понесёт значительно больший урон, если откажется от сопротивления. Как правило, капитуляция без борьбы приведёт к несоизмеримо большим потерям, нежели борьба. А значит, ответный удар, более выгоден, и поэтому, справедлив.

Н. Фоушин видит в таком подходе не столько даже утилитарный подход к этике войны, сколько применение теории справедливости сродни той, что представлена в концепции Дж. Ролза. Ценность человеческой свободы заставляет людей сопротивляться угрозе утраты этого права на независимость действий.

Однако принцип правого дела не ограничивается исключительно случаем оборонительной войны. Справедливой может считать война в качестве поддержки союзника, который уже вовлечён в конфликт. Законность такого рода войны, как правило не вызывает споров. Правым делом может быть и война, связанная с гуманитарной интервенцией. Однозначность апелляции к этому принципу уже менее очевидна. Однако, по мнению Фоушина и гуманитарная интервенция может быть признана абсолютно справедливым аргументом в пользу

¹⁹² Fotion N. Two theories of just war.

¹⁹³ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 10.

оправдания войны, даже не смотря на то, что государство, прибегающее к ней фактически ведёт себя, как агрессор. Во-первых, гуманитарная интервенция не может считаться классической войной как таковой, поскольку ведётся не с народом, а с правительством, которое фактически утратило контроль над страной и перестало выполнять свою функцию. Во-вторых, утилитаристские вычисления опять-таки свидетельствуют в пользу меньшего вреда войны подобного рода по сравнению с бездействием и попустительством насильственного произвола.

Наиболее сложный случай правового дела представляет собой ситуация упреждающего удара (preemptive strike), что связано в первую очередь с апелляцией агрессора к довольно размытому предчувствию нападения в ближайшем будущем. Как замечается сам Фоушин, упреждающий удар поднимает ряд вопросов, решение которых и будет свидетельствовать в пользу справедливости или несправедливости конкретного случая. Необходимо прояснить весьма неоднозначное понятие «неизбежности войны в ближайшем будущем»¹⁹⁴, на которую ссылается государство в момент упреждающего удара. Вопрос времени в данном случае вызывает наибольшее осложнение, поскольку слишком раннее нападение будет означать превентивную войну, под которой понимается «удар с целью предотвратить атаку со стороны противника, ожидаемую в отдалённом будущем – через один, два года или пять лет»¹⁹⁵. Излишне поспешное нападение не будет легитимным, в то время как затянувшаяся отсрочка может привести к печальным последствиям.

Учитывая все возможные ситуации, Фоушин называет шесть случаев, согласующихся с принципом правового дела. Три из них

¹⁹⁴ Ibid. P. 12-13.

¹⁹⁵ Ibid. P. 13.

описывают самозащиту государства: ответ на объявление войны, ответ на начавшееся нападение и упреждающий удар. И три из них работают в случае нападения на другое государство: ответ на объявление войны союзнику, ответ на начавшееся нападение на союзника и гуманитарная интервенция. Как замечает Фоушин, попытка ограничить этот список и сделать теорию более жёсткой приводит её в состояние, когда она, лишённая гибкости, не может работать с многообразием политических ситуаций.

Вторым критерием, требование которого необходимо исполнить для признания войны справедливой, Фоушин называет принцип крайнего средства (last resort principle). В любом политическом конфликте до того, как дело дошло до столкновения армий на поле боя, должно испробовать все мирные пути к его урегулированию. К таким мерам можно отнести переговоры, применение экономических и политических санкций, выдвижение ультиматумов. Все средства, отличные от войны, должны быть задействованы. Именно этот принцип и объясняет невозможность принятия в рамках теории справедливой войны превентивных ударов. Слишком раннее нападение на противника, который в отдалённом будущем, возможно, планирует атаку, означает добровольный отказ от попыток мирного урегулирования назревающего конфликта.

Аргумент крайнего средства исходит из представления о войне как наихудшем способе взаимодействия между участниками политических отношений. В силу значительного количества издержек войны, она должна быть поставлена на последнее место в списке инструментов международной политики. Однако Фоушин указывает на необходимость более глубокого понимания принципа крайнего средства. Невозможно просто отнести его к области математики

войны, действительных калькуляций политических методов. По мнению Фоушина, его содержание состоит в том, что «государства должны избегать войны, пока она не окажется последним приемлемым средством» (*last reasonable resort*)¹⁹⁶. В силу неопределённости понятия «приемлемое средство» по отношению к войне, видимо, этот принцип должен получить следующую трактовку. Решение о войне, как крайне опасном и вредоносном явлении, никогда не должно приниматься в спешке, до того, как иные возможные средства не будут рассмотрены и опробованы.

Принципы пропорциональности или соразмерности (*proportionality principle*) и вероятности успеха (*likelihood of success principle*), напрямую зависящие от принципа правого дела, Н. Фоушин рассматривает как близкие по смыслу, что, впрочем, может иногда приводить к затруднению и к их смешиванию и подмене одного критерия другим. Принцип пропорциональности имеет более практическое содержание, связанное с «оценкой затрат и выгод, понесённых в ходе войны, при условии её успешного окончания»¹⁹⁷. Очевидно, что требования этого принципа заключаются в указании на необходимости превосходства пользы от кампании над потерями. В книге «Нравственные ограничения войны» Н. Фоушин пропорциональным средством называет войну, «когда относительно сильное государство подвергается нападению со стороны в равной степени сильного государства или когда очень сильное государство отвечает на нападение относительно сильного государства на слабого союзника»¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Ibid. P. 14.

¹⁹⁷ Ibid. P. 15.

¹⁹⁸ Фоушин Н. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 130.

Несмотря на то, что сам Фоушин отмечает ретроспективный характер концепции справедливой войны, то есть вынесение суждения об обоснованности военного конфликта принимается после его начала, в теории предполагается, что расчёт затрат и выгод должен производиться до объявления войны. И в случае невозможности получить больше, нежели потерять, от войны следует отказаться заранее.

В отличие от принципа пропорциональности принцип вероятности успеха оценивает не выгоды, которые могут быть получены в результате войны, а то, насколько успешной будет сама война. Трудность применения этого принципа связана с возможными разночтениями понятия успеха в ходе войны, который может в зависимости от обстоятельств заключаться в полном уничтожении армии противника или же просто в удержании его на границе. Н. Фоушин делает тонкое замечание относительно того, что и в устах одного политика риторика успешности может претерпевать изменения в ходе конфликта: «в начале войны... ничто кроме полной победы не требуется и не обещается. Но когда сама жизнь вносит свои коррективы и недостижимость абсолютной победы становится очевидной, требования к успешности значительно снижаются»¹⁹⁹.

Несмотря на то, что принцип вероятности успеха уже по своему масштабу принципа пропорциональности, поскольку рассматривает только возможность достижения успеха в ходе войны и не принимает во внимание цены победы, оба они сходны в трудности их применения. Ограниченность информации делает задачу точной оценки собственных сил и возможности минимизации потерь

¹⁹⁹ Ibid. P. 16.

практически невозможной²⁰⁰, что подтверждается многочисленными историческими примерами.

Четыре описанных выше принципа Фоушин называет процессуальными (procedural). Пятый принцип – добрых намерений (right intentions principle) – носит иной характер. Он определяет тот настрой, которым обладает государство, начинающее войну. И естественно, справедливая война не может исходить ни из агрессивных, ни из эксплуататорских позиций. Для того чтобы ответить на вопрос о том, какие же идеи могут свидетельствовать в пользу добрых намерений, Фоушин предлагает ввести разделение между мотивами и намерениями. Если мотивы определяются «побуждениями или энергией, которая вызывает определённые действия», то намерения связаны «с действиями, вызванными мотивами»²⁰¹. Добрые намерения, таким образом, это не какое-то чувство или переживание, но те обстоятельства, которые позволяют судить о войне как о справедливой. Рассуждение Фоушина о том, что добрые намерения не всегда легко определить и возможны ситуации, когда обе стороны претендуют на обоснованность нападения, заставляет отнести его к сторонникам не М. Уолцера, утверждавшего возможность только одной стороны обладать справедливостью, а классической позиции Де Витория и Суареса, которые выдвинули идею частичной справедливости каждого участника конфликта.

И наконец, шестой принцип – принцип легитимной власти (legitimate authority principle) – так же не является процессуальным, однако имеет непосредственное отношение к процедуре принятия решения о войне. Этот критерий содержит требование к порядку объявления войны. Принимать решение о том, следует или не следует

²⁰⁰ Фоушин Н. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 140.

²⁰¹ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 17.

государству вступать в войну, может только уполномоченное лицо, обладающее соответствующей властью. Любое другое лицо, пытающееся развязать войну, делает это незаконно. Война, развязанная отдельным генералом или местным правителем, не может быть справедливой. По мнению Н. Фоушина, единственным спорным вопросом в рамках принципа легитимной власти можно считать лишь вопрос о том, обладает ли Организация Объединённых Наций такими же полномочиями, как и правительства национальных государств или же нет. ООН создавалась для того, чтобы сдерживать агрессию отдельных государств, однако многие исследователи убеждены, что суверенитет государства значит всё ещё больше, чем власть ООН.

Совокупность критериев *jus ad bellum* необходима для работы в относительно кратковременном периоде принятия решения о том, стоит или нет вступить в войну и на каких условиях. Согласно Н. Фоушину только война, удовлетворяющая всем без исключения перечисленным критериям *jus ad bellum*, может считаться начатой справедливо. Его позиция в этом отношении характеризуется невозможностью существования в войне справедливости в определённой степени²⁰², когда ряд из критериев выполнен или каждый из них выполнен частично. Только строгое выполнение требования каждого из них будет свидетельствовать о справедливости войны, в противном случае войну нельзя будет назвать обоснованной.

Принципы *jus ad bellum* необходимы только на самом начальном этапе развития конфликта, до того, как армии начнут сражаться. Но поскольку война может оказаться довольно продолжительной, указанные выше критерии могут утратить свою силу под воздействием новых обстоятельств или просто с течением времени.

²⁰² Ibid. P. 19.

Именно поэтому принципы *jus ad bellum* должны быть дополнены принципами *jus in bello*, позволяющие судить о нормах поведения на войне, которая может считаться справедливой. Всего выделяется два таких принципа: пропорциональности и различия.

Принцип пропорциональности или соразмерности (*proportionality principle*) в контексте *jus in bello* не предназначен для исчисления выгод и затрат того или иного действия, но оценивает силы и средства, направленные на достижения целей конкретной кампании или операции. В VII главе работы «Нравственные ограничения войны» Н. Фоушин и в соавторстве с Ги ван Даммом, определяя принцип соразмерности, указывают на то, что он имеет непосредственное отношение к «общему расчёту баланса пользы и вреда, связанных с осуществлением в ходе войны какой-нибудь конкретной операции или акции»²⁰³.

Вводя этот принцип, Н. Фоушин особенно подчёркивает важность разделения применения чрезмерных (*excessive*) и превосходящих (*overwhelming*) сил. «Чрезмерные силы наносят значительно больше урон (как противнику, так и своим) в ходе сражения, чем это требуется»²⁰⁴. Применение чрезмерных средств запрещается принципом пропорциональности, в то время как использования превосходящих сил может быть вполне допустимым. Н. Фоушин подкрепляет эту идею своего рода утилитарным аргументом. Применение чрезмерных средств будет означать непомерные потери, как людские, так и экономические. Напротив, введение в бой превосходящих сил поможет сократить ненужные потери. Н. Фоушин считает поэтому, что достойное и справедливое поведение на войне будет связано с применением наименее

²⁰³ Фоушин Н. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 174.

²⁰⁴ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 21.

разрушительных средств после выбора наиболее успешной стратегии, хотя подобное поведение и нередко сопряжено с осложнениями, вызванными туманом войны. Но даже если эта стратегия не позволяет избежать применения чрезмерных средств, то лучшим решением станет отказ от атаки. Н. Фоушин обосновывает этот принцип, ссылаясь на принцип права и утилитарный аргумент. С одной стороны, в ходе неограниченной ничем войны права людей будут излишне нарушаться. С другой стороны, исходя из утилитаристских взглядов на неограниченный конфликт, такая война будет связана с гораздо большим объёмом насилия, по сравнению с тем количеством, которое, действительно, нужно для успешного завершения войны.

Наиболее важным для всей этики войны Н. Фоушин считает следующий принцип – принцип дискриминации или различия (*discrimination principle*). Основное его требование сводится к тому, что тот, кто «принимает участие в войне, должны проводить различие между легитимными и нелегитимными целями»²⁰⁵. К военным, а значит, легитимным целям можно отнести войска, заводы по производству амуниции и прочего военного имущества, линии снабжения и гражданское население, которое работает на армию. Всё прочее гражданское население и промышленность, производящая продукцию мирного потребления, не попадает в число легитимных целей.

По мнению Фоушина, одной из самых больших сложностей в теории справедливой войны остаётся нерешённость вопроса об исключениях. И особенно сильно эта сложность проявляет себя в контексте принципа различия. Этот принцип явно указывает на неприемлемость атаки на невинных, беззащитных людей. Но точного

²⁰⁵ Ibid.. P. 22.

определения невинности нет, и вопрос о выборе цели для нападения всегда будет решаться военными лидерами, исходя из их собственного представления о допустимой мере насилия по отношению к той или иной группе людей. Сами теоретики концепции справедливой войны не понимают принцип различия как закон, вводящий абсолютный запрет на нападение на мирное население. «Они утверждают, что принцип различия – всего лишь важный гипотетический принцип»²⁰⁶, требования которого не распространяются на ряд исключительных ситуаций. Впрочем, каждый из критериев *jus ad bellum* или *jus in bello* может быть рассмотрен с перспективы проблемы исключений, и в каждом случае к окончательному решению прийти будет затруднительно или невозможно совсем.

Н. Фоушин указывает на то, что провести однозначно и чётко такое разграничение легитимных и запрещённых целей возможно только на бумаге. Во-первых, ввиду сложности принятия решения в горячке боя. Во-вторых, нередки случаи двойного применения одних и тех же объектов. Всё это делает проведение границы, отделяющих тех, кто может быть подвержен атаке, и тех, на кого нельзя нападать, достаточно сложным делом.

Представленная в вышеописанном виде теория справедливой войны представляет, по словам самого Н. Фоушина, собой компиляцию всей традиции *bellum justum*. Изначально теория справедливой войны использовала вышеперечисленные критерии *jus ad bellum* и *jus in bello* для описания столкновений между одним государством и другим. Несмотря на то, что теория получила своё второе рождение уже в 60-70 г.г. XX в., после того, как уже

²⁰⁶ Ibid.. P. 92.

закончились антиколониальные восстания в Азии и Африке, в том числе наиболее крупный и известный конфликт – Индо-Китайская война, концепция всё ещё была ориентирована исключительно на анализ войн между двумя государствами и недостаточно хорошо работала для оценки столкновений с негосударственным субъектом. А в случае, когда речь идёт о применении критериев теории справедливой войны к конфликтам между государством и негосударственным субъектом, возникают сбои. Именно поэтому Н. Фоушин обращает особое внимание на случай асимметричной войны, когда «одна из сторон обладает значительным преимуществом в числе и/или технике над другой»²⁰⁷.

В этой связи Н. Фоушин делает довольно неутешительный вывод: теория справедливой войны в своей классической форме не очень хорошо подходит для работы с конфликтами XX века. Современные реалии международных отношений требуют от теории справедливой войны переосмысления или выработки новых критериев, которые отображали бы случаи участия в конфликте негосударственных субъектов (Non-state actors). Проблема с классической трактовкой теории справедливой войны возникает, по мнению Фоушина, и ввиду недостаточной проработанности формулировок принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. Их моральная и практическая составляющие явно ослабли. То есть сама суть этих принципов вызывает нарекания²⁰⁸. Что же касается случая столкновения с негосударственным субъектом, то смысл критериев *bellum justum* теряется совершенно. Так, к примеру, принцип легитимной власти, очевидно, не может быть применён к асимметричному конфликту. Хотя мы упомянули ранее, что

²⁰⁷ Ibid. P. 83.

²⁰⁸ Fotion N. Two theories of just war. P. 57.

некоторые теоретики справедливой войны, такие как М. Уолцер, считают возможным получение негосударственным участником международных отношений легитимного статуса через постоянное значительное одобрение со стороны мирного населения, такой субъект всё же вступает в войну нелегитимным образом или, во всяком случае, не совсем легитимным образом. Соответственно, аргументация, которую можно назвать релевантной для оценки межгосударственных войн, не выдерживает критики при анализе войн с террористами или партизанами.

Роль негосударственных субъектов в вооружённых конфликтах неизменно росла на всём протяжении прошедшего столетия. Понятия классической науки о государстве, той науки, которая развивалась в первую очередь мыслителями-реалистами и предполагала господство и монополию государств на насилие, а также взгляд на политику как столкновение национальных интересов, ответственность за которые несут исключительно легитимные правительства, можно считать устаревшими.

Вторая половина XX в. была сопряжена с уходом в прошлое золотой эры классического, нововременного государства, что было обусловлено появлением реальной угрозы атаки и нарушения международного порядка со стороны иррегулярных сил. Появилась сила, соперничающая с государством, и с каждым годом это становится всё более и более актуальным. Смело можно говорить о трансформации войны, приобретения ей нового смысла. Примеры военного конфликта России в Чечне, операции США в Афганистане и Ираке, недавние события в Мали отчётливо демонстрируют характер современной войны. Борьба ведётся не против государств или народов, но против негосударственных субъектов: будь то «Аль-

Каида», «Ансар-ад-Дин» или «Талибан». Довольно запутанная с точки зрения международного права ситуация сложилась на Ближнем Востоке. Такие организации, как Хесбалла или Хамас, с одной стороны, признаны в Ливане или Ираке, но не имеют государственного статуса, хотя и вступают в военные конфликты с Израилем. Такие негосударственные организации зачастую получают народную поддержку, поскольку ведут борьбу за конкретные ценности, исходя из собственной идеологии, и не вовлечены в подковёрные прагматистские коллизии большой политики.

Кроме того, всё чаще сами государства обращаются за помощью к иррегулярным силам, в первую очередь таким как частные военные компании. Так, согласно отчёту, подготовленному специалистами Исследовательского центра Конгресса «Контрактники Министерства обороны в Афганистане и Ираке: общие данные и анализ»²⁰⁹, на всём протяжении 2000-х доля частных военных компаний среди всех войск, принимавших участие в операциях Соединённых Штатов в Ираке и Афганистане колебалась в пределах от 10 до 20%. Получается, что почти пятую часть группировки военнослужащих составляли лица, которые не являются солдатами в классическом смысле этого слова. Мы становимся свидетелями ситуации, когда государство не только сталкивается с негосударственными субъектами, но и передаёт право на ведение войны с ними подобным силам. Частота и масштаб использования сил подобного рода – ещё один признак меняющегося мира политики нашего времени.

Задача политической философии очевидна. Она состоит в разработке такой теории военной этики, которая учитывала бы все

²⁰⁹ Schwartz M., Swain J. Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Congressional Research Service. 2011. URL <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf>

реалии современности и описала бы нормы, применяемые при столкновении с организациями, подобными государству, но не являющимися таковыми. Возникла необходимость в новой теории *bellum justum*, сама природа которой должна быть иной. В противном случае от теории справедливой войны придётся отказаться за ненадобностью. Н. Фоушин предлагает избежать такого радикального шага, разработав, как он это называет, «вторую теорию справедливой войны»²¹⁰ (*second just war theory*), которая всецело была бы подчинена задаче рассмотрения вооружённых столкновений, в которых участвуют негосударственные субъекты. Фоушин, таким образом, предпринимает попытку реализовать смелый, но, очевидно, необходимый проект обновления классической теории справедливой войны. Н. Фоушин предлагает проект разработки двух концепций, которые не существовали бы независимо, но сохранили взаимосвязь в рамках одной общей традиции в качестве классической теории справедливой войны и иррегулярной теории справедливой войны²¹¹.

Фоушин берётся за переосмысление теории справедливой войны по ряду причин. Его проект обновления концепции, во-первых, должен сделать теорию справедливой войны более гибкой и практически полезной, что поможет защитить её от нападков критиков. Обращаясь к историческим примерам, Фоушин демонстрирует, что не во всех случаях теория справедливой войны может безошибочно работать, предоставляя верные политические решения. Её метод американский философ предлагает отточить путём расширения списка критериев *jus ad bellum* и *jus in bello*. Во-вторых, изменившаяся политика, система межгосударственных отношений заставляет его внести преобразования, если не в само ядро теории, то в её

²¹⁰ Fotion N. Two theories of just war. P. 53.

²¹¹ Ibid. P. 57.

инструментарий и методологическую составляющую. Война из конфликта между двумя или более государствами превратилась в борьбу негосударственных групп: повстанцев, мятежников и террористов. Н. Фоушин утверждает, что эти изменения в области политического ставят вопрос о переработке теории справедливой войны, о поисках новых направлений её развития и приложения. Однако помимо прочего, Фоушина беспокоит вопрос о том, останется ли теория справедливой войны всё той же концепцией, основополагающие принципы которой были разработаны классическими авторами, или же она изменится настолько, что перестанет существовать в своём привычном виде. И решение, которое предлагает Фоушин, обуславливается именно стремлением внести изменения в теорию, но сделать их менее значительными, желанием сохранить её как действующую философскую концепцию, поддерживающую связь с традицией.

Фоушин видит два пути внесения изменений в теорию справедливой войны. С одной стороны, это можно сделать, дополнив формулировки принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* необходимыми уточнениями и расширив её ссылками на особые условия. Но такой подход кажется американскому философу излишне сложным. Теория превратится в неудобный, перегруженный аппарат, применять который, да и просто воспринимать как нечто целостное, станет невероятно трудно. Кроме того, в случае модификации теории за счёт включения в одну общую концепцию правил для оценки как межгосударственных, так и асимметричных войн, мы получим теорию, в которой различия между этими конфликтами окажутся размытыми.

Проект Н. Фоушина состоит в доработке теории путём адаптации её к запросам современной политики. Для начала, чтобы избежать путаницы между указанными видами столкновений, Н. Фоушин предлагает обратиться к введению различных понятий для их обозначения: в случае межгосударственного конфликта говорить о войне, в случае конфликта с негосударственным субъектом – о борьбе. Впрочем, и термин «борьба» не кажется ему удобным для описания столкновений между государством и негосударственной силой. Развивая идею чёткого разграничения двух этих типов конфликтов, Н. Фоушин предлагает положить её в основу проекта изменения теории справедливой войны. «Вместо того чтобы пытаться скомпоновать все упомянутые изменения теории справедливой войны в одну суперсложную модифицированную теорию, лучше разработать две версии теории справедливой войны»²¹². Первая концепция получила название регулярной теории справедливой войны (Regular Just War Theory) нужна для оценки межгосударственных столкновений. Вторая концепция – иррегулярная теория справедливой войны (Irregular Just War Theory) – занята описанием борьбы между государством и негосударственным субъектом.

В первом случае он предлагает использовать теорию справедливой войны в классическом её варианте, добавив ряд уточнений в содержание и механику применения её принципов. То есть в ходе обновления всей доктрины изменениям должна быть подвергнута и классическая трактовка теории справедливой войны. Второй случай требует иного подхода к принципам справедливой войны, ввиду изначальной невозможности давать оценку деятельности негосударственных субъектов с помощью

²¹² Ibid. P. 111.

традиционных критериев. Хотя и стоило бы поднять вопрос о необходимости удаления из комплекса *jus ad bellum* и *jus in bello* некоторых, безусловно, не бессмысленных, но малопродуктивных принципов. Таких, к примеру, как принцип вероятности успеха, который заставляет этическую теорию заниматься политическим гаданием. История изобилует примерами того, как армия, уставшая количеством и доступными ресурсами своему противнику, добивалась успеха. И поэтому не кажется необходимым сохранять принцип, отвечающий за оценку успешности будущего конфликта, среди прочих критериев, имеющих критическим значением для вынесения решения о характере войны. Возможно, этому принципу можно придать некое второстепенное значение, но не называть его среди прочих основных критериев *jus ad bellum*.

Н. Фоушин берётся за большое и сложное дело реорганизации теории справедливой войны, вводя базовое различие конфликтов на межгосударственные и столкновения государства с негосударственными силами. Регулярная теория справедливой войны, работающая с конфликтами первого типа, довольно близка классической теории. Она также состоит из шести принципов *jus ad bellum* и двух *jus in bello*, каждый из которых дополнен рядом уточнений.

Принцип правого дела Н. Фоушин предлагает дополнить новой трактовкой. Чаще всего принцип правого дела связан с существованием какой-то одной справедливой причины для начала войны. Гуманитарная катастрофа в соседней стране или вторжение войск на территорию союзника представляют собой веские и самодостаточные поводы для начала войны. И почти всегда теория справедливой войны удовлетворяется таким одним существенным

основанием (single cause). По мнению Фоушина, однако, война столь ужасна и неприемлема, что для обращения к ней как методу, государство должно обладать не просто достаточным основанием, но, действительно, веской причиной. Но, замечает американский философ, вполне допустимы случаи, когда война может быть оправдана не одной, а совокупностью нескольких поводов меньшего масштаба. «Возможно, целое и не будет превосходить сумму частей, но части могут сложиться в одну исключительную единственную причину»²¹³. На примере кампании в Ираке, начавшейся в 2003 г., Н. Фоушин объясняет, как несколько факторов сложились в достаточное основание для силового удара. Взятые по отдельности, тираническая власть Саддама Хусейна, нарушение им резолюций ООН и иных актов международного права, агрессии против собственного населения и поддержка террористов, не могли бы считаться соответствующими принципу правого дела. Однако в сумме своей сложились в то, что Н. Фоушин считает справедливой причиной войны. Заметим, что М. Уолцер придерживается иной позиции по поводу характера вторжения войск США в Ирак в 2003 г.²¹⁴. По его мнению, правительство Ирака на указанный период не представляло угрозы ни для собственного народа, ни для соседей. Или во всяком случае это было не более агрессивное правительство, чем некоторые другие существующие режимы.

Исторические примеры конфликтов, начало которых обуславливалось не одной, а несколькими причинами, заставляет Н. Фоушина указать на необходимость переосмысления принцип правого дела. Ситуации, когда ряд факторов, из которых каждый в отдельности не мог бы предоставить справедливую причину войне, в

²¹³ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 73.

²¹⁴ Walzer M. Regime Change and Just War.

своей совокупности дают веское обоснование конфликту, требуют введения принципа множественности причин (*multiple reasons*) в список критериев *jus ad bellum*. Кроме того, Фоушину кажется необходимым расширить число причин войны, которые могут быть признаны справедливыми и удовлетворяющими требованиям принципа правого дела. Здесь важен даже не конкретный список подобного рода условий начала войны, а сама возможность изменять или дополнять этот список, чтобы «разработать всеобъемлющую справедливую причину, в достаточной мере значимую, чтобы оправдать войну»²¹⁵.

В ответ на предложения Н. Фоушина может быть выдвинут и ряд критических замечаний. Трудность здесь может состоять, во-первых, в возможном размытии самого критерия правого дела. Введение чрезмерной свободы в область определения веского основания конфликта может привести к выдвиганию недостаточно значимых аргументов в пользу развязывания войны. Кроме того, такое расширение теории справедливой войны может привести к неправильной работе всей концепции, которая перестанет решать поставленную перед ней задачу: сдержать и ограничить распространение войн. Следуя логике этого критического аргумента, государства могут назвать ряд малозначительных причин, с помощью которых попытаются оправдать свою агрессивную политику, и теория справедливой войны вынуждена будет утвердить эти причины. Однако, по мнению Н. Фоушина, теория, которая не может принять необходимость изменений за счёт расширения одного из своих принципов должна с неизбежностью подвергнуться ревизии. Кроме того, речь не идёт об одобрении абсолютно любого факта,

²¹⁵ Fotion N. *War and Ethics: A New Just War Theory*. P. 75.

объявляемого веской причиной войны. Каждый новый список причин, претендующих на то, чтобы стать множественной справедливой причиной войны, должен быть подвергнут тщательнейшему анализу. Государство должно показать взвешенность и обоснованность своего решения и объяснить логическую схему рассуждения, подкрепляющую это решение. Возможность расширения принципа правого дела посредством подобной процедуры, основанной на необходимости проведения рационалистического анализа, Н. Фоушин называет возможностью применения «практического мышления» (practical reasoning) в области войны.

Итак, к принципу правого дела Н. Фоушин предлагает добавить положение о множественности причин. Вероятно, это будет означать потерю принципом правого дела определённой степени своей строгости. Однако такое дополнение позволит адаптировать принцип к реалиям современной международной политики, которая, возможно, не сталкивается с исключительным злом, но может бороться против значительного зла по совокупности причин.

Классическую формулировку принципа крайнего средства Фоушин фактически предлагает элиминировать, поскольку в своём традиционном прочтении она теряет смысл. При должном желании всегда можно обращаться к всё новым и новым средствам, отличным от войны, дабы избежать вооруженного столкновения. Взамен крайнего средства разумнее обратиться к понятию крайнего приемлемого средства. Война как наименее приемлемая мера с точки зрения разума, должна быть поэтому действительно последним средством, к которому можно обращаться только после провала в решении конфликта иными способами: переговорами, санкциями и т.п.

Принцип вероятности успеха, налагающий вето на войны, которые принесут больше поражений и потерь, нежели побед, принимается без изменения. Несмотря на сложность его применения, этот критерий всё ещё кажется Н. Фоушину значимым и необходимым в списке прочих принципов *jus ad bellum*.

Применение принципа пропорциональности также связано с трудностями в оценке объёма выгод, которые можно получить после успешного окончания войны. Но и этот принцип Фоушин сохраняет в его классической редакции.

Принцип добрых намерений, согласно которому в ходе конфликта действовать надо, исходя из той справедливой причины, ради которой государство вступило в войну. Здесь, однако, возникает сложность с оценкой тех намерений, которыми могут обладать политические или военные лидеры. Действительный характер этих намерений может проявиться лишь спустя какое-то время. Но в целом принцип кажется Фоушину достаточно важным и не требующим внесения корректировок.

Принцип легитимной власти также не нуждается в изменении. Требование его предельно ясно: война может быть объявлена только тем лицом, одним человеком или группой, которое обладают необходимым для этого авторитетом. Как правило, такими людьми являются представители верховной власти государства. Однако в последнее время на обладание правом объявления войны претендуют и международные организации: ООН, НАТО и другие.

Принципы *jus in bello* – пропорциональности и различия – в регулярной теории справедливой войны также не подвергаются модификации. Первый заключается в требовании предварительной оценке возможных военных выгод и потерь в ходе проведения каждой

отдельной операции, поскольку особое значение имеет здесь необходимость минимизации степени насилия и количества жертв. Второй предписывает атаковать только военные цели, запрещая нападать на мирное население.

Иррегулярная теория справедливой войны значительно отличается от регулярной. Две концепции рознятся в первую очередь методологически. Если регулярная концепция требует, чтобы обе стороны конфликта действовали по одним и тем же правилам, то согласно иррегулярной теории государство и негосударственный субъект оцениваются по разным критериям²¹⁶.

Принцип правого дела в рамках иррегулярной теории сохраняет традиционную формулировку. Однако важным дополнением здесь следует назвать возможность государства атаковать группу мятежников или террористов, нанося им превентивные удары. Как уже было сказано ранее сложность в определении, была ли атака упреждающим или превентивным ударом, связана с невозможностью точной оценки временного параметра. Упреждающее нападение не может быть чересчур поспешным иначе оно будет превентивной атакой. Войска государства-агрессора должны представлять действительную угрозу, они должны быть развёрнуты и готовы к атаке, и только в этом случае упреждающий удар по этому агрессору будет легитимным. Но если в случае войны двух равных субъектов международных отношений, это затруднение может быть разрешено, то в рамках асимметричного конфликта верно оценить параметр близкой по времени угрозы превращается в практически невыполнимую задачу. В качестве примера Н. Фоушин приводит гражданскую войну в Шри-Ланке. Обе стороны, участвующие в

²¹⁶ Ibid. P. 116.

конфликте – Тигры освобождения Тамил-Илама и сингалы – могли справедливо называть атаки на противника упреждающими.

Иррегулярная группа не обязательно должна вести какую-то боевую активность в настоящий момент. Она может просто планировать атаку в отдалённом будущем. Но временной параметр, с помощью которого определяется разница между превентивным и упреждающим ударом, в данном случае не работает. Нападать и уничтожать такие группы можно в любой момент. Объясняется это тем, что «террористы выбирают время, место и цели, по которым они ударят, и сделать это они могут с той степенью секретности, которая недоступна большим группировкам или государствам»²¹⁷.

Фоушин объясняет допустимость превентивной атаки посредством обращения к понятию «состояния войны» (state of war). На протяжении определённого промежутка времени, начиная с момента объявления войны и до заключения мира, государства находятся в состоянии войны. В течение этого периода на фронте могут случаться затишья или проводиться активные наступательные кампании; и, очевидно, что после заключения мира борьба посредством применения военной силы уже не ведётся. В случае гражданской войны или войны с повстанцами борьба, как правило, ведётся перманентно, но с разной степенью интенсивности. Речь обычно не идёт о полномерных кампаниях и противостояниях фронтов, а о точечных ударах. Нередко объектами таких ударов становятся мирные цели. В этой связи Н. Фоушин считает допустимым изменить теорию справедливой войны таким образом, чтобы «позволить государствам атаковать негосударственные группы

²¹⁷ Ibid. P. 117.

превентивно, во всяком случае, в определённых обстоятельствах»²¹⁸. Как правило, выявить и обнаружить группу мятежников или террористов представляет собой непростую задачу. Ещё сложнее воздействовать на них, в то время как ущерб от их деятельности может быть крайне велик. Именно поэтому Фоушин и предлагает считать не столь важной разницу между превентивным и упреждающим ударом в случае, когда речь идёт о столкновении с негосударственным субъектом. Данное допущение позволит считать справедливым любую заранее предпринятую меру по пресечению деятельности террористической организации или группировки мятежников.

Что же касается негосударственных субъектов, то они обладают правом на использование в качестве справедливой причины для начала войны таких фактов агрессии со стороны государства, как массовые убийства, порабощение или эксплуатация различных групп населения. Агрессия в случае асимметричной войны, как правило, не связана с пересечением границ. Борьба ведётся внутри одного государства. И, по мнению Фоушина, зачастую такая война развязывается необходимостью «предотвратить гуманитарную катастрофу»²¹⁹.

Принцип крайнего средства в случае иррегулярной войны полностью теряет тот смысл, которым он обладает в межгосударственном столкновении. С одной стороны, государство не должно и не может обращаться к переговорам или ультиматумам, когда повстанцы уже начали боевые действия. Кроме того, силы негосударственных субъектов нередко не образуют единого фронта, действуя независимо, поэтому переговоры с представителями одной

²¹⁸ Ibid. P. 109.

²¹⁹ Ibid. P. 118.

группы не будут означать достижения соглашения со всеми группами. Однако вполне реальна ситуация, когда правительство начнёт переговоры с теми политиками, которые выражают требования и защищают интересы восставшей части населения.

Представители восставших групп также могут выполнить требование принципа крайнего средства, инициировав переговорный процесс, в ходе которого заявят о своих претензиях к официальным властям. Впрочем, этот случай представляется Н. Фоушину крайне затруднительным ввиду вероятной несогласованности между лидерами восставших группировок и желанием этих лидеров начать боевые действия в любом случае.

Применение принципа вероятности успеха, как и в случае классического конфликта, сопряжено с известными сложностями в оценке противника и его мощи. Дополнительную трудность здесь прибавляет ещё отсутствие точной информации о численности, силе мятежных групп и их возможностях. В свою очередь нетрадиционные силы, участвующие в конфликте, не должны проходить оценку на выполнение требований принципа вероятности успеха. «Вне зависимости от того, насколько справедливы их цели, теория справедливой войны объявит их действующими неэтично, поскольку они обладают ничтожным или даже совсем не обладают шансом на успех в начинающейся борьбе»²²⁰. Для иррегулярных сил требования этого принципа чересчур строги, и поэтому он не должен применяться при оценке шансов восставших групп.

Принципы пропорциональности и добрых намерений рассматриваются в иррегулярной теории справедливой войны в своём классическом прочтении. Асимметричность конфликта не влияет на

²²⁰ Ibid. P. 120.

возможность применения этих принципов к обеим сражающимся сторонам. Однако здесь сохраняются и все трудности, которые связаны с этими принципами в регулярной теории справедливой войны.

Последний из принципов *jus ad bellum*, принцип легитимной власти, может применяться только к государству. Проблема определения легитимности власти, объявляющей войну, в случае столкновения двух государств не возникает. Но в случае асимметричной войны этому принципу попросту нет места. Партизанская или террористическая организация, вступившая в войну, не может проходить проверку на выполнение этого принципа, поскольку даже руководители этих организаций не имеют легитимной власти, какой обладают лидеры прочих политических сообществ. Лидеры повстанческих или террористических организаций обладают определённой степенью авторитета и харизмы, но это совсем не то, что мы обычно подразумеваем под политическим авторитетом верховного властного органа государства. Н. Фоушин в этой связи предлагает не применять принцип легитимной власти к негосударственным субъектам, поскольку, как и в случае с принципом вероятности успеха, у них не будет шансов удовлетворить требованиям этого принципа. Таким образом, этот критерий применяется только для оценки государства, но не его противников в лице групп мятежников.

Принцип *jus in bello* пропорциональности Н. Фоушин включает в иррегулярную теорию справедливой войны без как-либо изменений, поскольку обе стороны могут и должны, чтобы считаться действующими справедливо, оценивать собственные силы и возможные потери при проведении каждой военной операции. Что же

касается принципа различения, то его использование применительно к асимметричному конфликту в традиционной форме явно сопряжено с множеством сложностей. Правительственные вооружённые силы сталкиваются с « определёнными трудностями: они часто не могут идентифицировать своего противника; повстанцы прячутся в сельской и/или городской местности и не носят униформу; они выглядят, как мирные граждане; зачастую для сражения они выбирают места, где находится большое количество настоящих мирных людей»²²¹. Такое положение дел не означает, что легальной становится любая атака на некомбатантов, но неизбежно потери среди мирного населения возрастут. Государство, однако, не может отказаться полностью от проведения военных акций в зоне расположения гражданского населения, поскольку в противном случае оно просто признает своё поражение, будучи неспособным вести борьбу с повстанческими группами.

По мнению, Н. Фоушина мы вынуждены понять эти непростые условия, в которых находится государство, и санкционировать допустимость ударов по целям, которые в классическом конфликте были бы определены как мирные. Но это исключение, сделанное для официальной власти, не распространяется на силы повстанцев, которые не сталкиваются с проблемой идентификации войск противника и отделения его от мирного населения. Впрочем, практика показывает, что зачастую сами мятежники в качестве своих врагов называют не национальные вооружённые силы, а всех представителей определённых этнических, религиозных групп или тех, кто подчиняется законам официальных властей.

²²¹ Ibid. P. 122.

Н. Фоушин рассматривает революцию Ф. Кастро на Кубе в качестве примера асимметричного конфликта, который позволяет получить пример о работе иррегулярной теории справедливой войны. Режим Батиста не был агрессивным и не угрожал своим соседям. То есть Кастро не мог апеллировать к принципу правого дела в его классическом значении. Однако был ряд причин, которые позволили кубинскому революционеру указать на оправданность его войны. К ним следует отнести, во-первых, нелегитимность режима Батисты, установленного в ходе переворота 1952 г. Далее, жестокость и тираничность этого режима. Уровень коррупции был крайне велик в то время, и Батиста не боролся с ней. И наконец, при полном попустительстве президента Куба всё больше становилась экономической колонией США. Ни одна из перечисленных причине не могла бы считаться в достаточной мере веской, чтобы удовлетворить принципу правого дела. Но в своей совокупности они вполне давали такую справедливую причину, которая была и легитимной, и бесспорно убедительной.

Однако и за Батистой Н. Фоушин признаёт обладание определённой долей справедливости, что, конечно, было бы немислимым для М. Уолцера, который, впрочем, признал бы революцию на Кубе абсолютно несправедливой и нелегитимной. Батиста защищал собственное правительство от агрессии Кастро.

Обе стороны удовлетворяли и требованиям принципа крайнего средства. От режима Батисты не требовалось проведение переговоров, поскольку он с самого прихода к власти вернее, вынужден был обратиться к крайнему средству. По мнению Фоушина, сторонники Кастро не могли вести переговоры с президентом, поскольку тот изначально действовал жестоко, подавляя инакомыслие силой.

Правительство Батисты хотя и было основано в ходе восстания, но к концу пятидесятих годов было признанной властью на Кубе, то есть соответствовало принципу легитимной власти. Что же касается Кастро, хотя он и претендовал на легитимацию ввиду поддержки его действий народом, в начале своей повстанческой деятельности всё же был только одним из многочисленных лидеров мятежных групп. Однако Н. Фоушин предлагает немного изменить содержание критерия легитимной власти для работы с асимметричными конфликтами. По его мнению, Кастро долгое время не обладал всей полнотой легитимности, хотя и заявлял обратное. Но нелегитимной его власть также нельзя назвать, поскольку он действовал не от своего лица, а от лица группы повстанцев, которые его поддержали. Исходя из этих условий, Фоушин предлагает вообще освободить мятежные войска от необходимости проходить верификацию на соответствие принципу легитимности, который не может к ним применяться, поскольку при классическом его прочтении повстанцы никогда не смогут удовлетворить этому критерию.

Таким образом, открывается путь к тому, чтобы признать разницу в применении принципов теории справедливой войны в классической и асимметричной войне. В первом случае обе стороны должны пройти оценку на соответствие одному и тому же набору требований. В свою очередь, ситуация асимметричной войны будет характеризоваться необходимостью применить принципы *jus ad bellum* и *jus in bello* только к государству, в то время как негосударственный объект освобождается от этого строгого запроса.

Фоушин полагает, что разделение теории справедливой войны на регулярную и иррегулярную будет способствовать её превращению в более гибкую, взвешенную и адекватную существующим на

сегодняшний день видам военных конфликтов концепцию. В своей традиционной версии теория лишила бы любое народное выступление самой малой возможности считаться справедливым. Как уже было сказано выше, действия мятежников не соответствуют принципу легитимной власти. Также они не проходят проверку на исполнения требований принципа вероятности успеха, поскольку изначально силы повстанцев обычно малочисленны, а ресурсы ограничены. Для мятежников этот принцип стал бы ещё более трудно преодолимой преградой, нежели принцип легитимной власти.

Безусловно, может быть выдвинуто замечание о том, что не всякий конфликт можно однозначно охарактеризовать как регулярный или иррегулярный, соответственно, неверная оценка войны приведёт к ошибочному применению той или иной теории. Однако, как замечает Фоушин, нет «никакого противоречия в том, чтобы обратиться к обеим версиям теории справедливой войны»²²² для оценки конфликта. На начальном этапе, когда мятежные группы находятся на начальной стадии своего политического формирования, может использоваться иррегулярная теория. Со временем, когда силы восставших смогут претендовать на обладание определённым политическим статусом, следует обратиться к регулярной теории справедливой войны.

Теория справедливой войны нередко подвергается критике. Многие пытаются указать на её слабые места или даже поставить вопрос о необходимости и значении этой концепции. Критику можно свести к четырём основным контраргументам. Ряд авторов указывают на то, что в реальной практике международных отношений государства руководствуются в первую очередь собственными национальными интересами. Им нет дела до этики и требований *jus ad*

²²² Ibid. P. 153.

bellum и jus in bello. Если же государства и ссылаются на теорию справедливой войны, то только из-за стремления убедить общество в правильности собственной позиции в начавшемся конфликте. Таким образом, теория справедливой войны нередко используется в качестве занавеси (window dressing) для оправдания тех действий, которые на самом деле не отвечают требованиям теории. В борьбе за повестку дня хороши любые аргументы, в том числе и апелляция к этике. Однако на самом деле речь идёт всё о тех же войнах из-за столкновения национальных интересов. Государство может уделять внимание нормативным теориям войны. Но это следует признать пустой тратой времени. Теория справедливой войны идеалистична и утопична, поэтому следует обратиться к иным средствам, позволяющим получить конкретные результаты.

Три вышеприведённых критических замечания чаще всего озвучиваются реалистами. По понятным причинам не принимают доводы теории справедливой войны и сторонники пацифизма. Согласно пацифистской доктрине ни одна война не может быть оправдана, в то время как теория справедливой войны заявляет, что некоторые из них имеют законное основание и ведутся должным образом.

Для реалистов теория справедливой войны – явная угроза национальным интересам. Как метко замечает Н. Фоушин государство, которое ведёт войну согласно принципам теории, подобно борцу, одна рука которого завязана за спиной. Положения теории справедливой войны ограничивают возможности государства, а значит, концепция опасна для национальных интересов и, следовательно, не нужна. Н. Фоушин отчасти соглашается с этим замечанием: в краткосрочной перспективе, действительно, следовать

теории справедливой войны менее благоразумно, однако с течением времени война, которая ведётся с соблюдением норм этики, вызывает меньше критики внутри государства и со стороны международного сообщества, чем ничем не ограниченная война. Кроме того, войны, продиктованные исключительно национальными интересами, в ходе которых нарушаются права мирного населения противника, не соответствуют запросам современного западного общества.

Причина, по которой люди ведут себя нравственно и выстраивают своё поведение, согласовываясь с этикой, для Фоушина имеет структуральный характер. Реалисты могут сказать, что представление о морали появляются в умах людей через пропаганду. Но для Фоушина этот процесс устроен гораздо сложнее. По его мнению, «западные либеральные общества построены на идеях личного права и уважения»²²³. Такой подход невозможно привить людям одной лишь пропагандой. Это то, что вращивалось в людях западной цивилизации столетиями посредством особого понятия о праве, культуре, религии и этики. И именно такой подход применительно к войне делает затруднительной бездумную атаку на мирных граждан противника и приводит к невозможности постоянной отсылки к национальным интересам в ходе войны.

В свою очередь Н. Фоушин называет концепцию реалистов «благоразумной теорией войны» (Prudential War Theory) или «эгоистичной теорией войны» (Self-interest War Theory). Реалисты также выдвигают ряд принципов для оценки конфликта. Главное отличие проявляется в трактовке принцип праваго дела, который у реалистов не содержит случая гуманитарной интервенции, но дополняется допущением войны, которая представляется полезной

²²³ Ibid. P. 134.

для национальных интересов. То есть агрессивная война не запрещается, если она полезна для государства. Также принцип *jus in bello* различения, по мнению Фоушина, реалистами отменяется вовсе. Все прочие принципы, которые предлагает теория справедливой войны, так или иначе применяются и реалистами, которые, однако, гораздо меньшее место отводят анализу интересов и безопасности граждан других государств. Именно поэтому принятие решения о войне даётся реалистам гораздо легче, а методы ведения войны, предлагаемые ими, будут более жестокими.

Могут, впрочем, высказываться сомнения в релевантности и полезности, предложенного Фоушином проекта создания двух теорий справедливой войны. Так может быть высказано мнение о том, что вместо того, чтобы рассуждать о содержании альтернативной теории иррегулярной войны, необходимо просто лишить всякого права на войну представителей негосударственных субъектов. Выводы американского философа представляются отчасти противоречивым ещё и потому, что, хотя Н. Фоушин, безусловно, и не предполагает такого, однако негосударственные субъекты, поскольку требование легитимности власти на них не распространяется, могут вести войны без всяких ограничений с полной вседозволенностью.

Теория справедливой войны Фоушина пластична, что можно назвать как плюсом, так и её минусом. С одной стороны, это позволяет теории адаптироваться к новым политическим реалиям, с другой стороны, теория может легко потерять свою целостность, стать уязвимой.

Вопрос вызывает и то, насколько продуктивен подход, предложенный Н. Фоушином. На данном этапе развития международных отношений, вероятно, попытку модифицировать

теорию справедливой войны, введя в неё специальный раздел, оценивающий асимметричные войны, можно признать довольно успешной. Однако в любом случае это лишь временная мера, которая не позволит теории существовать на протяжении долго периода времени без изменений. Появление новых типов врага и дальнейшая трансформация самой войны неизбежно приведёт либо к необходимости разработки новой, третьей, теории справедливой войны, а затем и четвёртой. Уже сейчас двойная концепция Н. Фоушина не говорит ничего о частных военных компаниях, роль которых в конфликтах будущего, возможно, будет только увеличиваться. Кроме того, деятельность этих компаний значительно отличается от тех практик, которыми заняты повстанцы или террористы, и можно лишь условно говорить о том, что иррегулярная теория справедливой войны работает верно при оценке частных военных компаний.

Кроме того, не получает решение вопрос о различии между борьбой с повстанцами и контртеррористической войной. Природа повстанческой и террористической деятельности сильно разнится, хотя, безусловно, обе эти силы являются неклассическими участниками политических конфликтов. Повстанческое движение близко по своему характеру к партизанскому, оно обладает привязанностью к определённой территории. Мятежники, как правило, начинают вооружённую борьбу ввиду недовольства конкретным политическим режимом в отдельно взятой стране, и борьба с ними ведётся в пределах границ этого государства. Пример деятельности Эрнесто Че Гевары, революционера на экспорт, можно считать исключением, связанным с пламенной личностью самого Гевары. В свою очередь, силы террористов не столь привязаны к

конкретным границам. Борьба ведётся не с одним правительством, а с целой системой мирового порядка. Террористические организации могут поддержать повстанческую деятельность, однако это не означает, что между терроризмом и повстанчеством можно поставить знак равенства.

Некоторую проблему представляет собой, по словам Н. Фоушина, спорадическое применение теории справедливой войны, хотя это именно та теория, целостность которой не рушится, при частичном использовании её принципов. Тем не менее, если кто-то обращается в своих рассуждениях к одному из принципов, к примеру, добрых намерений или крайнего средства, то вовсе не обязательно, что мы видим перед собой сторонника теории справедливой войны. Нередки случаи, когда и реалисты применяют принципы *jus ad bellum* или *jus in bello*, подкрепляя их, однако, не этическими аргументами, а ссылкой на государственные интересы.

Указанные критические замечания по поводу теории, по мнению Н. Фоушина, не имеют разрушительной силы. Несмотря на те слабости, которыми обладает теория справедливой войны, и трудности, с которыми она сталкивается, концепция всё же позволяет оценивать войну с точки зрения этики, позволяет в большинстве случаев выносить суждения и, поэтому, должна быть признана эффективной и необходимой. Кроме того, как замечает Фоушин, теория может игнорироваться не потому, что она ошибочна в чём-то, а просто потому, что «она не понимается должным образом»²²⁴. Всё это позволяет теории справедливой войны по-прежнему оставаться полезным инструментом, без которого совершенно невозможна работа различных институтов международной политики.

²²⁴ Ibid. P. 126.

В первую очередь к концепции *bellum justum* обращаются те «официальные лица, что ответственны за принятие решения о вступлении в войну»²²⁵. Теория может задать направление мысли. Кроме того, политика в наши дни устроена таким образом, что нельзя говорить о принятии решения только одним человеком, оно принимается совещательным органом. Исключением, безусловно, оказываются государствам с диктаторскими режимами. В демократических же государствах решение будет приниматься коллегиально, в ходе дебатов сторонниками этического и силового подхода.

Современные правительства отчасти вынуждены прибегать к верификации действий на предмет их соответствия требованиям критериев теории справедливой войны, поскольку всё труднее становится скрывать факты серьёзных нарушения этих норм. Средства массовой информации активно освещают ход развития военных операций, и нарушения или преступления быстро становятся известны обществу. Получается, что, несмотря на то, принимает или нет правительство и военное руководство страны критерии нравственного ограничения войны, обе эти силы так или иначе вынуждены использовать их в своей работе и ссылаться на них.

Помимо политиков теория справедливой войны активно эксплуатируется историками, специалистами по международным отношениям и праву, журналистами, которые, однако, используют её для оценки уже начавшегося конфликта или войны, случившейся некоторое время назад. То есть теория применяется ретроспективно, но в любом случае сохраняет практическое значение и активно ретранслируется на различных политических и социальных уровнях.

²²⁵ Ibid. P. 27.

§ 4. Теория справедливой войны П. Кристофера

Анализ современных теорий справедливой войны мы хотели бы продолжить обращением к концепции Пола Кристофера, возглавлявшего в 90-е годы философский департамент Военной академии США в Вест-Пойнте. Вероятно, в сравнении с М. Уолцером или Н. Фоушином фигура П. Кристофера представляется чуть менее сильной, но его непосредственное отношение к практическому приложению теории справедливой войны требует исследования и его концепции. В своей основной крупной работе – «Этика войны и мира: введение в вопросы права и морали»²²⁶ – П. Кристофер разрабатывает собственную версию теории *bellum justum*, особое место уделяя вопросу практического применения принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. «Этика войны и мира» содержит довольно подробный историко-философский материал, позволяющий получить представление о зарождении теории справедливой войны и постепенной интеграции её принципов в систему международного права. Сам П. Кристофер неоднократно указывает на то, что «ключом к пониманию современной теории справедливой войны должно стать изучение её прошлого»²²⁷.

П. Кристофера отличает внимательное отношение к традиции теории справедливой войны. Это внимание связано не только со стремлением исследовать предмет с позиций историка философии, но и попытаться интегрировать аргументацию классических авторов в собственную теорию. П. Кристофер, в отличие от многих, нередко

²²⁶ Christopher P. *The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues*. Prentice Hall. 1999.

²²⁷ *Ibid.* P. 3.

обращается к работам Августина Аврелия, Франсиско Витория или Гуго Гроция, последний из которых оказал на американского философа наибольшее влияние. Г. Гроций крайне полезен для П. Кристофера в качестве мыслителя, учение которого создаёт базу для критики политического реализма, а также автора оригинальной концепции теории справедливой войны, ставшей переходным звеном между философской теорией и политической практикой. Кроме того, Кристофер в значительной мере обращается к учению Герберта Харта²²⁸, одного из наиболее влиятельнейших философов права из Оксфордского университета.

Базисными для нравственной философии войны П. Кристофера оказываются две идеи, которые сам он именует «истинами морали». В качестве таких истин Кристофер признаёт положение о запрете на преднамеренное причинение зла другому человеку и суждение о том, что «люди могут иногда применять насилие, чтобы защитить себя и/или других от зла»²²⁹. Два этих основополагающих положения, естественно, не могут не вступить в конфликт между собой. И именно теория справедливой войны помогает обеспечить решение этой коллизии.

По мнению П. Кристофера, «обращение к насилию для защиты самого себя или какой-либо общности представляется, во всяком случае, допустимым и в иных случаях даже обязательным»²³⁰. Исходя из этого двумя основными темами, которыми, по представлению Кристофера, занимается теория справедливой войны, оказывается исследование того, когда возможно применять силу и каковы допустимые пределы обращения к насилию.

²²⁸ Харт Г. Понятие права. – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2007.

²²⁹ Christopher P. The Ethics of War and Peace.

²³⁰ Ibid. P. 3.

В то же время П. Кристофер отстаивает положение о полном разделении и автономности принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. *Jus ad bellum* соотносятся в первую очередь с ответственностью политического руководства государств; эти принципы рассматривают отношения между политическими субъектами. В то же время *jus in bello* определяют порядок действия каждого военнослужащего. Поведение военнослужащих на поле боя, хотя и регулируется нормативными положениями, всё же непосредственно реализуется самими индивидами. Однако солдаты сами по себе не могут быть ответственными за принятие решения о войне, которое находится в юрисдикции политического руководства²³¹. Вне зависимости от того, какой метод ведения борьбы изберут военнослужащие, причины для начала войны должны быть справедливыми, равно как и военнослужащие, невзирая на основания войны, всегда юридически и нравственно ответственны за свои действия на поле боя.

Государства относятся к существующим положениям международного права и нормативной теории войны либо крайне невнимательно, либо весьма избирательно. Законы войны, будь то позитивное международное право или незапротоколированные нравственные ограничения, нередко нарушаются. И П. Кристоферу кажется необходимым в этой связи проанализировать, связано ли это со слабостью законов самих по себе или с отсутствием реальной власти, стоящей над государствами и контролирующей их деятельность на арене международной политики.

П. Кристофер выделяет две аксиомы, лежащие в основе теории справедливой войны и имеющие отношение как к *jus ad bellum*, так и к *jus in bello*: «целенаправленно причинять вред невинным людям –

²³¹ Ibid. P. 89.

несправедливо» и «иногда необходимо защищать невинных людей от вреда»²³². Как уже было сказано, П. Кристофер в значительной мере опирается на учение Г. Гроция. И во многом концепция *jus ad bellum* Кристофера представляет собой адаптацию соответствующих положений нидерландского учёного к реалиям нашего времени. Г. Гроций придал принципам теории справедливой войны статус позитивного международного права. Основным вывод его политической онтологии, представленной в «Трёх книгах о праве войны и мира», состоял в том, что отношения между государствами всегда должны управляться законами и принципами морали, равно как и взаимоотношения людей. Таким образом, положениям этики он придал статус объективного права, которое должно если не искоренить войну совершенно, то хотя бы сдержать её интенсивность и смягчить ужасы, ей присущие.

Война – это акт публичной политики, поэтому ответственность за неё всецело лежит на политическом руководстве государства. Набор принципов *jus ad bellum*, по мнению, Кристофера, имеет большее отношение к политике, нежели к военному делу. Перечень критериев *jus ad bellum* служит своего рода контрольным списком для политиков, принимающих решение о войне. Если государство вступает в конфликт, удовлетворив все условия *jus ad bellum*, то война становится для профессиональных военных формально справедливой, и солдат не может в таком случае отказаться от участия в ней ни с точки зрения права, ни с позиции этики.

Концепция *jus ad bellum* П. Кристофера рассматривает восемь принципов, шесть из которых были утверждены в теории Г. Гроцием. В целом теория П. Кристофера близка общей традиции теории

²³² Ibid. P. 162.

справедливой войны и тем мыслителям, которых мы рассмотрели ранее, поэтому мы кратко обозначим позицию П. Кристофера по отношению к правилам вступления в конфликт, обращая особое внимание на его оригинальные трактовки этих принципов. Один из наиболее важных принципов, требование которого следует удовлетворить для легализации силового решения конфликта, заключается в положении о войне как правом деле. Правое дело, как правило, объясняется стремлением наказать обидчика, совершившего нападение или иным образом серьёзно нарушившего наши права. Таким образом, санкционированы только те войны, которые ведутся с целью самообороны или в ответ на понесённый серьёзный ущерб. Стремление обезопасить себя, основанное на предчувствии скорого нападения, не может в таком случае считаться оправданным.

П. Кристофер делает весьма важное замечание относительно принципа правого дела, который многие (особенно учитывая его латинское наименование, *justa causa*, и производные от него) ошибочно полагают единственным достаточным средством легализации применения силы. Теория справедливой войны, однако, не сводится к одному этому принципу. И следует помнить, что «правое дело – это необходимое условие обращения к оружию, но само по себе оно не является достаточным основанием: даже если государство понесло ущерб, предоставляющий вескую причину войны, начатая им война не будет справедливой, пока не будут удовлетворены прочие условия *jus ad bellum*»²³³.

Случай гуманитарной интервенции, по мнению П. Кристофера не всегда отвечает требованиям принципа правого дела. Под интервенцией следует понимать применение «вооружённых сил в

²³³ Ibid. P. 83.

качестве меры принуждения с целью оказания влияния на внутренние дела другого государства»²³⁴. П. Кристофер отстаивает точку зрения, состоящую в том, что «гуманитарная интервенция всегда запрещена по закону, но иногда нравственно допустима»²³⁵.

Гуманитарная интервенция определяется стремлением избавить людей от состояния моральной несправедливости, в котором они пребывают. Такая несправедливость определяется единственно целенаправленным угнетением и уничтожением людей. Однако не все случаи столкновения властей со своими гражданами легитимируют вторжение извне. Так, гражданская война не может считаться законным основанием для интервенции, поскольку только массовые страдания оказываются основанием принципа правого дела в данном случае. Кроме того, гуманитарная интервенция должна удовлетворять и всем прочим критериям *jus ad bellum*. Решение о ней принимается органом или лицом, обладающим необходимой для этого властью. И решение это декларируется публично. Переговоры с преступным правительством должны быть проведены до вторжения войск, что делает интервенцию, действительно, крайним средством. Кроме того, гуманитарная интервенция направлена на защиту мирного населения, однако осуществляют её невинные граждане, солдаты различных государств. И всегда должен подниматься вопрос о необходимости риска жизнями этих солдат во имя спасения истребляемого народа. Принцип пропорциональности, таким образом, всегда должен приниматься в расчёт, поэтому П. Кристофер предполагает, что возможны случаи отказа от вторжения, «даже если гуманитарная интервенция является оправданной»²³⁶. Таким образом, только

²³⁴ Ibid. P. 193.

²³⁵ Ibid. P. 195.

²³⁶ Ibid. P. 201.

выполнение требований всех вышеперечисленных принципов позволит принять законное решение о вмешательстве во внутренние дела другого государства с целью защиты населения этого государства и позволит считать легальным подобное вторжение.

Апелляцию к неприкосновенности государственного суверенитета П. Кристофер считает лишённой всяческого основания. Хотя, как нам кажется, эта проблема заслуживает некоторого рассмотрения, во всяком случае, от неё не следует просто отмахиваться, объявляя ссылку на суверенитет софистикой. П. Кристофер, однако, заявляет об абсурдности притязаний на право самоопределения и независимости со стороны правительства, занятого геноцидом собственного народа. Политические лидеры теряют право на невмешательство в тот момент, когда «целенаправленно обращаются к деятельности, которая приводит к ужасающему распространению человеческого страдания»²³⁷. Аргумент П. Кристофера о приемлемости гуманитарной интервенции сводится к следующему. Граждане государства не имеют средств к вооружённой самообороне, и в ситуации, когда правительство ведёт борьбу со своими гражданами, допустимо вмешательство извне с целью защиты невинных людей. Гуманитарная интервенция хотя и разрешительна, но не обязательна, поскольку, как замечает П. Кристофер «хотя и существует универсальная... обязанность не причинять вреда, нет подобного универсального долга творить добро»²³⁸. В этом П. Кристофер сильно расходится с позицией, которую отстаивает в своих поздних работах М. Уолцер, убеждённый в необходимости активно отвечать на любое проявление агрессии или

²³⁷ Ibid. P. 199.

²³⁸ Ibid. P. 198.

массовые случаи нарушения прав человека²³⁹. Впрочем, позиция самого Уолцера по этому вопросу значительно изменилась с момента публикации «Справедливые и несправедливые войны».

Принцип пропорциональности требует, чтобы благо, которое государство пытается получить в ходе войны, превышало понесённые потери и общий объём совершённого зла. С точки зрения П. Кристофер, это положение, сформулированное ещё Г. Гроцием, во многом предвосхищает политический утилитаризм Бентама и Милля. Принимая решение о войне, правитель должен заботиться о благе не только собственных граждан, но и «принимать во внимание, как их действия повлияют на других членов международного сообщества»²⁴⁰. В том случае, когда нет уверенности, о превышении дивидендов от конфликта над потерями, от войны следует отказаться.

Принцип вероятности успеха предполагает отказ от бесполезного или убийственного сопротивления. Это положение не состоит в отказе от всякой борьбы и смиренном принятии агрессии, но указывает на необходимость взвешенного подхода к вступлению в войну и трезвой оценки собственных сил.

Необходимым условием для признания войны справедливой является и выполнение требования публичного объявления войны. С одной стороны, это позволит государству, которое подвергается нападению, предпринять дополнительные усилия, направленные на мирное урегулирование конфликта. И, возможно, стороны проведут дополнительный раунд переговоров. С другой стороны, публичная декларация войны свидетельствует о дополнительной ответственности, наложенной на правителя. Поскольку война – это один из наиболее ужасных политических методов, имеющих

²³⁹ Walzer M. Regime Change and Just War.

²⁴⁰ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 83.

непосредственное влияние на судьбы всего народа, то каждый гражданин государства вправе знать о принятом решении и выносить самостоятельное суждение о том, насколько ущерб, нанесённый его стране, значителен, чтобы служить поводом для начала вооружённой борьбы²⁴¹.

Учреждение вооружённых сил имеет под собой две справедливые цели: во-первых, удержание соседей от нападения и, во-вторых, если сдерживание провалилось, немедленного перехода в оборону и нанесения ответного удара. Война, таким образом, всегда должна рассматриваться в качестве последнего средства решения конфликта, что и закреплено в теории справедливой войны принципом крайнего средства. П. Кристофер соглашается с Г. Гроцием в суждении о том, что «редко причина возникновения войны такова, что ее или невозможно, или не должно избежать»²⁴². До начала военных действий должны быть предприняты все попытки для мирного урегулирования распри между государствами.

Кроме того, война всегда должна иметь благую цель, то есть соотноситься с принципом добрых намерений. Недопустимо вступать в войну ради уничтожения или захвата людей. Государство не может терять право на территориальную целостность и на суверенитет, даже в случае, когда оно терпит военное поражение.

Помимо всего прочего войну должно вести, руководствуясь справедливыми методами. П. Кристофера, как практика от военной науки, в большей степени интересуют именно *jus in bello*, поскольку эти принципы оказываются первостепенными для самих военнослужащих. Если принципы *jus ad bellum* соотносятся в первую очередь с нормами международного права, то *jus in bello* определяет

²⁴¹ Ibid. P. 85.

²⁴² Гроций Г. Три книги о праве войны и мира. С. 553.

непосредственную военную этики, саму практику воинского этиоса. Личный состав армий противоборствующих сторон «разделяет определённые ценности, общие для людей военной профессии»²⁴³. Понятия мужества, чести и верности издревле составляли основу представлений о присущих воину качествах и способах его поведения. Принципы, определяющие нормативную регуляцию во время войны – принцип различения и пропорциональности – оказались, согласно П. Кристоферу, производными от указанных нравственных категорий. Кроме того, П. Кристофер со ссылкой на Г. Гроция указывает на то, что ответственность за каждое действие на войне, а значит, фактически за реализацию *jus in bello* персональна²⁴⁴.

Говоря о традиционных доблестях воина, П. Кристофер обнажает серьёзную проблему современного понимания и восприятия врага. Американский философ указывает на известный библейский фрагмент, в котором царь Давид воздаёт хвалу бесстрашию своих врагов, в частности, мужеству Авенира²⁴⁵. Идея уважительного отношения к противнику вошла в теорию справедливой войны через Амвросия Медиоланского²⁴⁶ и была закреплена его учеником Аврелием Августином²⁴⁷. Со временем из религиозно-этической догмы это положение перешло и в международное право, где кодифицировалось в виде запрета на тотальное уничтожение врага. На протяжении нескольких веков политический враг мог претендовать на известную долю признания и уважения, поскольку он выступал в качестве необходимого участника политического существования, и

²⁴³ Ibid. P. 118.

²⁴⁴ Ibid. P. 123.

²⁴⁵ 2 Цар. Гл. 3, 6-37 // Библия. – М.: Российское Библейское общество, 2011.

²⁴⁶ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. – М.; Рига: Благовест, 1995.

²⁴⁷ Августин. Творения // Его же. Собрание сочинений в 4 тт. Сост. С. И. Еремеева. – СПб., Алетейя – Киев, Уцимм-пресс, 1998.

поэтому не мог быть дискриминирован или криминализирован, но воспринимался как равный по статусу субъект. Однако в ходе XX в. понятие врага трансформировалось в понятие агрессора вслед за тем, как война стала пониматься в качестве агрессии. Политический оппонент потерял статус справедливого, единственным возможным исходом столкновения с ним теперь стала полная капитуляция и смена режима в проигравшем государстве. Стоит отметить, однако, что П. Кристофер не уделяет теме современного понятия вражды должного внимания, полагая, что уважительное отношение к врагу сохранилось без изменений в течение нескольких сотен лет. И если в личном отношении солдат противоборствующих сторон возможны случаи взаимного признания, то политическое восприятие врага (государства противника в целом) как морально равного субъекта ушло в прошлое.

Впрочем, и сам П. Кристофер замечает, что нередко солдаты забывают о правиле нравственного уважения врага. В войнах, которые ведутся в чрезвычайных обстоятельствах, как это называет М. Уолцер, нередко солдаты и военное руководство воспринимает противника, «стоящим вне границ моральных суждений»²⁴⁸. Вторая мировая война может быть приведена в качестве примера подобного онтологического неприятия врага. Однако, как нам представляется, каждый крупный межгосударственный конфликт с тех пор проходил с явным пренебрежением к принципу восприятия противника как нравственно равного.

П. Кристофер видит в глобализации, развитии масс-медиа, осознании общности проблем, стоящих перед человечеством, возможность для человека понять, что люди во всех уголках нашей

²⁴⁸ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 121.

планеты одинаковы и равны, и в итоге, принципы *jus in bello* начнут исполняться с большей тщательностью²⁴⁹. В то же время без дополнительной работы по обучению солдат этике войны, воспитанию воинского этиоса нравственные законы войны так и останутся для большинства попросту «теоретическими соображениями, а не предписаниями права и морали»²⁵⁰. Но сложность с исполнением принципов *jus in bello* связана не только с нежеланием людей считаться с ними, но и с особенностями их формулировки.

П. Кристофер вслед за Г. Хартом полагает, что не только внутреннее принятие положений закона или морали, но и наличие санкций за неисполнение их предписаний, может обеспечить должное функционирование всей системы права или этики. Однако положения теории справедливой войны нередко сформулированы недостаточно ясно или могут трактоваться неоднозначно, что, соответственно, затрудняет возможность применения санкций за нарушения установленных ими правил. П. Кристофер убеждён в том, что сами государства отчасти виновны в том, что в их вооружённых силах недостаточное внимание уделяется воинской этике, однако ряд санкций всё же необходимо ввести. Но предварительно, и это вызывает наибольшее затруднение, следует разобраться с критериями оценки вины за неисполнение законов справедливой войны. Проблема определения степени ответственности военнослужащего напрямую связана с проблемой исполнения им приказа. Уставы вооруженных сил всех стран мира предполагают недопустимым обсуждение подчинёнными приказов начальства, а отказ от их исполнения считается преступлением. В то же время за подчиненным, как

²⁴⁹ Ibid. P. 123.

²⁵⁰ Ibid. P. 124.

правило, сохраняется право на обжалование несправедливого приказа, что подразумевает перенесение значительной степени ответственности на самого подчинённого. Многие мыслители, в частности Х. Арендт, полагают, что подчинение приказу и действие в соответствии с ним не освобождает человека от ответственности за совершённое зло. Согласно этой логике, свободная воля, которой мы обладаем, заставляет нас отказаться от выполнения преступного приказа. Открытым остаётся вопрос о неподчинении приказу в случае, когда само государство является преступным. Однако ни Женевские, ни Гаагские конвенции не предлагают должного решения вопроса о подчинении приказам.

По мнению Кристофера, существуют три основных закона или военных принципа (*military principle*), по которым обычно определяется зависимость между приказом и необходимостью подчиняться ему. Согласно первому из них «солдаты обладают правовой обязанностью всегда исполнять приказы своего начальства»²⁵¹. Вторым добавляет, что «солдаты обладают нравственной обязанностью всегда исполнять приказы своего начальства»²⁵². И третий сводится к тому, что «командиры нравственно и юридически ответственны за любые действия, совершённые в ходе выполнения отданных ими приказов»²⁵³.

Однако такие формулировки кажутся П. Кристоферу неудовлетворительными, поэтому он предлагает внести в них ряд изменений. Так, принцип подчинения приказам в силу юридического предписания должен быть сформулирован следующим образом: «солдаты обладают правовой обязанностью всегда исполнять

²⁵¹ Ibid. P. 131.

²⁵² Ibid.

²⁵³ Ibid.

законные приказы своего начальства»²⁵⁴. Военнослужащие нередко оценивают приказ своего командира, как нечто более ценное, нежели принципы *jus in bello*, поэтому необходимо обратить их внимание на характер того предписания, которое они получают. Законным может считаться приказ, отданный лицом, обладающим надлежащей степенью власти, и не предписывающий незаконных деяний. Однако и такое уточнение не решает всех проблем, поскольку военнослужащему всё равно предстоит определить, требуют ли от него выполнения преступных или законных действиях, что весьма сложно в условиях войны. Кроме того, то, что считается законным и приемлемым может «значительно измениться в силу обстоятельств, и для солдата часто становится затруднительным определить с достаточной степенью определённости, являются ли приказы незаконными или нет»²⁵⁵.

Представление об этической природе исполнения приказов предполагает подчинение начальству высшей ценностью воина. Выражаясь языком американского политического теоретика Сэмюэля Хантингтона, к которому обращается П. Кристофер для подкрепления собственной позиции, солдат должен стать «инструментом подчинения»²⁵⁶. Однако нравственная обязанность подчиняться относится лишь к законным приказам. Таким образом, принцип должен звучать, как «солдаты обладают нравственной обязанностью исполнять все приказы, за исключением тех случаев, когда они располагают обоснованными доказательствами того, что приказ

²⁵⁴ Ibid. P. 133.

²⁵⁵ Ibid. P. 135.

²⁵⁶ Huntington S. P. *The Soldier and the State*. Boulder, Colo, Westview Press, 1986. P. 136.

незаконен»²⁵⁷. Во всех остальных случаях неподчинение приказу будет означать невозможность подразделением выполнять свою функцию. Кристофер выделяет три группы причин, по которым допустимо отказаться от выполнения приказов. Во-первых, в случае, когда военнослужащий уверен в возможности решения поставленной задачи более приемлемыми способами, нежели те, что предписаны руководством. Во-вторых, если солдат понимает, что больший вред ему нанесёт выполнение приказа, нежели отказ от следования ему. И, в-третьих, когда он понимает, что приказ недопустим с точки зрения права или этики. Если первый и третий аргумент могут считаться законными основаниями для неподчинения приказам, то второй, безусловно, рассматривается как преступление.

Ответственность командиров за действия подчинённых очевидна, но здесь также встаёт вопрос о её пределах. Кристофер обращает внимание на один фрагмент из Г. Гроция, в котором нидерландский мыслитель замечает, что «общество или правители ответственны за преступление подданного, если, будучи осведомлены, не воспретили такового, хотя имели возможность и были обязаны воспрепятствовать ему»²⁵⁸. Командир не может отвечать за каждый единичный случай нарушения его подчинёнными общепринятых законов войны. Но если противоправные действия со стороны членов его подразделения принимают массовый характер, то он обязан приложить все усилия, дабы прекратить их. Следовательно, принцип, определяющий обязанности начальства контролировать действия своих солдат сводится к следующему: «командиры ответственны за военные преступления, совершённые их подчинёнными в тех случаях, когда они знают, что подобные преступления имели место и не предприняли

²⁵⁷ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 137.

²⁵⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 506.

никаких действий по их расследованию и вынесению соответствующего решения по отношению к виновным»²⁵⁹. Однако поскольку теория справедливой войны предполагает оберегание жизней гражданского населения, командир не может просто расследовать случаи нарушения законов войны. Он, очевидно, обязан сделать всё возможное, чтобы его подразделение не совершило военных преступлений.

П. Кристофер указывает на то, что трудности в применении *jus in bello* усугубляются условиями, связанными с ситуацией военной необходимости или исполнения репрессалии. Основные международно-правые конвенции предполагают, что само понятие военной необходимости, как порочащее идею законов войны, должно выйти из употребления. Так, авторы комментариев к Дополнительному протоколу от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. усматривают в ссылке на необходимость попытку обойти военное право. «Максима «Kriegsraison geht vor Kriegsmanier» (военная необходимость имеет приоритет над правилами войны) или «Not kennt kein Gebot» (необходимость не знает закона)... подразумевают, что командир на поле боя может в каждом конкретном случае решать, следовать ли правилам или игнорировать их в зависимости от текущего военного положения»²⁶⁰. Однако П. Кристофер соглашается с тем, что диалектичность военных задач и гуманитарных принципов не позволяет попросту уйти от дискуссии о военной необходимости.

Необходимо провести различие понятий военной необходимости (*military necessities*) и военной нужды (*necessities of*

²⁵⁹ Christopher P. *The Ethics of War and Peace*. P. 148.

²⁶⁰ *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 391.

war). Первое понятие определяет «напряжение, присущее попыткам минимизировать страдание... с помощью метода (насилия), что неизбежно вызывает страдание невинных людей»²⁶¹. Второе связано с трудностями и страданиями, которые неизбежно испытывают армия и гражданское население во время войны. Военная необходимость оправдывает нарушение правил *jus in bello* ради достижения успеха в отдельной операции или всей кампании. Однако это положение усложняет и проблему необходимости подчинения приказам, поскольку «почти всякое вообразимое действие может быть в определённых случаях законным, исходя из принципа военной необходимости»²⁶².

Дабы избежать возможных разночтений, Кристофер предлагает включить принцип военной необходимости в число критериев *jus in bello* теории справедливой войны. В результате должны решиться проблемы, связанные с неопределённостью самого понятия военной необходимости и возможностью апелляции к нему.

Военная необходимость делает допустимой целенаправленную атаку на мирное население или, иными словами, оправдывает нападение на них, как следствие двойного удара. В обычных условиях действует полный запрет на нападение на мирное население. Этот запрет настолько абсолютен, что фактически ограничивает право на самооборону. В свою очередь идея военной необходимости призвана снизить риск, которому подвергаются военнослужащие. Однако П. Кристофер верно указывает на то, что невозможно сравнить степени опасности, с которыми сталкивается мирный гражданин и вооружённый человек, поскольку «риск собственной жизнью и

²⁶¹ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 158.

²⁶² Ibid. P. 159.

составляет часть того, из чего складывается само понятие солдата»²⁶³. В мирное время большая часть населения государства должна быть признана мирными гражданами. Однако силовое решение конфликта означает трансформацию этих мирных граждан в комбатантов, чьи жизни «целенаправленно подвергаются значительному риску во имя достижения стоящей [политической] цели»²⁶⁴.

Итак, угроза безопасности некомбатантов должна быть сведена к нулю, в то время как риски комбатантов следует минимизировать, хотя от них и невозможно избавиться совершенно. Военнослужащий ограничен в возможности защиты собственной жизни, но наделён обязанностью оберегать жизни своих сограждан и отказаться от насилия по отношению к беззащитным людям любой национальности. Военная необходимость должна быть связана с чем-то большим, нежели стремлением обезопасить военнослужащих или рассуждениями об успешности кампании. П. Кристофер, отчасти опираясь на рассмотренную ранее идею Уолцера о чрезвычайных обстоятельствах, а также на Ш. Коэна²⁶⁵, Т. Тейлора²⁶⁶ и Т. Нагеля, предлагает более жёсткие критерии определения положения, когда военная необходимость легитимизирует отступление от классических принципов теории справедливой войны или сама становится одним из этих принципов. Законным обращение к принципу военной необходимости может быть только в силу решения, принятого политическим лицом, а не военным руководством. Кроме того, в обязанности этого политического лица, обладающего должным

²⁶³ Ibid. P. 165.

²⁶⁴ Ibid. P. 172.

²⁶⁵ Cohen S. *Arms and Judgment: Law, Morality and the Conduct of War in the Twentieth Century*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1963.

²⁶⁶ Taylor T. *Nuremberg and Vietnam: An American Tragedy*. Chicago: Quadrangle Books, 1970.

авторитетом, входит обязанность публичного объявления принятого решения²⁶⁷. Принцип военной необходимости должен удовлетворять принципу пропорциональности, что означает возможность нарушения требований *jus in bello* только в том случае, когда значимость итогов акции превысит страдания участвующих в ней людей. Также Кристофер обращает внимание на то, что следует задействовать только действительно необходимые, но достаточные силы для выполнения поставленной задачи. Таким образом, принцип военной необходимости должен коррелировать и с принципом крайнего средства. Вместе все эти положения сделать наши нравственные законы войны более ясными и однозначными.

Однако не только положение военной необходимости может обусловить отступление от нравственных законов войны. П. Кристофер указывает ещё и на трудность в следовании предписаниям *jus in bello*, в случае исполнения репрессалий. Как правило, санкции вводятся в ответ на совершённые военные преступления с тем, чтобы удержать противника от новых незаконных актов или призвать его к ответственности за совершённое. Здесь важно отметить, что репрессалии имеют нравственное обоснование не в стремлении отомстить врагу, а в «желании принудить [его] подчиниться закону»²⁶⁸. Однако, как правило, исполнение репрессалий создаёт легальную возможность обойти ограничения, которые накладываются нормативными концепциями войны. Во время войны мы склонны демонизировать наших врагов, не только солдат противника, но и его гражданское население, поэтому обычно приемлемость репрессалий не вызывает сомнения.

²⁶⁷ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 173.

²⁶⁸ Ibid. P. 179.

Такое положение дел, подкреплённое нормами современного международного права, делает возможность практической реализации принципов теории справедливой войны и гуманитарного права ничтожной, поскольку одна из воюющих сторон обладает законным правом сослаться на дискриминацию принципов *bellum justum* ввиду военной необходимости, в то время как противная сторона откажется от нравственных ограничений, дабы санкциями сдержать своего врага²⁶⁹. В таких условиях государство, которое согласовывает свою внешнюю политику с принципами справедливой войны, оказывается в невыгодном положении, буквально со «связанными руками», как описывает эту ситуацию Н. Фоушин.

Репрессалии, как правило, оправдываются утилитаристскими соображениями об обязанности государства дать симметричный ответ своему противнику, нанести ему соразмерный урон в живой силе или уничтожить собственность. П. Кристофер, однако, отвергает подобную аргументацию, предполагая недопустимой ситуацию, когда «весь народ разделяет вину за преступления, совершённые несколькими людьми»²⁷⁰. Законность репрессалий нацеленных на комбатантов не может вызывать сомнение, поскольку, как уже говорилось выше, сама суть военной профессии предполагает столкновение с опасностью и принятие рисков. Но поскольку обычно репрессалии предполагают нападение в том числе и на гражданское население, то единственный возможный вариант признания подобных мер допустимыми видится Кристоферу в необходимости обороны собственных мирных граждан, что, однако, потребует верификации на соответствие требованиям принципов *jus ad bellum*²⁷¹. То есть, перед

²⁶⁹ Ibid. P. 180.

²⁷⁰ Ibid. P. 184.

²⁷¹ Ibid. P. 186.

государством должна быть поставлена задача прохождения процедуры, подобной той, что требуется для оправдания военной необходимости. Такая позиция делает концепцию П. Кристофера, безусловно, более жёсткой, нежели существующее сейчас в международном праве положение о репрессалиях. Однако она явно уступает уолцеровской доктрине абсолютного запрета атаки мирного населения. Напомним, что М. Уолцер предполагает, что единственный приемлемый вариант поведения в случае, когда войска с неизбежностью должны напасть на некомбатантов, состоит в признании собственного поражения и отказе от проведения операции или даже от продолжения войны.

Подводя итоги анализа теории справедливой войны П. Кристофера необходимо отметить, что в стремлении переложить ответственность за принятие решений с военного на политическое руководство видится, с одной стороны, понимание того, что война неотъемлемо связана с политикой и начинается для решения политических целей. Но с другой стороны, в этом можно увидеть стремление П. Кристофера, профессионального военного, неким образом снять ответственность с самих военнослужащих, оправдать их не только за принятие решения о войне, которое они, естественно, не принимают, но и за совершённые действия.

Концепция П. Кристофера позволяет получить представление о тех трудностях, с которыми сталкиваются теоретики *bellum justum*, и тех методах, которые они применяют для преодоления этих трудностей. Кроме того, весьма значимым представляется указание П. Кристофера на необходимость адаптации теории справедливой войны к политическим и социальным реалиям современности. Изменения в политической и социальной структуре, а также развитие технологий и

приводит к тому, что теории рассмотренных нами авторов становятся уже своего рода классикой, с которой следует соотноситься, разрабатывая новые направления в нормативной концепции войны. Исследованию возможности практического применения и выработки новых решений для осмысления конфликтов наших дней будет посвящена следующая глава нашей работы.

Глава 3 Актуальные проблемы и перспективы развития теории справедливой войны

§ 1. Трансформация справедливой войны и характер конфликтов современности

Теория справедливой войны представляет собой во многом уникальный пример научной концепции, которая хотя и меняла на протяжении нескольких веков степень своей значимости и свой статус, но осталась востребованной. Подходы к разработке идеи *bellum justum* обнаруживаются в сочинениях античных авторов, получают развитие в трудах отцов церкви и схоластов, впервые обретают международно-правовой статус благодаря Г. Гроцию и к XX веку как будто бы сходят на нет. Однако теория справедливой войны смогла вернуть себе утраченные позиции, превратившись после Вьетнамской войны в ведущую академическую этическую дисциплину. Политическим философам и специалистам по международному праву потребовалась критическая концепция, каковой и была теория справедливой войны. Как замечает М. Уолцер в статье «Триумф теории справедливой войны (и опасность успеха)»²⁷², риторика *bellum justum* достаточно быстро стала широко употребляться, образовав необходимый элемент демократического международно-политического дискурса. Теория справедливой войны превратилась в своего рода тест, пройти проверку которым обязано политическое и военное руководство страны до начала применения оружия. Постепенно нравственная теория войны встраивается в

²⁷² Walzer M. The Triumph of Just War Theory. (and the Dangers of Success). / *Arguing about War*. P. 8-12.

систему международных отношений как значимый, хотя и не непреодолимый ограничитель и сдерживатель.

Теория справедливой войны с момента своего возрождения в середине XX века вынуждена была считаться с масштабными изменениями в международной политике, трансформацией государства и появлениями новых видов вооружённых конфликтов. Мартин ван Кревельд, рассуждая о процессах эволюции государственной власти, замечает, что одной из важнейших функций государства, в том виде, в каком его «изобрёл» Т. Гоббс, «было ведение войны против себе подобных»²⁷³. В рамках политического единства европейских народов выстраивались особого рода отношения, которые находили свое проявление в регулярном характере войны, оберегаемой межгосударственным правом. Войну, которая представляла собой столкновение суверенных носителей *jus belli* и предполагала борьбу с *justus hostis*, вели регулярные, государственные армии²⁷⁴.

Война, как бы странно это не звучало, была основой жизни государства, оказывая непосредственное влияние на его развитие, прогресс промышленности и экономики и способствуя унификации нации. М. Кревельд приходит к любопытному выводу о том, что человеку всегда нравилась война, следовательно она не может исчезнуть из отношений на самых разных уровнях. Необходимо отметить, что государство на протяжении долгого времени обладало монополией на войну, обусловленной узурпацией права на насилие верховной властью, однако в прошлом столетии государство стало

²⁷³ Creveld M. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge University Press, 2004. P. 336.

²⁷⁴ Шмитт К. *Номос земли в праве народов jus publicum Europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008.

стремительно утрачивать это уникальное право. Кроме того, многие государства утратили и само желание участвовать в активной политической жизни и вооружённых конфликтах.

Изменение характера войны имеет двойственную причину. С одной стороны, новые силы претендуют на полноправное участие в конфликтах. С другой стороны, постоянно совершенствуются технические средства, что сказывается на росте степени интенсивности конфликтов и расширении возможностей поражения живой силы противника. Доцент философии Высшей морской школы Бредли Дж. Стравсер в колонке гостевого редактора Журнала военной этики замечает на это следующее: «средства ведения войны изменились подобным образом – вновь появляющиеся военные технологии трансформировали вид современной войны и структуру вооружённых сил наших дней»²⁷⁵.

Впрочем, как верно замечает Т. А. Дмитриев, рассуждая о феномене «новых войн», новыми они могут считаться не потому, что в них стали принимать участие негосударственные субъекты и коммерческие организации – всё это в том или ином виде имело место и ранее. Новыми эти войны оказываются при сравнении с классической межгосударственной войной²⁷⁶. В настоящее время масштабные межгосударственные войны практически не ведутся, что обусловлено, вероятно, развитием оружия массового поражения, в первую очередь, ядерного. Основой военной доктрины мировых держав стало сдерживание, а не наступательные действия. Вместо регулярной войны появляются новые виды войны, которые нарушают стройную систему К. Клаузевица – война иррегулярная: партизанская,

²⁷⁵ Strawser B. J. Guest Editor's Introduction the Ethical Debate over Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013. P. 1.

²⁷⁶ Дмитриев Т. А. Войны XXI века. // Сократ. – 2010. – № 2. С. 30.

повстанческая или террористическая. А вместе с новыми типами войны в мир являются и новые виды врага. Повстанец или террорист борются в новом политическом пространстве и потому отрицают своими действиями само классическое понятие войны. В конфликте, где одна из воюющих сторон в высшей степени упорядочена и регулярна, отношение к иррегулярному субъекту неизбежно будет крайне жестоким, а методы борьбы с ним в высшей степени бескомпромиссными. Его не будут считать классическим врагом, а потому с ним можно будет вести войну на уничтожение. Признание такого врага в качестве равного с политической точки зрения субъекта потребовало бы окончательного решения вопроса о его существовании, а значит потребовалась бы война, которая дала бы отпор этому врагу и загнала бы его в прежние границы или уничтожила бы его. Но у иррегулярных субъектов нет границ, то есть конфликт с ними не может решаться за столом переговоров. Итак, этого врага не признают, но борьбу с ним ведут. Борьба осложняется также необходимостью отстаивания постулируемых этических идеалов, что заставляет «гуманно» вести войну с врагом, который отказался от гуманности. Вражда должна находить свое снятие в войне, на деле же оказывается, что этого снятия не происходит. Итогом этой крайне рационалистичной, но крайне негуманной тотальной войны должна стать безоговорочная капитуляция, утверждающая тотальность поражения противника. В результате мы приходим к тому, что уже не видим однозначного различия между войной и миром.

В то же время сам боец иррегулярной армии ставит себя вне какого-либо ограничения войны, так как он являет собой пример абсолютной, исключаящей мир вражды, и не ожидает от своего

регулярного противника ни правового решения конфликта, ни пощады. Террорист, как и повстанец, нуждается во враге как конституирующей основе своего существования. Но отношение партизана к врагу означает войну на уничтожение другого и не предполагает иных решений. Всякий вступающий в асимметричный конфликт сталкивается с опасностью попадания в порочный круг террора и контртеррора, к чему пришёл в своих рассуждениях ещё Наполеон.

Иррегулярная война, таким образом, содержит в себе постоянную угрозу превратиться в последнюю войну человечества, во всемирную революцию – новый для XX века способ ведения войны, состоящий в разрушении наличествующего социального и политического порядка, что стало особенно актуальным с появлением нового типа терроризма – гипертерроризма. Понятие «всемирной гражданской войны» с особой интенсивностью эксплуатируется после событий 11 сентября 2001 года, когда многие стали рассматривать войну с терроризмом в качестве своего рода гражданской войны, только в масштабе всего мира. Такая гражданская война стала возможной, по меткому заявлению Д. Плеша, «в мире, который глобализация сделала плотно сжатым и накрепко соединенным»²⁷⁷. И если гражданская война, тот самый гоббсовский Бегемот, характеризуется состоянием отсутствия в государстве порядка, который не может быть восстановлен, пока одна из соперничающих политических сил не возьмет верх, то и мировой порядок не может быть обеспечен, пока не будет сдержана иррациональная разрушительная сила терроризма. Как нам представляется, подобная борьба должна предполагать монолитность сил, противопоставленных терроризму. Речь идёт о тех силах,

²⁷⁷ Plesch D. Цит. по Beaumont P. America gears up for a new kind of war. // The Observer. 2002.

которые будут олицетворять господствующий порядок в случае своей победы. Об этом говорит и М. Уолцер в статье «Смена режима и справедливая война», указывая на необходимость равного участия всех сил в деле противостояния агрессору, каким бы он ни был: преступным режимом или повстанцем. Тем не менее, консолидации сил и формирования единого фронта пока не происходит, и вряд ли стоит ждать появления монолитного блока до организации унифицированного глобального правительства.

Как уже было замечено, абсолютизации вражды способствует и расширение индустриально-промышленного потенциала сторон, участвующих в столкновении. О техническом характере современного конфликта ярко пишет Э. Юнгер в статье «Война как внутреннее переживание»: «Воля к уничтожению в чистом виде проявляется посредством машины, смерть предстает в техническом облике... Никто не целится, каждый квадратный метр земли планомерно обрабатывается гранатами»²⁷⁸. Техника предоставляет людям идеальные средства уничтожения. В эпоху технической и политической тотальности истребительный потенциал оружия увеличивается вместе с ростом населения. И эти средства применяются не только традиционными регулярными армиями. Участники ассиметричных конфликтов обеспечивают себя самым мощным вооружением, что помимо всего прочего предполагает также и дискуссию о значении экономической составляющей современных конфликтов.

Совокупность указанных факторов делает безосновательной идею установления мира во всем мире посредством упразднения регулярных армий. «Прекращение огня не исключает продолжения

²⁷⁸ Юнгер Э. Война как внутреннее переживание. С. 42-43

вооруженного конфликта другими военными средствами, такими, как, например, террористические акты»²⁷⁹. Войны политических общностей, представляющих себя в первую очередь моральными и гуманными, оказываются войнами без какого-либо конца, заключение мира делается невозможным. Как утверждает Херфрид Мюнклер в статье «Приватизированное насилие: терроризм требует всё больше жертв среди гражданского населения»²⁸⁰, классическая война между государствами, как правило, происходила на полях сражений, а стремление прекратить кровопролитие было определяющей основой для установления последующего мира. Поэтому и у К. Клаузевица решающее сражение, напрягающее все силы обеих сторон, было кульминацией военного конфликта; далее шёл спад напряженности, обсуждение и подписание мира. Современный же мир пришёл к тому, что вместо боя ведётся кровавая резня, а вооруженное столкновение между солдатами заменено акциями насилия против гражданского населения. Согласно Х. Мюнклеру, если и существует способ установить мир, то он состоит не в акте заключения мирного договора, а в длительном процессе установления мира (Friedensprozesse). Не только непосредственные участники конфликта, то есть, в первую очередь, государство, но и заинтересованные экономические структуры должны понять, что в долгосрочной перспективе для них будет мирное положение, а не продолжающийся конфликт.

Теория справедливой войны, безусловно, должна принять во внимание вышеперечисленные характеристики современного политического процесса, с которыми ей неизбежно приходится

²⁷⁹ Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. С. 41.

²⁸⁰ Münkler H. Die neuen Kriege. Privatisierte Gewalt: Der Terrorismus fordert immer mehr zivile Opfer. // Tagblatt. 2002.

сталкиваться. Действительно, авторы современных концепций *bellum justum* уделяют рассмотрению конфликтов нового типа значительное место в своих работах. Наряду с этим, теории предстоит разрешить задачу практического применения нормативной концепции войны, а также адаптироваться к конфликтам нового типа. Сама по себе реставрация теории справедливой войны во многом была обусловлена необходимостью определить позицию западных государств к врагам и войнам нового типа. Принимая во внимание, что за минувшие сорок лет характер войны изменился в ещё большей мере, новые формы конфликтов требуют от концепции справедливой войны новых решений.

Последняя глава настоящего исследования посвящена анализу решения авторами теорий справедливой войны проблем, связанных с возможностью обновления самой концепции и её практической применимости к конфликтам нового типа. Представляется необходимым определить, как теория, предполагающая нормативное ограничение войны, используется для осмысления феноменов террористической деятельности, частных военных компаний и новой сферы войны – борьбы в киберпространстве. Именно в адаптации принципов теории *bellum justum* к современным конфликтам видится необходимый элемент её дальнейшего развития.

§ 2. Терроризм

Теории терроризма весьма многогранны и разнообразны, однако их объединяет общее ядро, которое позволяет судить о характере действий как о террористическом. Такая характеристика, по мнению Джин Бетке Элштейн, способствует проведению параллели между

терроризмом и концепцией справедливой войны²⁸¹. Тем не менее, это исключительно механическое сравнение, поскольку сам терроризм имеет мало точек соприкосновения с идеей нравственного ограничения насильственной деятельности.

Сложность определения понятия терроризма отмечают авторы исследования «Терроризм. Новый мировой беспорядок»²⁸² – Н. Фоушин, Б. Кашников и Дж. К. Лики. Как утверждают ученые, неоднозначность нашего понимания терроризма связана с рядом причин. Негативные коннотации, которые несёт этот концепт, заставляют террористов давать иные определения своей деятельности, представляя её попытками отстоять свободу или чем-то подобным. Большинство из них полагает, что «ведёт борьбу против агрессии, а поэтому обладает справедливой причиной»²⁸³. Кроме того, существует и лингвистическая проблема употребления терминов, связанных с темой смерти и насилия, а также проблема трансформации восприятия врага, каждая из которых приводит к тому, что любое силовое действие может быть описано через обращение к понятию терроризма²⁸⁴.

Террористическая деятельность разнообразна в своих формах и мотивах. Так, трудно сравнить русский терроризм XIX столетия с действиями Аль-Каиды в наши дни. Согласимся с Б. Н. Кашниковым, который в статье «Природа террористического действия. Проблемы и примеры» полагает более полезным «вести речь не о терроризме, а о

²⁸¹ Elshtain J. B. *Just War Against Terror: The Burden Of American Power In A Violent World*. New York: Basic Books, 2003. P. 19.; Elshtain J. B. *Terrorism, Regime Change, and Just War: Reflections on Michael Walzer* // *Journal of Military Ethics*. Vol. 6. № 2. 2007. P. 131.

²⁸² Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. *Terrorism. The New World Disorder*.

²⁸³ *Ibid.* P. 120.

²⁸⁴ *Ibid.* P. 1-2.

террористическом действии»²⁸⁵. Террористическое действие – это социальный акт, успешность которого зависит от произведённой им степени разрушения и страха - основной цели терроризма. Дэвид Л. Перри из Военного колледжа Армии США в г. Карлисле [уверен, может Карлайл какой-нибудь?] замечает, что «*террор – это не акт сам по себе и, строго говоря, не тактика, как многие заявляли: это эмоциональное состояние*»²⁸⁶. Кроме того, террористическое действие включает в себе боевую и пропагандистскую практику. Таким образом, терроризм – это новая форма войны, появившаяся в эпоху, когда государство утратило монополию на насилие, позволив социальным группам самостоятельно бороться за свои права силовыми методами. Это иррегулярная война или, перефразируя К. Клаузевица, война, которая ведётся иными средствами.

Определённая подобным образом террористическая деятельность может быть классифицирована в соответствии с типологией социальных действий М. Вебера, несколько дополненной для более точного соответствия реалиям современной политики. В таком случае можно разграничить следующие виды терроризма: аффективный, религиозный (или традиционный), идеологический, рациональный и гипертерроризм²⁸⁷. Общим местом террористической деятельности называют целенаправленное насилие по отношению к мирному

²⁸⁵ Кашников Б. Н. Природа террористического действия. Проблемы и примеры / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов. В 2 ч. Ч. 1. Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. С. 11.

²⁸⁶ Perry D. L. Ambiguities in the 'War on Terror' // Journal of Military Ethics. Vol. 4, № 1. 2005. P. 44.

²⁸⁷ Кашников Б. Н. Природа террористического действия. Проблемы и примеры. С. 12-17

населению²⁸⁸ и правительственным силам. К наиболее распространённым формам относятся последние три, которые, однако, значительно различаются между собой. И если рациональный и идеологический терроризм связан с защитой определённых этических позиций, то гипертерроризм, как новейший вид конфликта эпохи постмодерна, «нацелен на изменение... всего международного порядка»²⁸⁹.

Важно также отметить, что развитие терроризма стало возможным именно в прошлом столетии. Современное общество, с одной стороны, крайне индивидуализировано; с другой стороны, развитие техники и средств массовой информации значительно упрощает процесс распространения, по сравнению с тем, что было ранее. Именно поэтому терроризм, который не может существовать без подробного публичного освещения террористических акций, стал столь эффективен и широко распространился.

Н. Фоушин, рассуждая о двух типах теории справедливой войны, пытается реконструировать применение критериев *jus ad bellum* и *jus in bello* сторонникам иррегулярной силы, освобождая их от следования некоторым принципам²⁹⁰. Одна из основных характеристик терроризма состоит в том, что он не нуждается для собственной легитимации в обращении к принципам, сдерживающим насилие и ужас. Впрочем, это не означает, что каждая террористическая группа полностью освобождает себя от следования определённым нравственным принципам. Чаще всего террористы

²⁸⁸ Walzer M. *Just and Ujust Wars*. P. 203. Elshain J. B. *Terrorism, Regime Change, and Just War: Reflections on Michael Walzer*. P. 133.

²⁸⁹ László Kiss J. *Hyperterrorism and the Formation of the “New” International Order // Responses to Terrorism. Vol. II. In the Trap of Political Marketing*. Budapest: Mágustudió, 2006. P. 126

²⁹⁰ Fotion N. *War and Ethics: A New Just War Theory*. P. 116.

заявляют о приверженности определённому моральному кодексу и в некоторых случаях действительно руководствуются им.

Проблеме терроризма в контексте теории справедливой войны посвящены множество трудов, среди которых стоит особенно выделить работы С. Натансона «Терроризм и этика войны»²⁹¹, У. Штайнхофа «К этике войны и терроризма»²⁹², а также коллективные работы Н. Фоушина, Б. Кашникова, Дж. К. Лики «Терроризм. Новый мировой беспорядок»²⁹³ и «Терроризм: философские аспекты»²⁹⁴ под общей редакцией И. Примораца. Полезным также будет обращение к соответствующим разделам работ «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцера или «Война и этика» Н. Фоушина. Террористическая деятельность ставит перед сторонниками теории справедливой войны ряд острых вопросов. Возможно ли с помощью теории справедливой войны осмыслить терроризм как новую форму вооружённого конфликта? Следует ли признать соответствие некоторых форм террористической деятельности требованиям законов *bellum justum*? Или, если более конкретно, могут ли негосударственные субъекты претендовать на легитимное применение насилия, а также атаковать гражданское население? И можно ли в таком случае признать законными методы террористической деятельности или же следует согласиться с М. Уолцером в том, что подобная практика может быть полностью оправдана только в исключительных случаях, например, когда она оказывается реакцией на геноцид.²⁹⁵ Кроме того, встаёт вопрос нравственной и

²⁹¹ Nathanson S. *Terrorism and the Ethics of War*. Cambridge University Press, 2010.

²⁹² Steinhoff U. *On the Ethics of War and Terrorism*. Oxford University Press, 2007.

²⁹³ Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. *Terrorism. The New World Disorder*.

²⁹⁴ *Terrorism: The Philosophical Issues*. / Edited by Primoratz I. London: Palgrave, 2004.

²⁹⁵ Walzer M. *Terrorism: a Critique of Excuses / Aruing about War*. P. 54.

методологической оценки самой концепции справедливой войны. Означает ли, что соответствие террористической деятельности или отдельных её форм требованиям теории справедливой войны свидетельствует в пользу ошибочности или ограниченности этой теории?

Автор работы «К этике войны и терроризма» У. Штайнхоф указывает на то, что «согласно здравому смыслу, терроризм – это парадигма бессмысленного или, по крайней мере, совершенно незаконного, отвратительного насилия»²⁹⁶. Тем не менее, здравый смысл и общественное мнение не могут быть в должной степени убедительными, особенно в том, что касается философского рассмотрения проблемы. Теория справедливой войны не может отказаться от обращения к теме терроризма и должна дать ответы на поставленные выше вопросы.

Израильские специалисты по военной этике Амос Ядлин и Аса Кашер в резонансной статье «Военная этика борьбы с террором: точка зрения Израиля»²⁹⁷ предлагают расширить теорию справедливой войны путём разработки отдельной нормативной концепции борьбы с терроризмом, полагая террористическую деятельность абсолютно новой и неизученной²⁹⁸. Подобный вывод кажется чрезмерно радикальным и поспешным, что подтверждает дискуссия, развернувшаяся на страницах «Журнала военной этики» в 2005 году. Предложение Ядлина и Кашера создать специальную теорию справедливой войны для работы с терроризмом, вероятно, можно оправдать, уточнив, что израильские учёные говорят о терроризме

²⁹⁶ Steinhoff U. On the Ethics of War and Terrorism. P. 1.

²⁹⁷ Kasher A., Yadlin A. Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective // Journal of Military Ethics. Vol. 4. № 1. 2005.

²⁹⁸ Ibid. P. 6

общо, хотя рассматривают пример деятельности палестинских группировок против государства Израиль. Рассмотрение идеи специальной теории, освещающей проблемы столкновения государства и негосударственных террористических субъектов, что будет подчёркивать уникальность подобной практики, в любом случае не представляется необходимым. Как замечает по этому поводу профессор кафедры философии Американского университета г. Бейрута Б. Хайдар в статье «Этика борьбы с терроризмом и приоритет граждан»²⁹⁹, Ядлин и Кашер излишне усложняют теоретическое рассмотрение проблемы терроризма. «В ходе современной войны, особенно той, что ведётся в городских центрах, некомбатанты часто становятся главными жертвами»³⁰⁰, то есть террористические акции в этом плане мало чем отличаются от обычных конфликтов, и теория справедливой войны работает здесь, если она вообще применима к исследованию войны, так же, как и в остальных случаях.

Терроризм может быть определён как одна из форм военной деятельности. Таким образом, он не обладает той уникальностью, которую ему приписывают Ядлин и Кашер. В этой связи более полезным представляется проект Н. Фоушина, который предлагает отграничить войну с терроризмом, которую ведёт государство, от самой террористической войны. Каждому из этих двух типов борьбы соответствует своя теория справедливой войны, которых в итоге оказывается две: регулярная и иррегулярная. Сталкиваясь с субъектом международной политики, отношения с которым могут быть построены только по принципу силы, государство должно следовать принципам *jus ad bellum* и *jus in bello*. В случае асимметричной войны

²⁹⁹ Haydar B. The Ethics of Fighting Terror and the Priority of Citizens // Journal of Military Ethics. Vol. 4. № 1. 2005.

³⁰⁰ Ibid. P. 53.

допустимыми становятся некоторые изменения в формулировках этих принципов, в частности, санкционируются превентивные удары по группам мятежников или террористов. При этом, к представителям иррегулярных сил ряд принципов не должен применяться. Так, принцип легитимной власти, по мнению Н. Фоушина, может действовать только в отношении государства, в то время как террористические группировки освобождаются от него, поскольку просто не могут обладать должной степенью легитимности.

Вопрос о легитимной власти оказывается одним из центральных для авторов, исследующих возможность применения теории справедливой войны к террористической деятельности. Н. Фоушин связывает понятие легитимности с процессуально оформленным правом определённых институтов власти осуществлять политическое господство. Такое понимание легитимности как уникального статуса высшей политической власти, безусловно, не предполагает признания иррегулярных сил в качестве равноправных субъектов политических отношений.

Существует и противоположная позиция по этому вопросу. У. Штайнхоф полагает, что «каждый индивид обладает легитимной властью и правом объявлять войну другим индивидам или государству, при условии, что индивид ответственно подошёл к процессу принятия решения, то есть взвешенно и рационально рассмотрел все факты и моральные аспекты»³⁰¹. Сторонники подобной точки зрения не всегда разделяют радикальный подход У. Штайнхофа, однако сходятся в апелляции к ранним теоретикам либерализма, указывавшим на уникальную власть, которой обладает каждая личность, что в первую очередь относится к идее

³⁰¹ Steinhoff U. On the Ethics of War and Terrorism. P. 3.

индивидуального суверенитета Дж. Локка. С. Натансон, ссылаясь на пример Американской революции и последующего образования США, заявляет, что «негосударственные группы получают легитимную власть, когда могут обоснованно делать заявления от лица членов их общества»³⁰². А. М. Уолцер полагает, что поддержка населением деятельности повстанческих групп, которая продолжается в течение продолжительного периода времени может свидетельствовать в пользу легитимации такой группы. Очевидна необходимость согласиться с подобной точкой зрения, поскольку в противном случае правительства многих стран по сей день не получили бы признания, а статус государств, образованных в ходе освободительных войн, был бы неопределённым. Таким образом, можно говорить о снижении степени значимости принципа легитимной власти применительно к террористической войне. Впрочем, подобное решение нельзя считать окончательным и полностью удовлетворительным, коль скоро оно не снимает полностью проблемы признания статуса иррегулярного участника конфликта.

Наиболее же значимой проблемой, связанной с оценкой терроризма с позиций теории справедливой войны, остаётся вопрос иммунитета гражданского населения и запрет на убийство некомбатантов. Один из принципов *jus in bello*, принцип дискриминации или различения, состоит в требовании определения легитимных целей атаки, к которым относятся только лица, которых можно причислить к комбатантам, военная промышленность и средства коммуникации, обслуживающие армию. Н. Фоушин, хотя и предлагает освободить негосударственных субъектов от верификации

³⁰² Nathanson S. Terrorism and the Ethics of War. P. 123.

некоторыми принципами *bellum justum*, считает необходимым сохранить это жесткое требование по отношению к представителям иррегулярных групп. Легитимной целью повстанца или террориста могут стать военнослужащие, но не мирные граждане.

Стоит признать, что реализация этого принципа оказывается весьма затруднительной для военнослужащих, ведущих борьбу с нерегулярными группами, поскольку «идентифицировать комбатантов теперь не так легко; что не удивительно, поскольку всё чаще они лишены военной формы»³⁰³. Кроме того, многие авторы указывают на то, что само понятие комбатанта размывается, поскольку нередко в асимметричном конфликте население не участвует в вооружённой борьбе, однако оказывает поддержку мятежникам и террористам, предоставляя провиант или снабжая информацией. Подобная ситуация приводит к парадоксу, когда государство, стремясь защитить собственных граждан, вынуждено атаковать мирное население, среди которого могут находиться террористы или их сообщники. В то же время террористы вовлекают в свои атаки на гражданское население некомбатантов³⁰⁴. Этот парадокс накладывается на замкнутый круг ответственности за насилие. Террористы заявляют, что совершают свои нападения на мирное население, дабы устранили и отомстить за несправедливость, исходящую от правительства определённого государства или от целой цивилизации, регулярные силы дают вооружённый ответ, что вызывает новые атаки боевиков.

³⁰³ Allhoff F. The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism // *Journal of Military Ethics*, Vol. 8, No. 4, 2009. P. 266.

³⁰⁴ Meisels T. Combatants: Lawful and Unlawful // *Law and Philosophy*. Vol. 26. № 1, 2007. P. 31-65

Известную проблему представляет собой вопрос о возможности проведения мирных переговоров с террористическими группами, то есть о попытках решения конфликтов несиловыми способами. Государство, регулярная политическая общность, здесь находится в заранее невыгодном положении, поскольку иррегулярные силы заявляют о себе обычно при помощи насильственных акций. А такие обстоятельства с точки зрения теории справедливой войны предоставляют должную легитимацию ответным акциям с применением вооружённых сил³⁰⁵.

Наиболее адекватным ответом теории справедливой войны на проблему террористической деятельности может быть идея исключительности, под которой понимается, что «война с терроризмом... указывает на необходимость сделать исключения из традиционных норм»³⁰⁶. Асимметричные войны диктуют свои правила, которые заставляют теорию справедливой войны изменить аргументацию. Принципы *jus ad bellum* и *jus in bello* должны быть пересмотрены таким образом, чтобы создать условия для эффективной борьбы с терроризмом, в особенности санкционировать превентивные меры против возможных атак. Однако контртеррористическая война с необходимостью должна быть ограничена этической теорией, и ограничение это, вероятно, следует сделать более жёстким, поскольку в войну данного типа активно вовлекается мирное население.

§ 3. Частные военные компании

³⁰⁵ См., к примеру, Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory.

³⁰⁶ Allhoff F. The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism. P. 269.

Важной характеристикой современного политического момента следует также признать активную интеграцию экономических структур в публичную сферу. Как замечает директор центра безопасности и разведки XXI века Брукингского института П. В. Сингер, рассуждая о характере конфликтов нашего времени, «деньги, как мы знаем, в нашем мире обладают правом говорить громче, чем следовало бы»³⁰⁷. Значение крупных промышленных групп и транснациональных корпораций и то влияние, которое они оказывали на развитие международных отношений, стремительно увеличивалось на протяжении двух последних веков, рождая конспирологические концепции о тотальном контроле нескольких богатейших семей за всеми процессами, происходящими в мире. Хотя подобные рассуждения пока что стоит воспринимать с большой долей скептицизма, бесспорным остаётся факт активной интеграции экономических сил в политический процесс. Война становится всё более дорогостоящим предприятием, превращаясь из продолжения политики иными средствами в продолжение экономики. Так, согласно отчёту Центра стратегических и бюджетных оценок, стоимость содержания одного военнослужащего в Ираке в 2013 г. составляет 0,6 млн. долларов и 1,2 млн. долларов в Афганистане³⁰⁸. Сотни миллиардов долларов уходят на снабжение войск, что вызывает значительный интерес представителей самых различных отраслей экономики – не только военной промышленности, но и поставщиков продуктов питания, производителей бытовой химии и прочих товаров.

³⁰⁷ Singer P. W. The Ethics of Killer Applications: Why Is It So Hard To Talk About Morality When It Comes to New Military Technology? // Journal of Military Ethics. Vol. 9. № 4. 2010. P. 304.

³⁰⁸ Analysis of the FY2013 Defense Budget and Sequestration. P. 7
<http://www.csbaonline.org/publications/2012/08/analysis-of-the-fy2013-defense-budget-and-sequestration/>

Впрочем, война всегда была связана со стремлением решить не только политические, но и экономические задачи. Подобное рассуждение можно найти у Фихте: «благодаря торговым интересам возникают политические понятия, которые носят самый авантюристический характер, а из них - войны, истинное основание которых уже больше не скрывается, а открыто выставляется наружу»³⁰⁹. Бертран Рассел в XV главе своей работы по истории западной философии отмечает процесс начала доминирования экономических задач войны над политическими: «в настоящее же время интересы крупных дельцов повсюду настолько слились с интересами национальных государств, что положение существенным образом изменилось». Транснациональные корпорации если ещё не получили формального статуса легального участника международных отношений, той легитимной власти, которой требует один из принципов *just ad bellum*, безусловно, уже находят способы лоббирования собственных интересов в высших эшелонах власти.

Государство, теряя, таким образом, свой уникальный статус единоличного обладателя суверенитета власти, вынужденно или целенаправленно передаёт свои функции частным субъектам. Подобные изменения касаются как внутренней политики, когда обязанность поддержания порядка и безопасности отдаётся в ведение охранных предприятий, так и внешней – разведывательная служба и оборонительные задачи возлагаются на специализированные агентства. Бизнес-структуры, таким образом, встраиваются в

³⁰⁹ Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Его же. Сочинения в 2 тт. Т.1. – СПб.: Мифрил, 1993.

С. 311. Примечательно, что противоположную позицию по этому вопросу занимает И. Кант, который в трактате «К вечному миру» называет дух торговли причиной, которая заставляет народы, а поэтому и государства, содействовать установлению мира, устраняя угрозы войны.

политический процесс не только как субъекты, принимающие решения, но и как исполнители работы по защите национальных интересов. Одним из следствий этого процесса перехода военной отрасли из публичной сферы в частную стало появление частных военных компаний (ЧВК)³¹⁰. И хотя война всегда привлекала людей, стремящихся к наживе, подобные компании уникальны в плане превращения своей деятельности в настоящий бизнес-процесс.

П. В. Сингер определяет частные военные компании (PMC-private military companies) как «бизнес-организации, продающие профессиональные услуги, тесно связанные с войной... и специализирующиеся в передаче военных навыков»³¹¹. Подобные фирмы занимаются оказанием помощи странам, вооруженные силы которых недостаточно развиты. В первую очередь эта помощь состоит в проведении обучения и тренировок, участии в разработке тактических и стратегических планов или развёртывании разведывательной сети. Однако сотрудники ЧВК – частные военные контрактники – нередко принимают непосредственное участие в боевых действиях. Наибольшую популярность среди ЧВК получили такие фирмы, как Military Professional Resources Inc (MPRI), Blackwater, Stratfor, DynCorp и другие. Стремительные темпы вовлечения этих структур в вооруженные столкновения и применение частных разведывательных агентств (private intelligence agency) для сбора и анализа информации рождает немало проблем для международного права и теории справедливой войны.

Во-первых, ведётся оживлённая дискуссия о необходимости различения частных военных контрактников и наёмников.

³¹⁰ Singer P. W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. Cornell University Press, 2003. P. 6-8.

³¹¹ Ibid. P. 8.

Наёмничество с точки зрения международного публичного права запрещено Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, принятой резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи 4 декабря 1989 года. В частности эта Конвенция предполагает, что «государства-участники не вербуют, не используют, не финансируют и не обучают наемников для цели противодействия законному осуществлению неотъемлемого права народов на самоопределение... и принимают в соответствии с международным правом надлежащие меры по предотвращению вербовки, использования, финансирования или обучения наемников для этой цели»³¹². Для того чтобы лицо могло быть признано наёмником, оно должно соответствовать каждой из следующих характеристик:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

b) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

c) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

³¹² Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята в 1989.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml

d) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

e) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооруженных сил»³¹³.

Сайт Международного Комитета Красного Креста свидетельствует в пользу различия статуса наёмника и члена ЧВК: «для того, чтобы быть наемником, сотрудник частной военной или охраной компании должен удовлетворять такому большому количеству критериев, что на практике многие из них просто не подпадают под определение наемника... Более того, для того, чтобы удовлетворять критерию наемника, человек должен вовлекаться в работу с целью прямого участия в боевых действиях, и затем действительно принимать такое[в них?] участие»³¹⁴. Впрочем, последняя формулировка кажется не совсем конкретной. Её абстрактный характер вынуждает поставить вопрос, о том, что представляет собой процесс вовлечение в участие в боевых действиях. Сотрудники военной фирмы, скорее всего, не являются гражданами государства, участвующего в военной кампании, однако имплицитно они оказываются вовлеченными в войну. Кроме того, ЧВК получают прибыль за свою деятельность, и вряд ли стоит полагать, что их члены участвуют в конфликтах в силу приверженности некой идеологии. Так или иначе, сотрудники ЧВК в большей или меньшей степени удовлетворяют всем пяти критериям, выдвинутым ООН для определения наёмника. Следует помнить, однако, что за частным военным контрактником в настоящее время всё же закреплён

³¹³ Ibid.

³¹⁴ Ibid.

правовой статус официального участника вооружённого конфликта. Таким образом, они оказываются близки к обычным военным, «работают в государственных интересах, преследуют те же цели и следуют тем же планам, что и регулярные войска, хотя имеют большую свободу в выборе средств»³¹⁵. Кроме того, от обычного наёмничества ЧВК отличается своим характером – это «бизнес-структуры со всеми их необходимыми атрибутами, и насилие интересует их исключительно как товар или как условие получения прибыли»³¹⁶.

Частные военные компании появились благодаря продолжающемуся кризису традиционного государства. Как отмечает Б. Н. Кашников, государство, утрачивая своё исключительное право на насилие, «усиливается как элитарное государство новой номенклатуры, но слабеет как эгалитарное государство демократических ценностей»³¹⁷. Экономические игроки наступают на сферу публичного, что может в конечном итоге привести к поражению демократии, интересы которой в настоящий момент частные военные компании защищают. Но превратились ли бизнес-структуры в законных политических агентов и обладают ли ЧВК легитимной властью вступать в войну? Современное состояние государства и теории справедливой войны не даёт им такого права. Государства всё ещё довольно сильны и не готовы делиться полностью своей властью, хотя бы в области реализации политического процесса. ЧВК служит государству, помогая защитить его собственные национальные интересы. Однако вопрос о том, как быстро

³¹⁵ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 6.

³¹⁶ Кашников Б. Н. Частные военные компании как морально-политическая проблема современности. С. 62.

³¹⁷ Ibid. С. 70.

коммерческие структуры, пришедшие в сферу войны, наберут достаточную силу для независимой деятельности, остаётся открытым.

Кроме того, значительное внимание уделяется проблеме моральной оценки членов ЧВК. Военные фирмы – это экономические агенты, нацеленные на максимизацию прибыли, поэтому нередки случаи, когда они халатно относятся к возложенным на них обязанностям, а также не разделяют те ценности, которые пытается защитить при помощи силы нанявшее их государство. Сотрудники ЧВК, благодаря своему размытому статусу, оказываются наделёнными большей свободой, нежели члены регулярных сил. Подобное положение позволяет им менее бережно относиться к исполнению требований принципов нормативной теории войны, нарушая её законы. Примечательным является пример, который приводит П. В. Сингер в статье «Этика средств уничтожения: почему так трудно говорить о морали, когда речь идёт о новых военных технологиях»³¹⁸. Сотрудники одной из частных военных компаний были причастны к преступлениям в тюрьме г. Абу-Грейб, однако, в то время как служащие регулярных частей были преданы суду и понесли наказание, члены ЧВК не были призваны к ответственности. Любое лицо, принимающее непосредственное участие в вооружённом конфликте должно быть наказуемо за нарушение норм права и этики. Как говорит об этом Е. Т. Барретт: «гражданские лица ослабили свой онтологический статус, будучи вовлечёнными в деятельность организации с агрессивной целью, и, вероятно, могут быть подвергнуты нападению даже не при исполнении служебных

³¹⁸ Singer P. W. The Ethics of Killer Applications: Why Is It So Hard To Talk About Morality When It Comes to New Military Technology? P. 304.

обязанностей»³¹⁹. В противном случае теории справедливой войны пришлось бы признать возможность двойного прочтения своих положений, в особенности столь важного принципа различения. При этом, однако, стоит отметить и факты ответственного и доблестного поведения сотрудников некоторых компаний на полях сражений Ирака и Афганистана³²⁰.

Участие частных военных контрактников в конфликте поднимает вопрос о необходимости пересмотра принципа различения *jus in bello*. Сотрудника ЧВК следовало бы признать некомбатантом, а значит, исключить из списка легитимных участников столкновения и легитимных целей для противника.

Наиболее сложной проблемой, связанной с ЧВК, следует признать парадокс о зависимости этих организаций от войны. Компании создаются, чтобы участвовать в конфликтах, и тем самым зарабатывать деньги, что делает скорейшее завершение войны невыгодным. Руководители ЧВК, как правило, имеют связи с представителями политического руководства государств и специальных служб, что позволяет им оказывать влияние на принятие решения о проведении военной кампании, её сроках и содержании.

§ 4. Кибервойна

Помимо политических процессов непосредственное влияние на характер войны оказывает и постоянная модернизация технических средств. Речь здесь идёт не только о совершенствовании средств

³¹⁹ Barrett E. T. Warfare in a new domain: the ethics of military cyber-operations // *Journal of Military Ethics*. Vol. 12. № 1. 2013. P. 12.

³²⁰ Подробнее об этом см. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. В частности Гл. 6. С. 45-47.

уничтожения или получения информации. Одно из наиболее революционных изменений самой сути военных конфликтов связано с появлением нового пространства войны. В своё время настоящим прорывом было открытие для сражений моря, а затем через несколько веков и даже тысячелетий подчинённым оказался подводный мир и воздух, и вот на рубеже XX и XXI столетия государства обнаружили для себя новую сферу борьбы. Стремительное развитие цифровых технологий, сопровождающих современного человека повсеместно, изменило привычный образ жизни простых людей и, естественно, не могло не оказать влияния на международные отношения. Информационные технологии представляют собой возможность коммуникации совершенного нового уровня, хотя помимо этого на них возлагается функция упорядочивания и хранения данных. Несмотря на то, что само понятие информации всё ещё представляет отдельную исследовательскую проблему, столкновения в информационном мире уже оказываются реальными. Человек, таким образом, открыл пятую сферу войны – киберпространство. И пусть пока что кибервойска применяются для решения конкретных тактических задач, вполне возможно их стратегическое использование в самом ближайшем будущем.

Развитие информационных технологий сопряжено с необходимостью решения ряда этических вопросов, таких, как проблема безопасности персональных данных и в целом защиты собственности и приватности личной жизни. Поскольку изучение данных вопросов должно стать темой отдельного исследования, следует остановиться только на проблеме кибервойны, поставившей совершенно новые политические и моральные вопросы. Необходимость философского осмысления этой проблемы

подтверждает и тот факт, что основной печатный орган мыслителей, развивающих теорию справедливой войны, «Журнал военной этики», посвятил отдельный выпуск именно теме кибервойны³²¹. Вновь обратившись к вводной статье приглашённого редактора Б. Дж. Стравсера можно определить основные вопросы, связанные с нормативной теорией в контексте кибервойны, следующим образом.

Какие нравственные принципы должны быть применены для определения статуса кибероружия, способного атаковать компьютерную систему, находящуюся на противоположном конце мира? Можно ли признать подобную атаку равнозначной обычному физическому нападению на живую силу противника или следует говорить о подобной акции как о факте шпионажа? Оказывается ли ущерб, нанесённый кибератакой, достаточным, чтобы считаться веской причиной войны? Как влияет на характер конфликта размытие статуса врага, которого зачастую почти невозможно идентифицировать³²²?

Безусловно, это всего лишь вводные положения, указывающие на целый комплекс проблем, связанных с борьбой в виртуальном пространстве, однако их анализ позволяет получить представление о возможности применения теории справедливой войны к кибервойне. Кибервойна пока остаётся теоретически малоосмысленным явлением. СМИ периодически публикуют сообщения об угрозах из Китая или Северной Кореи, объявляя кибератаки даже большей опасностью, нежели терроризм³²³. Одними из первых ввели понятие кибервойны в дискурс политической философии Дж. Арквилла и Д. Ронфельдт в

³²¹ Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.

³²² Strawser B. J. Guest editor's column. P. 1-2.

³²³ Dilanian K. Cyber-attacks a bigger threat than Al Qaeda, officials say // Los Angeles Times. 12 March 2013.

статье 1993 г. «Кибервойна приближается!»³²⁴ и затем в книге «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступности и воинственности»³²⁵. Стоит также отметить работы Ричарда А. Кларка и Роберта Кнаке «Кибервойна: ближайшая угроза национальной безопасности и что с этим делать»³²⁶ и «Таллинское руководство по международному праву по отношению к кибервойнам»³²⁷. В первую очередь следует обратиться к материалам авторов «Журнала военной этики», чей интерес к теме кибервойны подтверждает превращение цифровой сферы в одну из важнейших областей решения конфликтов.

Применение принципов теории справедливой войны к конфликтам в цифровом мире должно учитывать специфику пространства, в котором ведётся борьба. Принцип правого дела в контексте кибервойны приобретает новые трактовки. Так, Эдвард Т. Барретт³²⁸ из Военно-морской академии США обращается к проблеме множественности причин, поставленной Н. Фоушином, поскольку кибератаки, как правило, представляют собой точечные удары, необходимо определить, могут ли они по отдельности или в своей совокупности санкционировать объявление войны. Можно выделить несколько характерных направлений кибервойны. Полезным представляется разделение на кибершпионаж, то есть сбор информации без причинения вреда программному обеспечению

³²⁴ Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar Is Coming! // Comparative Strategy. Vol. 12. № 2. 1993. P. 141-165.

³²⁵ Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and netwars: the future of terror, crime, and militancy. Santa Monica, Ca: RAND Corporation. 2001.

³²⁶ Clarke R. A., Knake R, Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. NY, HarperCollins, 2010.

³²⁷ The Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. General editor Michael N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.

³²⁸ Barrett E. T. Warfare in a new domain: the ethics of military cyber-operations. P. 4-17.

противника, и кибератаки, подразумевающие собой выведение из строя или полное уничтожение информационных сил врага.

Кибершпионаж состоит обычно в попытках заполучить секретные сведения, связанные с национальной безопасностью или экономическими тайнами, раскрытие которых подрывает инфраструктуру государства. Соответственно, в контексте принципа правого дела должен быть поставлен вопрос о том, может ли множество актов шпионажа, каждое из которых, не было бы достаточно веской причиной применения силы, оправдать вступление в войну? Кибератаки в свою очередь нацелены на выведение из строя компьютерных систем противника. Такая атака может уничтожить не только программное обеспечение и сорвать работу каналов коммуникации, но и разрушить сами компьютерные системы, то есть речь идёт о фактически физическом нападении на материальные объекты. В данном случае также встаёт вопрос о признании фактов нанесения ущерба собственности в качестве веского основания для справедливой войны. Кроме того, как замечает Э. Т. Барретт, известную долю проблемы составляет упреждающие действия самообороны в IT-среде. Применение вредоносного программного обеспечения или так называемых логических бомб всё же относится к оружию несмертельного действия (*non-lethal weapon*); вызывает сомнения, допустимо ли на подобные акции отвечать при помощи обычного оружия. Барретт сравнивает средства киберборьбы с ядерным оружием, указывая на тот факт, что само по себе «обладание ядерным оружием никогда не рассматривалось как *casus belli*»³²⁹.

Отвечая на первый вопрос, вслед за Э. Т. Барреттом следует признать, что подобная активность сама по себе не может считаться

³²⁹ Ibid. P. 6.

достаточным основанием для вооружённого ответа. Однако, если кибершпионаж, подрывающий силы неприятеля, проводится в рамках общего военного наступления, силовой ответ на такие действия будет допустимой мерой. Кибершпионаж, таким образом, удовлетворяет требованиям принципа множественности причин Н. Фоушина и может рассматриваться в качестве одной из ряда веских причин, санкционирующих войну. Тем не менее, сам по себе такой вид шпионажа, видимо, ничем не отличается от прочих видов разведывательной деятельности, которая ведётся в отношении любого государства постоянно и всё же не приводит к развязыванию войн, представляет собой лишь одну из необходимых в той или иной степени мер международно-политических отношений.

Кибератаки, результатом которых оказывается лишь выведение из строя компьютерных сетей, временное или постоянное, могут рассматриваться аналогично предыдущему случаю в качестве одной из причин, складывающихся в совокупность веских причин войны. Однако кибератака может привести и к повреждению аппаратов поддержания жизни, то есть привести к летальному исходу, к физическому уничтожению сил противника. Очевидно, что подобное нападение соответствует требованиям правого дела и может быть веским основанием для войны при удовлетворении всех прочих принципов *jus ad bellum*. Таким образом, с точки зрения этики определяющей категории становится результат кибератаки, а не её непосредственное содержание или продолжительность.

Упреждающая киберактивность близка к кибершпионажу, а следовательно, и оценка подобной активности с точки зрения нормативной теории близка к оценке случая киберразведки. Сама по себе разведывательная деятельность в киберсреде не может

трактоваться как акт, санкционирующий ответное нападение. Но упреждающая или превентивная IT-деятельность может парализовать функционирование узлов, сбой в работе которых приводит к катастрофическим последствиям и потерям в живой силе. Таким образом, борьба с упреждающей самообороной в киберпространстве может рассматриваться в качестве действительного правового дела.

Кибервойна нередко оказывается асимметричной, что осложняет реализацию принципа легитимной власти по отношению к ней. Атаку на компьютерную систему государства может осуществить частное лицо, которое не состоит на службе другого государства или не принадлежит к какой-либо организации. Э. Т. Барретт рассматривает подобную акцию как явно несправедливую. Впрочем, здесь можно принять во внимание концепцию двух теорий справедливой войны Н. Фоушина, которая как раз предполагает освобождение иррегулярной стороны от прохождения верификации на соответствие требованиям принципа легитимной власти. Предельным случаем этого примера может быть атака, проведённая самим искусственным интеллектом в результате сбоя в его работе и не запланированная специально. Этот аспект кибервойны создаёт проблемы не только для военной этики, но и военного права.

Кибероперации подлежат также и рассмотрению с перспективы принципов *jus in bello*: пропорциональности и различия, а также проблемы военной необходимости. Наиболее активная дискуссия ведётся, естественно, по второму, наиболее важному принципу. Военные и гражданские сети плотно связаны между собой, поэтому проведение различия между легитимными (военными) и нелегитимными целями в кибервойне крайне затруднено и случаи дискриминации и атаки на гражданские сети, очевидно, будут

происходить регулярно. Как утверждает Э. Т. Барретт, наше знание о том, как распространяется информация по компьютерным сетям всё ещё ограничено, кибератака может привести к поражению значительного сегмента сети, парализовать работу компьютерной системы целой страны или континента. В настоящее время наше знание о силе и последствиях применения кибероружия условно может быть сопоставлено с пониманием силы ядерного оружия в момент атаки на Хиросиму и Нагасаки, то есть знанием весьма ограниченным. Сама киберсреда создаётся человеком, что означает наличие в ней ряда ошибок, влияющих на точность кибератак. А значит, последствия кибератаки не всегда поддаются прогнозированию. В свою очередь, обычное оружие, несмотря на степень его развития, в настоящее время оказывает поражающее действие на относительно ограниченный район³³⁰. С другой стороны, точность кибератак продолжает совершенствоваться, а само нацеливание будет проводиться с гораздо большей аккуратностью, нежели в случае удара оружием массового поражения, что скажется на снижении потерь со стороны мирного населения.

Особенный характер кибервойны заставляет большинство учёных поднять вопрос о проблеме атрибуции (attribution problem) в этом виде конфликта. Кристофер Дж. Эберле в статье «Справедливая война и кибервойна» следующим образом описывает проблему атрибуции: «Когда танки катятся через границу, обычно это в равной степени понятно, что они сделали это и чьи это танки... Кибератака может проходить через множество серверов во множестве стран, и власти этих стран, подвергшихся интервенции, могут не суметь или не пожелать помочь определить исходный источник атаки, и поэтому

³³⁰ Ibid. P. 10.

даже технологически продвинутая жертва может оказаться не в состоянии достоверно соотнести атаку с преступником»³³¹. И хотя, как замечает Э. Т. Барретт, существуют случаи внезапных нападений, силы, участвующие в них, известны и явно определены.

Проблема может быть сведена к исключительно технической задаче определения того, как по данным IP и логам Интернет-провайдеров вычислить изначальную точку распространения вредоносного программного обеспечения. При этом, с точки зрения этики характер затруднения не меняется. Действительно, совершенствование информационных технологий ведёт к тому, что атаки через компьютерные сети ведутся крайне скрыто и молниеносно, а возможный их итог в виде физического уничтожения инфраструктуры делает крайне затруднительным идентификацию атакующего лица.

Согласно концепции М. Уолцера в подобной ситуации, когда невозможно наверняка и однозначно определить врага, единственным возможным решением для жертвы атаки оказалось бы признание своего поражения. С этим мнением соглашается и К. Дж. Эберле, который предполагает, что хотя государство, подвергшееся атаке, не имеет возможности отследить агрессора, что влияет некоторым образом на его действия, всё же не принимает необходимость отказа от борьбы. По его мнению, жертва кибератаки вероятнее всего будет стремиться нанести удар по её источнику. Невозможность с точностью определить агрессора делает затруднительной апелляцию к принципу правого дела. К этому стоит добавить, что не удовлетворяется и принцип различения, коль скоро нет очевидного понимания той группы, которая совершила нападение. Однако, как

³³¹ Eberle C. J. Just War and Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013. P. 56.

замечает К. Дж. Эберле, требования теории справедливой войны жёстки, но однозначны: «если мы подверглись несправедливой кибератаке и не можем наверняка связать её с конкретным правонарушителем, нам всё же нравственно запрещено отвечать, нападая на подозреваемый источник атаки»³³². Мы можем отвечать только на действия тех агрессоров, чья вина очевидно доказана, в прочих случаях, когда технически идентифицировать врага не представляется возможным, наше стремление дать отпор блокируется. Государство, таким образом, оказывается в парадоксальной ситуации, когда, с одной стороны, оно не имеет легитимного права нанести ответный удар, с другой стороны, оно не может удержаться от какого бы то ни было ответа.

Нередко в кибератаке оказываются задействованными ресурсы третьего государства, хотя само по себе это государство не участвует в атаке и не подвергается нападению. Более того, владельцы компьютеров в этой третьей стране могут и не знать о происходящем. Однако, как полагает Рендел Р. Диперт из Университета штата Нью-Йорк в Буффало, в подобном случае киберресурсы третьего государства оказываются «этически легитимной целью, если это государство виновно в неаккуратности, повлекшей за собой возможность использования этих ресурсов для атаки одного государства на другое»³³³. Однако подобное действие легитимируется только посредством выполнения требования крайнего средства, то есть, до того, как оказать воздействие или использовать ресурсы третьего государства, необходимо провести предварительную работу. Третьему государству может быть предложена техническая помощь

³³² Ibid. P. 57.

³³³ Dipert R. R. Other-than-Internet (OTI) Cyberwarfare // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013. P 39.

для предотвращения атак в будущем или в развёртывании а системы киберзащиты.

Этим не исчерпываются затруднения, вызванные невозможностью точного определения источника кибератаки. Так, Р. Р. Диперт считает, что проблема атрибутивности, помимо того, что сопряжена с трудностью нанесения контрудара в ответ на кибератаки, служит «препятствием всякой политике сдерживания кибервойны»³³⁴. В случае размытости самого понятия врага оказываются недействующими не только основные категории теории справедливой войны, но и принцип талиона, который во многом обуславливает эти категории. Если невозможно реализовать политику сдерживания посредством применения простейшего принципа «зуб за зуб», то, вероятнее всего, обернутся провалом и более сложные меры.

Среди наиболее значительных акций кибервойны следует выделить масштабную акцию кибершпионажа со стороны Агентства Национальной Безопасности США, направленную против организаций ЕС, а также кибератаки посредством распространения вируса Stuxnet, обнаруженного в 2010 г., и нападение на компьютерные системы Эстонии весной 2007 г. Рассмотренные примеры раскрывают сущность наступательного кибероружия и проблемы, связанные с вопросами этики в данной сфере. Кибершпионаж в этой связи занимает обособленное место, что позволяет сконцентрироваться на анализе кибератак. Если признать, что соответствующие нападения были санкционированы властями, необходимо принять во внимание и факт наличия агрессии без объявления войны. Кроме того, до сих пор точно не известны лица или организации, принимавшие решения о проведении атак и

³³⁴ Ibid. P 38.

реализовавшие их. Таким образом, нельзя говорить о соответствии этих акций принципам теории справедливой войны. В обоих случаях не выполняются требования принципа правого дела и принципа добрых намерений. Ни Эстония, ни Иран, который, вероятно, был конечной целью распространения Stuxnet, не вели агрессивно и не представляли собой достаточно серьёзную угрозу. Эти атаки, во всяком случае, акция против Эстонии, вызванная переносом монумента Павшим во Второй мировой войне, могли иметь под собой стремление отомстить за поправленную честь и ответить на несправедливость или же заявить о силе атакующих. Однако подобная мотивация сама по себе не признаётся в теории справедливой войны в качестве веского основания для силового решения проблемы. Принцип крайнего средства также нарушается, поскольку атаки были проведены без предъявления публичных обвинений, проведения переговоров или выставления дипломатических нот. Принципы пропорциональности и вероятности успеха можно считать реализованными, поскольку полученные выгоды явно превысили затраты на проведение кампаний, а сами эти атаки были в определённой мере успешными. Тем не менее, соответствие требованиям только этих двух принципов не может свидетельствовать в пользу справедливости всей войны. Наконец, до сих пор невозможно установить точно, кто был инициатором кибератак: правительственные организации, то есть официальные власти, или частные лица. В любом случае, та скрытность, с которой были проведены нападения, свидетельствует в пользу дискриминации принципа легитимной власти.

Приведённые примеры кибератак соответствуют требованиям лишь двух из шести принципов *jus ad bellum*. Что же касается *jus in*

bello, то, вероятнее всего, принцип пропорциональности был удовлетворён и применённые в ходе атак средства не оказали чрезмерно разрушительного эффекта. В то же время в обоих случаях явно был игнорирован принцип дискриминации. В атаке на Эстонию пострадали не только сети правительственных организаций, но и системы частных предпринимателей, не имеющих отношения к национальным вооружённым силам. Аналогичная ситуация была и в случае с вирусом Stuxnet. Атаки не были нацелены исключительно на военные цели. Скорее всего, нападавшие намеренно стремились повредить как можно большее число систем, в том числе и частных, с тем, чтобы замаскировать атаку, хотя на этот счёт существует и противоположное мнение. Так, Райан Дженкис из Колорадского университета в Боулдере полагает, что пример Stuxnet убеждает в том, что «кибероружие может способствовать сокращению побочного ущерба»³³⁵. По мнению Р. Дженкиса программа действовала довольно мягко, поражая лишь определённые компьютеры, то есть была хорошо нацелена. При этом, невозможно отрицать факт поражения и частных компьютеров, находившихся в собственности тех людей, которых признали бы в обычных условиях некомбатантами и распространили бы на них одно из основных требований запрета нападения на мирных граждан.

Акты, подобные атакам на Эстонию и распространению вируса Stuxnet, не могут быть признаны справедливыми и обоснованными с точки зрения теории справедливой войны в тех формах, в каких она представлена сейчас. Если и можно представить себе операцию, отвечающую требованиям *jus in bello*, то соответствия *jus ad bellum* в контексте кибервойны добиться трудно. Кибератака, очевидно, имеет

³³⁵ Jenkins R. Is Stuxnet Physical? Does it Matter? // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013. P 74.

смысл, пока хранится в тайне составляющие кода, используемого для нападения. Как указывают многие исследователи, кибероружие лишено физического воплощения³³⁶, следовательно попадание программы, предназначенной для атаки или обороны, в открытый доступ будет означать разрушение этого оружия. Таким образом, кибератака всегда должна проводиться скрытно, без публичного заявления о нападении и предварительных переговоров. В этом состоит жёсткая сторона кибероружия, которая, возможно, перевешивает мягкие стороны. Как замечает Дж. Арквилла, подобные условия, а также риски эскалации более масштабного конфликта, вызванные кибератаками, заставляют задуматься об ограничении применения кибервойны³³⁷. Тем не менее, борьба в цифровой сфере уже стала реальностью, новой формой межгосударственных столкновений. Одна из важнейших задач, стоящих перед политическими мыслителями, заключается в адаптации нормативной теории к меняющимся условиям, к новым формам конфликтов, а также в переводе войны в киберпространстве в сферу этики.

Рассмотренные выше проблемы представляют собой лишь пример возможности приложения теории справедливой войны к конфликтам современности и анализа предложенных в этой связи решений и возникающих проблем. Принимая во внимание разнообразие форм вооружённых конфликтов в настоящее время, теоретикам справедливой войны ещё предстоит изучить и охарактеризовать каждый из них. Помимо всего прочего, одна из основных задач, стоящих перед концепцией справедливой войны, заключается в теоретическом осмыслении меняющейся политической

³³⁶ Ibid. P 69.

³³⁷ Arquilla J. Twenty Years of Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013. P. 82.

сферы и выработке в случае необходимости новых принципов, ограничивающих вооружённое насилие.

Разрушение пост-Вестфальского государства уже началось. Исследование того, исчезнет ли оно совсем, раздробившись на мелкие обособленные группы, или продолжит своё существование в такой переходной форме, а также каковы будут последствия подобной политической трансформации – отдельная проблема, рассмотрение которой выходит за рамки настоящей работы. Развитие техники также продолжается непрерывно, что, бесспорно приведёт к разработке новых видов вооружения, и, поскольку техника и война всегда были диалектически связаны, неизбежно вызовет появление новых типов конфликтов.

В своей совокупности все эти факторы способствуют, очевидно, эскалации вооруженных конфликтов и делают войну областью крайне сложной для однозначного определения. Сейчас мы пребываем в ситуации, когда традиционные средства сохранения мира и способы оберегания и ограничения войны устарели. Нам требуется либо реставрировать их и адаптировать к условиям современности, либо выработать новую систему сдерживания. До того, как эта задача будет решена (если только её решение возможно), значительным будет оставаться спрос на насилие со стороны не только государств, но и новых политических акторов – экономических сообществ и негосударственных субъектов.

Заключение

В рамках поставленных целей и определённых задач исследования был проведён историко-философский анализ теорий справедливой войны второй половины XX в., разработанных М. Уолцером, Н. Фоушином и П. Кристофером. Одним из основных выводов нашего исследования следует признать возможность и необходимость изучения авторов теорий справедливой войны не как представителей единой школы, но как сторонников общей парадигмы, каждый из которых развивает оригинальные подходы к аргументации и обоснованию своих концепций. Иными словами анализ теорий *bellum justum* требует отказа от их рассмотрения как единой гомогенной концепции. В этой связи обращение к указанным авторам позволяет получить представление об основных направлениях развития современных концепций справедливой войны.

Теория справедливой войны оказалась востребованной во второй половине XX в. по ряду причин. Во-первых, актуализации концепции *bellum justum* способствовал кризис государства, которое столкнулось с новыми политическими силами - негосударственными субъектами. Во-вторых, стоит отметить то неудовлетворительное состояние, в котором находилась теория политического реализма, которая после изменения структуры международной политики не могла более давать действенные решения возникающим проблемам. В-третьих, упадок логического позитивизма привёл к возобновлению интереса к этическим теориям и превращению дискурса справедливости в основной дискурс политической философии³³⁸.

³³⁸ Подробнее об этом см. Куманьков А. Д. Теория справедливой войны: причины актуализации концепции // Журнал Философов Славянских Стран „ΣΟΦΙΑ”. – 2013. – № 13. (в печати).

Вследствие указанных причин теория справедливой войны оказалась в благоприятном идейном климате, стала активно развиваться и превратилась со временем в ведущую нормативную теорию войны. Теоретики справедливой войны стремятся не только зафиксировать наличие кризиса международных отношений и структурных изменений внутри государства, но и предлагают пути решения существующих проблем. Н. Фоушин видит практический смысл нормативного подхода к войне в «руководстве нашими действиями, когда война становится неизбежной... и также когда она уже началась»³³⁹. В обоих случаях теория справедливой войны предоставляет набор принципов, которые позволяют судить о том, можно ли признать решение вступить в конфликт нравственно обоснованным, или же оценить нравственную допустимость тех или иных способов ведения войны.

Своеобразным центром, вокруг которого начался новый этап развития теории справедливой войны, стала работа М. Уолцера «Справедливые и несправедливые войны». В ней сконцентрированы основные положения, которые представляют собой ядро концепции *bellum justum*. Кажущаяся монолитность в теории справедливой войны объясняется консолидацией мыслителей вокруг этого ядра. Работа «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцера стали отправной точкой, с которой многие авторы полемизируют, но не могут обойти её вниманием. В *magnum opus* М. Уолцера, как и иных рассмотренных нами трудах, прослеживается одна общая тенденция, характеризующая состояние современных теорий справедливой войны. Связь этих концепций с классикой доктрины *bellum justum* весьма условна, их философская составляющая ориентируется в

³³⁹ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. vii

первую очередь на утилитаристскую и прагматистскую этику, а также концепцию прав человека Дж. Локка. Кроме того, идея автономии нравственного действия понимается многими теоретиками как важнейшая характеристика, позволяющая говорить о возможности наложения ограничений на войну. Вне зависимости от того, утверждается ли вражда в качестве естественного свойства межличностных отношений или понимается как необходимый элемент политического состояния людей, авторы теории справедливой войны постулируют присущее человеку чувство нравственности. Человек действует нравственно не потому, что является сторонником той или иной этической доктрины, но из-за обладания естественным стремлением поступать нравственно. Из этой идеи нравственности возникает необходимость ответственности человека перед другим таким же человеком и миром, стремление ограничить степень интенсивности и жестокости конфликтов.

Как было показано в первой главе нашего исследования, рассмотрение теории справедливой войны невозможно безотносительно анализа иных нормативных концепций войны. Теоретики справедливой войны отвергают радикализм милитаризма, развивают идею борьбы за мир пацифизма, хотя и указывают на приемлемость силового способа ведения этой борьбы, а также преодолевают недостатки политических реалистов, отказывавшихся рассматривать войну с позиций этики. Это не делает теорию справедливой войны идеальной теорией, лишённой недостатков, однако позволяет её сторонникам создавать довольно гибкие концепции, положения которых могут применяться в практике международной политики.

Вторая глава нашей работы была посвящена анализу современного состояния теорий *bellum justum*. Были рассмотрены концепции М. Уолцера, Н. Фоушина и П. Кристофера, каждая из которых определяет наиболее характерные направления развития теорий справедливой войны. М. Уолцер отказывается от апелляции к какой бы то ни было крупной этической программе, однако использует одновременно утилитаризм действия и правила, консеквенциализм и легалистскую программу. Позиция Н. Фоушина может быть определена как более прагматистская. Американский философ развивает две теории справедливой войны: регулярную, которая применяется для работы с классическими межгосударственными войнами, и иррегулярную, оценивающую столкновения с негосударственными субъектами. В свою очередь подход П. Кристофера к теории справедливой войны может быть обозначен как традиционалистский. П. Кристофер ориентируется в своей концепции на традицию теории справедливой войны и международного права, активно ссылаясь на Г. Гроция и Г. Харта. При этом Кристофера характеризует стремление развести *jus ad bellum* и *jus in bello*, разделив ответственность политиков и военных.

В третьей главе мы обратились к наиболее актуальным проблемам международных отношений наших дней, исследование которых составляет предмет изучения современных теоретиков справедливой войны. В условиях трансформации структуры политических отношений особую роль получают новые участники конфликтов: иррегулярные силы, которые представлены террористическими организациями, повстанческими группами и др. Усиливается влияние на войну экономических агентов, которые не только обслуживают армию, но и могут принимать участие в

конфликтах посредством действий частных военных компаний и разведывательных организаций. Кроме того, развитие науки и техники приводит к появлению новых форм и даже пространств борьбы.

Настоящее исследование не может считаться исчерпывающим материалом по теории справедливой войны. Концепции столь разнообразны, темп их обновления крайне высок, а проблемные поля, которые они затрагивают, постоянно расширяются. И мы хотели бы указать на те проблемные моменты, с которыми сталкивается теория справедливой войны и которые ей ещё предстоит преодолеть, а также определить некоторые направления развития настоящего исследования.

Теория справедливой войны внешне кажется предельно сбалансированной, гибкой и в полной мере отвечающей задаче ограничения войны, однако ряд положений делают её крайне агрессивной или разрушают её стройность. И сами авторы теорий справедливой войны указывают на возможные слабые стороны собственных концепций. Н. Фоушин замечает, что теория справедливой войны вызывает немало нареканий. Так, зачастую высказываются суждения о «недостаточном её использовании, или о её лицемерном применении, или о том, что на самом деле её применение причиняет больше вреда, нежели блага, или что она в любом случае слишком неопределенная, чтобы давать хоть какой-то положительный результат»³⁴⁰. Однако сторонники концепции *bellum justum* убеждены в обратном: по их мнению, в большинстве случаев теория справедливой войны справляется с теми задачами, которые она призвана решать.

³⁴⁰ Ibid. P. VII.

Кроме всего прочего, статус теории справедливой войны значительно изменился в последние годы. Как отмечает М. Уолцер, теория справедливой войны долгое время применялась для критики военных кампаний, однако в силу того, что со временем она инкорпорировалась в инструментарий международной политики, всё чаще её используют для оправдания войн³⁴¹. Концепция *bellum justum*, таким образом, применяется или может быть использована не только ради ограничения войны и установления мира, но и для утверждения права некоторой политической общности начинать и вести войны. М. Уолцер говорит о том, что справедлива всегда только одна сторона конфликта. Но вопрос об источнике справедливости, об авторе определения правой стороны за редким исключением остаётся открытым и далеко не всегда имеет решение. Отсюда проистекает угроза узурпации идеи справедливости и права оценки войн, что в дальнейшем может привести к значительной эскалации конфликтов, ничем не сдерживаемых и ничем не ограниченных.

Ценностный раскол теории справедливой войны приводит к тому, что изначальная цель борьбы за мир уходит на второй план или совсем теряется, уступая место побочным целям, решение которых удобнее добиваться силовыми методами. В этом контексте лишаются своих привычных трактовок положения, которые постулировались ранее как общечеловеческие принципы гуманизма. Так, доктрина двойного эффекта, которую оправдывает практически каждый сторонник теории справедливой войны, фактически легитимирует атаки на гражданское население. И наиболее размытой представляется концепция чрезвычайных обстоятельств (*supreme emergencies*) М. Уолцера, которая буквально сводит на нет все достижения теории

³⁴¹ Walzer M. The Triumph of Just War Theory. (and the Dangers of Success) / *Arguing about war*. P. 13.

справедливой войны в нравственном ограничении конфликтов. Сторонники концепции справедливой войны должны провести ревизию теории, избавив её от указанных недостатков и проблемных мест, но, как замечает Б. Н. Кашников, это будет уже «принципиально иная теория морально необходимой войны»³⁴².

Что же касается возможности продолжения изучения современных концепций справедливой войны, то, как нам кажется, дальнейшего исследования требуют прежде всего работы авторов нового поколения теоретиков справедливой войны: Дж. МакМахана, Б. Оренда³⁴³ или О. О'Донована³⁴⁴. Необходимо исследовать концепции справедливой войны, дополненные идеями *jus ante bellum* и *jus post bellum*, которые превращаются в сложную и разветвлённую политическую доктрину. Также требует отдельной тщательной проработки и вопрос о трактовке понятия справедливости в рамках концепции *bellum justum*. В этой связи проведённое нами исследование представляется возможной исходной точкой для будущих работ по изучению теории справедливой войны, которая продолжает своё постоянное обновление и развитие, обусловленное трансформациями политического и появлением новых форм конфликтов.

³⁴² Кашников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны. С. 28.

³⁴³ Orend B. *The Morality of War*.

³⁴⁴ O'Donovan O. *The Just War Revisited*. P. Cambridge University Press, 2003.

Список литературы

1. Августин. О граде Божьем. – М.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
2. Августин. Творения // Его же. Собрание сочинений в 4 тт. Сост. С. И. Еремеева. – СПб., Алетейя – Киев, Уцимм-пресс, 1998.
3. Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. – М.; Рига: Благовест, 1995.
4. Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. – 2002. – Вып. 3.
5. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // НП "Редакция журнала "ПОЛИС". – 2002. – Вып. 3.
6. Апресян Р. Г. Справедливой войны принципы // Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001.
7. Аристотель. Политика. // Его же. Сочинения в 4 тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
8. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2011.
9. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994.
10. Гоббс Т. Левиафан // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
11. Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – Париж: издательство газеты «Сигнал», 1938.
12. Гроций Г. Три книги о праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.
13. Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. – 1994. – № 4.

14. Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
15. Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно–философской и общественно–политической мысли России. / Ответственный редактор: Павлова Т. А. – М.: ИВИ РАН, 1997.
16. Дмитриев Т. А. Войны XXI века. // Сократ. – 2010. – № 2.
17. Законы Ману. – М.: Наука, 1992.
18. Зомбарт В. Война и капитализм // Его же. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
19. Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. // Его же. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005.
20. Гобозов И.А. Введение в философию истории. – М.: ТЕИС, 1999.
21. Ильин И.А. Духовный смысл войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9-10. – М., 1999.
22. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. – М., 1999.
23. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. – М., 1999.
24. Кант И. К вечному миру // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.
25. Кант И. Критика практического разума // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 5. – М.: Мысль, 1965.
26. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1965.

27. Кант И. Основы метафизики нравственности // Его же. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1965.
28. Кашников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно–юридический журнал. – 2012. – № 11.
29. Кашников Б. Н. Природа террористического действия. Проблемы и примеры / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов. В 2 ч. Ч. 1. Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008.
30. Кашников Б. Н. Частные военные компании и принципы Jus in Bello // Военно–юридический журнал. – 2010. – № 12.
31. Кашников Б. Н. Частные военные компании как морально–политическая проблема современности. // Российский научный журнал. – 2012. – № 6 (19).
32. Керсновский А. А. О природе войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. – М., 1999.
33. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013.
34. Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. – СПб.: Наука, 2004.
35. Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2007.

- 36.Кревельд М. ван. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- 37.Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006.
- 38.Куманьков А. Д. Теория справедливой войны: причины актуализации концепции // Журнал Философов Славянских Стран „ΣΟΦΙΑ”. – 2013. – № 13. (в печати).
- 39.Куренной В. А. Война, терроризм и медиа // Прогнозис. – 2006. – № 1 (5).
- 40.Куренной В. А. Философия войны на закате Просвещения // Отечественные записки. – 2002. – № 8.
- 41.Локк Дж. Два трактата о правлении // Его же. Сочинения в 3 тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.
- 42.Макиавелли. Государь. – М.: Планета, 1990.
- 43.Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005.
- 44.Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята в 1989.
- URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml
- 45.Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008.
- 46.Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / Под ред. Коппитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. – М.: Гардарики, 2002.

47. Образцов И. В. Исследование войны как специфического социального процесса // Социологические исследования. – 1992. – № 3.
48. Платон. Государство. – М.: Наука, 2005.
49. Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999.
50. Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. – Пг.: Типография А.С.Суворина, 1915.
51. Ролз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. – 2006. – № 9.
52. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010.
53. Руткевич А. М. Вернер Зомбарт – историк капитализма // Зомбарт В. Сочинения. Т.1. – СПб.: Владимир Даль, 2005.
54. Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007.
55. Скворцов А. А. Можно ли победить войну? // Сократ. Журнал современной философии. – 2010. – № 2.
56. Скворцов А.А. Нравственные проблемы войны // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2001. № 1.
57. Скворцов А. А. Русская религиозная этика войны XX века. – М.: МАКС Пресс, 2002.
58. Скворцов А. А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. – 2001. – № 2. – С. 216-230.
59. Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003.

60. Соловьёв А. В. Проблемы войны и мира во взглядах французских мыслителей и общественных деятелей XX века. – М.: ВИУ, 1999.
61. Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1988.
62. Сорокин П. А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. – 1999. – № 5.
63. Сунь-цзы. Искусство войны. – М.: Феникс, 2002.
64. Уолцер М. О терпимости. – М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
65. Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 7.
66. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис (Политические исследования). – 2005. – № 2. С. 6-25.
67. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Его же. Сочинения в 2 тт. Т.1. – СПб.: Мифрил, 1993.
68. Фрагменты ранних греческих философов / Издание подготовил А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989.
69. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. – 1914. – № 12.
70. Фукидид. История Пелопоннесской войны. – М.: София, Пролог, 1994.
71. Хабермас Ю. Расколотый запад. – М.: Весь Мир, 2008.
72. Харт Г. Понятие права. – СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 2007.
73. Хёффе О. Справедливость: Философское введение. – М.: Праксис, 2007.

74. Хёффе О. Шмитт – маргинален. Кант – актуален // Русский журнал.
URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/SHmitt-marginalen.-Kant-aktualen>
75. Хофмайстер Х. Воля к войне или бессилие политического. – СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006.
76. Цзы Лао. Дао Дэ Цзин. – М.: София, 2012.
77. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
78. Энгельгарт М. А. Вечный мир и разоружение. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899.
79. Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001.
80. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933. – М.: Скимень, 2008.
81. A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops. The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. Office of Pub. Services, United States Catholic Conference, 1983
82. Aboul-Enein Y., Zuhur S. Islamic Rulings on Warfare. DIANE Publishing, 2004
83. Allhoff F. The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism // Journal of Military Ethics. Vol. 8. № 4. 2009.
84. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar Is Coming! // Comparative Strategy. Vol. 12. № 2. 1993.
85. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and netwars: the future of terror, crime, and militancy. Santa Monica, Ca: RAND Corporation. 2001.

86. Arquilla J. Twenty Years of Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
87. Bagehot W. Physics and Politics Or thoughts On The Application Of The Principles of "Natural Selection" and "Inheritance" To Political Society. Cosimo Classics, 2007.
88. Barrett E. T. Warfare in a new domain: the ethics of military cyber–operations // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
89. Beaumont P. America gears up for a new kind of war. // The Observer.
90. Carlson J. D. The morality, politics, and irony of war. Recovering Reinhold Niebuhr’s Ethical Realism // Journal of Religious Ethics. Vol. 36. № 4. 2008.
91. Carlyle T. On Heroes and Hero Worship and the Heroic in History. London, Chapman and Hall, 1840.
92. Carr E.H. The Twenty Years Crisis. Palgrave Macmillan, 2001.
93. Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Prentice Hall. 1999.
94. Clarke R. A., Knake R, Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. NY, HarperCollins, 2010.
95. Cohen S. Arms and Judgment: Law, Morality and the Conduct of War in the Twentieth Century. Boulder, Colo.: Westview Press, 1963.
96. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.
97. Creveld M. The Rise and Decline of the State. Cambridge University Press, 2004.

98. Dilanian K. Cyber-attacks a bigger threat than Al Qaeda, officials say // Los Angeles Times. 12 March 2013.
99. Dipert R. R. Other-than-Internet (OTI) Cyberwarfare // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
100. Eberle C. J. Just War and Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
101. Edrei A. Spirit and Power: Rabbi Shlomo Goren and the Military Ethic of the Israel Defence Force // Theoretical Inquiries in Law. Vol. 7. 2005–2006.
102. Elstain J. B. Just War Against Terror: The Burden Of American Power In A Violent World. New York: Basic Books, 2003.
103. Elstain J. B. Terrorism, Regime Change, and Just War: Reflections on Michael Walzer // Journal of Military Ethics. Vol. 6. № 2. 2007.
104. Eppstein J. The catholic tradition of the law of nations. The law book exchange Ltd. Clark, New Jersey. 2008.
105. Fotion N., Elfstrom G. Military Ethics: Guidelines for Peace and War. Routledge Kegan & Paul, 1986.
106. Fotion N. Military Ethics: Looking Toward the Future. Hoover Inst Pr, 1991.
107. Fotion N. Moral Obligation & the Military. National Defense University Press, 1988.
108. Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. Terrorism. The New World Disorder. New York: Continuum, 2008.
109. Fotion N. Two Theories of Just War. Philosophia. Springer Science + Business Media B.V., 2006.

110. Fotion N. War and ethics: a new just war theory. New York: Continuum, 2007.
111. Grotius H. Mare Liberum. Create Space Independent Publishing Platform, 2012.
112. Haydar B. The Ethics of Fighting Terror and the Priority of Citizens // Journal of Military Ethics. Vol. 4. № 1. 2005.
113. Holmes R. Nonviolence in Theory and Practice. Waveland Press, 2004.
114. Holmes R. Pacifism for Nonpacifists // Journal of Social Philosophy. Vol. 30. № 3. 1999.
115. Huntington Samuel P. The Soldier and the State. Boulder, Colo, Westview Press, 1986.
116. Jenkins R. Is Stuxnet Physical? Does it Matter? // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
117. Kasher A.,Yadlin A. Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective // Journal of Military Ethics. Vol. 4. № 1. 2005.
118. László Kiss J. Hyperterrorism and the Formation of the “New” International Order // Responses to Terrorism. Vol. II. In the Trap of Political Marketing. Budapest: Mágustudió, 2006.
119. Lauterbach A. Militarism in the western world // Journal of the History of Ideas. University of Pennsylvania Press Vol. 5. № 4. 1944.
120. Matei O. The Machiavellian Concept of Civic Virtues // Society and Politics. Vol. 5. № 1 (9). 2011.
121. McKenna J. C. Ethics and War: A Catholic View // American Political Science Review. Vol. 54. № 3. 1960.

122. McMahan J. Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // Journal of Military Ethics. Vol. 6. № 1. 2007.
123. McMahan J. Killing In War. Oxford: Oxford University Press, 2009.
124. Meisels T. Combatants: Lawful and Unlawful // Law and Philosophy. Vol. 26. № 1, 2007.
125. Morgenthau H. National Interest and Moral Principles in Foreign Policy: The Primacy of the National Interest // American Scholar. № 18. 1949.
126. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1978.
127. Mozi. Book 4. Universal Love I. Later Mohist Logic, Ethics, and Science. Chinese University Press, 1978. URL: <http://ctext.org/mozi/universal-love-i>
128. Mozi. Book 5. Condemnation of Offensive War I. Later Mohist Logic, Ethics, and Science. Chinese University Press, 1978. URL: <http://ctext.org/mozi/condemnation-of-offensive-war-i>
129. Münkler H. Die neuen Kriege. Privatisierte Gewalt: Der Terrorismus fordert immer mehr zivile Opfer. // Tagblatt. 2002.
130. Narveson J. Is Pacifism Reasonable? // Filozofski Godišnjak. Beograd. № 25. 2012.
131. Nathanson S. Terrorism and the Ethics of War. Cambridge University Press, 2010.
132. Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems. New York: Charles Scribner's Sons, 1953.

133. Niebuhr R. Love and Justice: Selections from the Shorter Writings of Reinhold Niebuhr. Edited. by D.B. Robertson. Louisville, Ky.: Westminster, John Knox Press, 1992.
134. Niebuhr R. Man's Nature and His Communities. Essays on the dynamics and enigmas of man's personal and social existence. New York: Scribner, 1965.
135. Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. Kessinger Publishing, 2006.
136. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974.
137. O'Donovan O. The Just War Revisited. P. Cambridge University Press, 2003.
138. Orend B. Michael Walzer on Resorting to Force // Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique. XXXIII:3.
139. Orend B. The Morality of War. Broadview Press, 2006.
140. Orend B. War and International Justice: A Kantian Perspective. Wilfrid Laurier Univ. Press, 2000.
141. Patterson E. Christianity and Power Politics Today: Christian Realism and Contemporary Political Dilemmas. Palgrave Macmillan, 2008.
142. Perry D. L. Ambiguities in the 'War on Terror' // Journal of Military Ethics. Vol. 4, № 1. 2005.
143. Peterson U. E. Breathing Nietzsche's Air: New Reflections on Morgenthau's Concepts of Power and Human Nature // Global, Local, Political. Vol. 24. № 1. 1999.
144. Philips P. War and Justice. University of Oklahoma Press, 1985.

145. Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. Rowman & Littlefield. 2002 / Reprint New York, Scribner, 1968.
146. Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 1971.
147. Riley W. The Philosophy of Militarism: Its Exponents and Critics. The Bookman, March 1917.
148. Robinson P. On Resistance to Evil by Force: Ivan Il'in and the Necessity of War // Journal of Military Ethics. Vol. 2. № 2. 2003.
149. Ross W. D. The Right and the Good. – Oxford: Clarendon Press, 1930.
150. Scheler M. Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher, 1917.
151. Schwartz M., Swain J. Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Congressional Research Service. 2011.
- URL <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf>
152. Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Cornell University Press, 2003.
153. Singer P. W. The Ethics of Killer Applications: Why Is It So Hard To Talk About Morality When It Comes to New Military Technology? // Journal of Military Ethics. Vol. 9. № 4. 2010.
154. Stavrianakis A., Selby J. Militarism and International Relations. Political Economy, Security, Theory. New York: Routledge, 2013.
155. Sidgwick H. The Elements of Politics. New York: Cosimo. 2005.
156. Steinhoff U. On the Ethics of War and Terrorism. Oxford University Press, 2007.

157. Strawser B. J. Guest Editor's Introduction the Ethical Debate over Cyberwar // Journal of Military Ethics. Vol. 12. № 1. 2013.
158. Taylor T. Nuremberg and Vietnam: An American Tragedy. Chicago: Quadrangle Books, 1970.
159. Terrorism: The Philosophical Issues. / Edited by Primoratz I. London: Palgrave, 2004.
160. Treitschke H. Politics. New York: The Macmillan Company, 1916.
161. The Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. General editor Michael N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.
162. Vitoria F. De Indis et de jure belli relectiones. New York, London: Oceana Publications Inc., Wildy & Sons Ltd, 1964.
163. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press, 2006.
164. Walzer M. War and Peace in the Jewish Tradition / The Ethics of War and Peace, ed. Terry Nardin. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 95-114.
165. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York: Basic Books. 2000.
166. Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. University of Notre Dame Press, 1994.
167. Walzer M. Regime Change and Just War // Dissent. 2006.
URL: <http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663>
168. Waltz K. Man, the State and War. New York: Columbia University Press, 1954.

